СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ КОНЦА XVIII ВѢКА.

Всеволода Соловьева.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть вторая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1882.
Изданіе А. Ф. Маркса.

2.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Надъ кратеромъ

Стоялъ теплый, ясный осенній день. Солнце свѣтило такъ радостно,—такъ радостно щебетали птицы на липовыхъ пожелтѣлыхъ вѣткахъ садиковъ, едва выглядывавшихъ изъ-за каменныхъ стѣнъ домовъ, что невозможно было повѣрить никакимъ ужасамъ, никакимъ волненіямъ. Торжественная ясность природы должна была отразиться и въ людской жизни. Съ перваго раза такъ оно и казалось. Парижъ, переживший уже страшные дни и готовившійся переживать еще болѣе страшные, какъ будто отдыхалъ, будто заснулъ мирно и безмятежно, позабывъ всѣ свои тревоги, свои возбужденныя и кипѣвшія страсти. На улицахъ было все мирно. Оживленная толпа

спѣшила по своимъ дѣламъ, всѣ лица были спокойны, даже веселы Мальчишки привычнымъ голосомъ выкрикивали названія газетъ, въ кофейняхъ, изъ-за спущенныхъ отъ солнца маркизъ, виднѣлись мирныя группы за маленькими столиками.

Глядя въ это ясное осеннее утро, на красивый оживленный городъ, на веселую, но спокойную толпу, на чистоту и порядокъ на всѣхъ улицахъ, невозможно было представить, что этотъ городъ, эта толпа — совсѣмъ не то, чѣмъ они казались. Все тихо, но стоитъ откуда-нибудь донестись нежданному и необычному рѣзкому звуку — и эта спокойная, веселая толпа разомъ дрогнетъ и превратится въ дикаго звѣря...

Именно такъ думалъ молодой человѣкъ, оставившій свой нарядный, съ англійской упряжью, экипажъ при въѣздѣ въ Сенъ-Жерменское предмѣстье и пѣшкомъ спѣшившій по довольно узкой, старинной улицѣ, обставленной роскошными, уже начинавшими темнѣть отъ времени, отелями. Но онъ не долго думалъ о томъ, что его окружало: о толпѣ, о затишьи Парижа. Новыя мысли, или вѣрнѣе чувства, скоро наполнили его...

Молодой человѣкъ былъ строенъ, красивъ, несмотря даже на костюмъ, который будто нарочно былъ придуманъ для того, чтобы уничтожать человѣческую красоту, чтобы дѣлать смѣшною мужскую фигуру.

А между тѣмъ этотъ костюмъ считался въ то время самымъ моднымъ и входилъ во всеобщее употребленіе. Его выдумали англичане, объявивъ верхомъ изящной простоты и онъ быстро распростра-

нялся по всему міру. Безобразная высокая, цилиндрическая шляпа замѣнила граціозную треугольную шляпу съ перьями, вмѣсто длиннаго камзола и яркаго, расшитаго позументами кафтана — явился короткій вычурный жилетъ и неуклюжій фракъ съ длиннѣйшими, хвостообразными фалдами.

Въ этомъ комичномъ, будто маскарадномъ костюмѣ трудно было узнать Сергѣя Горбатова; но все-же это онъ спѣшилъ по старинной улицѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. И не одинъ только костюмъ измѣнилъ его, и въ лицѣ его замѣчалась перемѣна.

Свѣжія краски здоровой юности уже померкли, щеки его были блѣдны, глаза будто впали, обвелись темною тѣнью. Онъ казался нѣсколько утомленнымъ. Но этотъ видъ утомленія, эта блѣдность такъ шли къ нему. Онъ ужь не былъ больше хорошенькимъ мальчикомъ — онъ казался вполнѣ развившимся человѣкомъ съ интересною и осмысленною наружностью. .

Онъ взглянулъ на большіе круглые часы, вставленные въ фронтонъ одного изъ отелей, стрѣлки которыхъ ярко сверкали на солнцѣ.

— Одиннадцать! уже одиннадцать!.. озабоченно, почти громко проговорилъ онъ и прибавилъ шагу, всматриваясь въ величественное темное зданіе, которое своей внушительной наружностью выдѣлялось даже среди окружавшихъ его великолѣпныхъ домовъ.

Почти всѣ отели на этой улицѣ, принадлежавшіе представителямъ знаменитѣйшихъ французскихъ фамилій, имѣли теперь очень печальную наружность. Окна были наглухо заперты, мѣстами совсѣмъ зако-

лочены. Владѣльцы рѣдко сюда заглядывали, нѣкоторые изъ нихъ не выѣзжали изъ Версаля, а другіе и совсѣмъ начинали покидать не только Парижъ, но и Францію — спасаясь отъ ужасовъ наступившей и съ каждымъ днемъ развивавшейся революціи.

Одно только темное зданіе, на которое такъ внимательно глядѣлъ Сергѣй, выказывало нѣкоторые признаки жизни: два, три окошка, выходившія на улицу, были открыты, калитка высокихъ чугунныхъ рѣзныхъ воротъ, на которыхъ красовался гербъ герцоговъ д'Ориньи, была тоже пріотворена и возлѣ нея стоялъ привратникъ.

Сергѣй почти подбѣжалъ къ этой калиткѣ.

— Герцогъ вернулся? спросилъ онъ привратника, едва переводя духъ.

— Нѣтъ, герцогъ не возвращался, отвѣтилъ тотъ, слегка кланяясь; — но герцогиня часа уже три какъ изволила пріѣхать изъ Версаля...

— Она у себя? могу я ее видѣть?.

— Надо думать, что можете, если только герцогиня васъ приметъ, но объ этомъ я ничего не могу сказать вамъ... тамъ есть другіе, которые можетъ быть и знаютъ больше меня... да вы куда?!—большой подъѣздъ запертъ, у насъ нынче на улицѣ не найдете ни одного незаколоченнаго подъѣзда... Сюда, во дворъ пройдите... вотъ налѣво, къ этой двери — тутъ вамъ и скажутъ, принимаетъ-ли герцогиня...

Сергѣй поспѣшилъ по указанному направленію, а привратникъ глядѣлъ ему вслѣдъ съ презрѣніемъ и ворчалъ себѣ подъ носъ:

„Ишь вѣдь какимъ чортомъ нынче одѣваться на-

чали!.. какъ есть чортъ — и хвостъ сзади. Ну, да тамъ, братъ, хоть самимъ сатаной прикинься—хвостомъ-то ужь никого не надуешь—знаемъ мы васъ, видна птица по полету!..“

Сергѣй тихонько стукнулъ у небольшой двери, которая тотчасъ-же отворилась. Показался старый, почтенный лакей, одѣтый еще въ напудренный парикъ и кафтанъ. Онъ почтительно поклонился Сергѣю, котораго очевидно уже зналъ и тихимъ, печальнымъ голосомъ проговорилъ:

— Пожалуйте, monsieur le prince, я проведу васъ къ герцогинѣ, она ждетъ васъ.

Онъ пошелъ передъ Сергѣемъ, немного прихрамывая и волоча свои старыя ноги.

Долго имъ пришлось идти по длиннымъ корридорамъ и переходамъ. Наконецъ они поднялись на небольшую мраморную лѣстницу. Старикъ неслышно отворилъ дубовую дверь. Прошли еще двѣ, три комнаты...

— Обождите минуточку, monsieur le prince, сейчасъ я доложу герцогинѣ...

Сергѣй увидѣлъ себя въ небольшой изящной гостиной, заставленной блѣдно-голубой атласной мебелью, съ такими-же блѣдно-голубыми спущенными на окнахъ шторами, съ росписаннымъ амурами и гирляндами потолкомъ, съ многочисленными узкими и длинными зеркалами, со всѣхъ сторонъ вдѣланными въ стѣны и безконечно отражавшими всѣ предметы.

Тишина стояла полная. Звуки шаговъ замирали въ мягкомъ, пушистомъ коврѣ, которымъ была обита комната. Только съ улицы, черезъ пріотворенное за

спущенной блѣдно-голубой шторой окно, доносились по временамъ отзвуки городскаго шума.

Сергѣй стоялъ неподвижно, разсѣянно выронивъ изъ рукъ свою безобразную цилиндрическую шляпу. Лицо его среди этого голубоватаго отблеска казалось еще блѣднѣе. Въ его полузакрытыхъ глазахъ, въ уголкахъ рѣзко очерченнаго красиваго рта виднѣлось страданіе.

Но вотъ едва скрипнула дверь и въ голубой гостиной появилась женская фигура.

Она была молода — эта женщина и чрезвычайно красива. Высокая, стройная, нѣсколько худощавая и блѣдная, но съ такой граціозной, изящной манерой, съ такими чудными и мягкими черными глазами. Черты ея лица не были правильны: маленькій носъ совсѣмъ неопредѣленной, почти неуловимой формы, ротъ можетъ быть нѣсколько великъ; но все вмѣстѣ было прелестно. И на всей ея фигурѣ въ темномъ простомъ платьѣ изъ какой-то полупрозрачной матеріи, сквозь которую просвѣчивали очертанія прекрасно округленныхъ плечъ и тонкихъ, почти дѣтскихъ рукъ, лежала печать сознательной женской силы, могучаго соблазна, съ которыми нельзя бороться.

Почти неслышно войдя въ комнату и затворивъ за собою дверь, она тихо улыбнулась Сергѣю, тихо подняла на него свои темные глаза и протянула ему обѣ руки.

— Enfin vous voila! а я думала, что вы не покажетесь и на мою записку, что вы навсегда исчезли...

Сергѣй взглянулъ на нее совсѣмъ блѣдный, со-

всѣмъ страдающій, и вдругъ схватилъ ея протянутыя руки и покрылъ ихъ безумными, несчетными поцѣлуями.

— Развѣ я могъ не придти, когда вы меня позвали?! страстно прошепталъ онъ.

— Зачѣмъ-же было бѣжать изъ Версаля? развѣ я гнала васъ?!

— Нѣтъ, отъ васъ никуда не убѣжишь! шепталъ онъ какъ въ горячкѣ, пожирая ее страстнымъ взглядомъ, не въ силахъ будучи выпустить изъ своихъ рукъ ея маленькія, тоненькія руки.

Она повела его за собою къ низенькому мягкому диванчику и онъ почти упалъ рядомъ съ нею.

Она тихо улыбалась.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Они только глядѣли другъ на друга, но онъ страдалъ, а на ея лицѣ играла все та же тихая, ласковая улыбка.

Наконецъ она заговорила:

— Зачѣмъ же была вся эта странная сцена, эти безумныя признанія — и потомъ вдругъ побѣгъ?!. Я слушала такъ внимательно, ваша импровизированная поэма была дѣйствительно прекрасна...

— Зачѣмъ! зачѣмъ?!. задыхаясь перебилъ онъ ее, — оттого, что я очень несчастливъ, оттого что я люблю васъ до сумасшествія!

— Въ этомъ еще я не вижу несчастья, мой другъ, сказала она... Развѣ я когда нибудь была жестокой съ вами? развѣ вы не видѣли въ это послѣднее время, что я тоже люблю васъ?!.

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, блаженное чувство на мгновеніе мелькнуло въ глазахъ его, но вдругъ онъ отшатнулся и даже выпустилъ ея руки.

— Боже мой! вы меня любите... вы сами наконецъ сказали мнѣ это? О, я и прежде зналъ, Мари, что вы меня любите... Боже мой, какъ мы несчастны!!

Она съ изумленіемъ взглянула на него и тихонько пожала плечами. Но онъ не замѣтилъ этого движенія.

— Вы меня любите, говорилъ онъ,—и вотъ вмѣсто того, чтобы считать себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, я готовъ наложить на себя руки... Зачѣмъ мы встрѣтились?! Зачѣмъ встрѣтились такъ поздно! вы принадлежите другому, онъ имѣетъ права на васъ и мнѣ нельзя съ нимъ бороться... О, Мари, для чего вы пріѣхали изъ Версаля, для чего вы меня позвали? Вѣдь вы же знали, что я прибѣгу, а мы не должны видѣться...

— И онъ еще спрашиваетъ, зачѣмъ я это сдѣлала!? Вы меня просто оскорбляете! вы въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій человѣкъ и сами не знаете чего хотите... Не будьте же ребенкомъ! Съ какой стати придумывать себѣ мученія... что сдѣлано, того не воротишь... Ну да, я замужемъ!—но спросите меня какъ я выходила замужъ.. Развѣ это была любовь?! Пришло время, я уже два года какъ вышла изъ монастыря, отказала нѣсколькимъ женихамъ, явился герцогъ—сдѣлалъ предложеніе... Онъ былъ хорошей партіей и такой приличный человѣкъ... отказывать ему было-бы глупо... вотъ я и вышла замужъ. Я никогда и не воображала, что люблю его, да и онъ, я полагаю, не ждалъ отъ меня вѣчной любви.. Мы провели съ нимъ веселое время, все было такъ ново. Ну, а потомъ увидѣли что мало подходимъ другъ

къ другу... Спросите его: любитъ ли онъ меня?.. какъ будто я не знаю, что не далѣе какъ въ прошломъ году онъ купилъ великолѣпные брилліанты для одной актрисы...

— Но вѣдь вы носите его имя, вы навсегда съ нимъ связаны... у васъ могутъ быть дѣти!..

— Et vous dites encore que vous m'aimez, monsieur! совсѣмъ оскорбленная вскричала герцогиня,— развѣ это любовь!? вы разсуждаете какъ лавочникъ передъ счетной книгой... вы подводите итоги... Какая же это любовь?! Я вижу что напрасно пріѣхала въ этотъ ужасный Парижъ, рискую можетъ быть большой непріятностью, только для того чтобы васъ увидѣть...

Но въ лицѣ его было столько страданія, столько страсти, что она успокоилась и продолжала уже другимъ тономъ.

— Дѣти! Однако вотъ у меня дѣтей нѣту, да конечно и не будетъ. . Въ это ужасное время, которое мы переживаемъ, развѣ можно имѣть дѣтей, развѣ можно теперь думать о дѣтяхъ?! Посмотрите что кругомъ дѣлается, вѣдь не сегодня такъ завтра все это взлетитъ на воздухъ, вѣдь мы живемъ надъ кратеромъ, который вотъ, вотъ поглотитъ всѣхъ насъ! И странно право! развѣ *мнѣ* нужно все это говорить вамъ?!. Стыдитесь, я женщина—и я ободряю васъ, учу быть мужчиной... Слышите я люблю васъ, вы достигли своей цѣли... Вы два мѣсяца, съ первой минуты какъ появились въ Версалѣ, изо дня въ день, меня преслѣдовали...

— Я не преслѣдовалъ васъ, Мари! прошепталъ Сергѣй.

— Не преслѣдовали?! ну такъ можетъ быть это безсознательно у васъ дѣлалось, но гдѣ бы я ни была—я видѣла вашъ устремленный на меня взглядъ. И о! вы умѣли говорить этимъ взглядомъ... Я сначала не обращала на васъ вниманія, но вы были терпѣливы, вы поступали по женски, какъ самая опытная кокетка... вы тянули, заинтересовывали... Ну и, говорю, добились своей цѣли! Чего же вамъ еще больше?! вы заставили меня ободрять васъ... вы довели меня до того, что я дѣлаю глупости, я забываю свое достоинство женщины, я сама иду вамъ на встрѣчу... Я жду васъ, зову—а вы разсуждаете, вы сводите какіе-то итоги... вы безумствуете! вы заставляете меня думать, что вы обманули меня.. что вы не любите меня, что это только игра... оскорбительная игра и ничего больше!

Онъ все молчалъ, не отрываясь глядя на взволнованное, прелестное лицо ея, ежесекундно мѣнявшее выраженіе, ежесекундно становившееся все соблазнительнѣе и прелестнѣе.

— Serge, что вы со мной сдѣлали?! проговорила она вдругъ упавшимъ голосомъ и на глазахъ ея показались слезы.

Съ крикомъ страсти и обожанія, вырвавшимся изъ груди его, онъ упалъ передъ нею, охватилъ ея гибкій тонкій станъ жадными руками, покрывая поцѣлуями ея руки и колѣни.

Онъ позабылъ все прошлое, всю тоску и мученія этихъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, когда онъ тщетно боролся съ собою, чтобы вырвать изъ себя ея сладостный образъ, наполнявшій его мучительнымъ блаженствомъ. Онъ позабылъ все, о чемъ помнилъ даже

теперь, нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, въ ея присутствіи, все, что казалось ему несчастьемъ и приговоромъ, что заставляло его гнать мысль о счастьи, что стояло неразрушимой преградой между нимъ и ею.

Теперь уже не было преграды—она рухнула отъ одного сладостнаго прикосновенія.

Она права: зачѣмъ мучиться? о чемъ думать? нужно жить, нужно любить... нужно ловить счастье!..

Не сопротивляясь, она принимала его горячія ласки. Она приподняла со своихъ колѣнъ его голову.

Долгій и сладкій поцѣлуй тихо прозвучалъ по голубой гостиной...

— Повтори... скажи что ты меня любишь! шепталъ онъ, страстно прижимаясь къ ней и засматривая въ ея отуманившіеся глаза, — скажи что меня любишь, что никого до меня не любила...

— Je t'aime... разслышалъ онъ ея слабый вздохъ.

Но ему ужь нечего было спрашивать — она принадлежала ему.

Ему казалось что онъ взялъ ее по праву, по самому священному праву, по праву любви, которой нѣтъ конца, нѣтъ предѣловъ...

II.

Семья.

Кто же она — эта женщина, одержавшая такую рѣшительную побѣду надъ цѣломудреннымъ Сергѣемъ, заставившая его такъ скоро забыть далекую Таню,—его, до сихъ поръ успѣшно побѣждавшаго всѣ соблазны?

Герцогиню д'Ориньи зналъ весь Парижъ того времени. Она признавалась одною изъ самыхъ привлекательныхъ звѣздъ Версаля. Она была дочь графа де-Марси, того самаго де-Марси, который еще въ царствованіе Людовика XV былъ извѣстенъ въ Парижѣ блестящими балами и празднествами, на которые въ его роскошный отель собиралось все высшее общество.

Предки де-Марси владѣли огромными помѣстьями въ Бретани. Самъ графъ получилъ очень большое

состояніе: по мѣстному закону онъ, какъ старшій въ семьѣ, наслѣдовалъ отъ отца двѣ трети всего имущества. Его богатства могло хватить на очень роскошную жизнь, но только въ томъ случаѣ, еслибы онъ умѣлъ считать свои доходы и расходы,—а онъ совсѣмъ не умѣлъ этого. Онъ тратилъ ровно вдвое болѣе того, что получалъ и вовсе не былъ намѣренъ заботиться о томъ, чѣмъ все это кончится. Къ тому же и обстоятельства помогали. Въ довольно критическую минуту онъ успѣлъ поправить свои дѣла выгодной женитьбой.

Но это было не на долго; если онъ до женитьбы бросалъ деньги на право и на лѣво, то сдѣлавшись семьяниномъ онъ сталъ тратить конечно гораздо болѣе. Вся жизнь проходила нескончаемымъ праздникомъ, въ придумываніи новыхъ увеселеній, въ свѣтскихъ и придворныхъ успѣхахъ.

Графъ де-Марси, обладавшій красивой внѣшностью, имѣвшій большія связи, умѣвшій жить и держать себя съ тактомъ, пользовался репутаціей превосходнаго и изящнаго человѣка. Жена попалась ему подъ стать и повидимому ихъ супружество было самымъ счастливымъ. Да, они оба, и графъ, и графиня, дѣйствительно считали себя счастливыми и были довольны другъ другомъ. Они оба были прекрасно воспитаны и нисколько другъ другу не мѣшали, уважая взаимную свободу. А вѣдь только этого и было нужно. Въ теченіи долгой семейной жизни между ними не произошло ни одной ссоры, ни одного недоразумѣнія.

Но была ли это семейная жизнь? Мужъ и жена видѣлись очень рѣдко. Они обыкновенно встрѣчались

на балахъ и праздникахъ, или въ парадныхъ комнатахъ своего отеля, или въ Версалѣ. Встрѣчаясь, любезно улыбались, обмѣнивались двумя-тремя свѣтскими фразами и расходились.

Графъ любилъ женщинъ и нисколько не смущался своимъ положеніемъ женатаго человѣка. Всѣ отлично знали о его многочисленныхъ интригахъ, о его постоянно счастливыхъ любовныхъ приключеніяхъ. Конечно этому никто не придавалъ большаго значенія— о подобныхъ исторіяхъ говорилось съ благосклонной улыбкой, вскользь, между прочимъ.

Графиня любила мужчинъ и нисколько не смущалась своимъ положеніемъ замужней женщины. И о ея приключеніяхъ знали многіе, и о нихъ тоже говорили съ благосклонной улыбкой. Она ничѣмъ себя не скандализировала, она всегда такъ безукоризненно держалась, никто не зналъ за нею ни одного безтактнаго поступка, ни одного липняго слова—ее уважали.

Времена «варварства», когда воспѣвались семейныя добродѣтели, когда невѣрность супруговъ считалась преступленіемъ—прошли въ Парижѣ давнымъ давно. При дворѣ и въ обществѣ уже окончательно выработались новые взгляды, новыя понятія, новые нравы. Умѣніе жить съ тактомъ, никому не мѣшая и доставляя самому себѣ какъ можно болѣе удовольствій — вотъ была высшая и единственная добродѣтель, которая требовалась отъ свѣтскаго человѣка и отъ свѣтской женщины. Нѣсколько поколѣній потрудились надъ развитіемъ этой добродѣтели и она наконецъ доведена была до совершенства. Француз-

ское дворянство вступало въ золотой вѣкъ, жизнь превратилась въ сплошное удовольствіе.

Среди этого блестящаго общества можно было прожить многіе годы не услышавъ ни одного рѣзкаго, грубаго слова, не подмѣтивъ ни одной непріятной сцены. Всѣ были безукоризненно вѣжливы другъ съ другомъ. Даже враги, рѣшившіеся кровью покончить вражду свою, вышедшіе на дуэль, передъ началомъ поединка раскланивались другъ съ другомъ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ освѣдомлялись о здоровьи другъ друга.

И это была уже не жизнь, а просто роскошный апоѳеозъ волшебнаго балета. Страсти изгонялись потому, что онѣ были бы безобразящимъ диссонансомъ. Страсти портятъ жизнь, отравляютъ каждое удовольствіе, старятъ человѣка. А всѣмъ хотѣлось какъ можно дольше пользоваться красотой и молодостью, какъ можно полнѣе упиваться всѣми житейскими благами, которыя доставались такъ легко, безъ всякихъ усилій, приходили невѣдомо откуда и повидимому никогда не должны были исчезнуть.

Такъ зачѣмъ же при такихъ взглядахъ было стѣснять другъ друга и въ семейной жизни, къ чему тутъ была ревность, любовь?! Ревность не должна была существовать вовсе, потому что это одна изъ самыхъ мучительныхъ страстей.

А любовь? Любовь конечно процвѣтала, но только какъ одно изъ безчисленныхъ удовольствій, которому должно быть отведено свое мѣсто и которое не должно портить другихъ. Любовь была также нужна какъ новый нарядъ, какъ остроумный веселый разговоръ въ избранномъ обществѣ, какъ пре-

лестный праздникъ, какъ изысканный обѣдъ или ужинъ. Но однѣ и тѣ же остроты, одни и тѣ же кушанья, праздники съ одной и той же программой—конечно скоро бы надоѣли, все это нужно было мѣнять постоянно. Точно также нужно было постоянно мѣнять и любовь. Она являлась неожиданно, по вдохновенію, по капризу. Капризъ проходилъ, вдохновеніе охладѣвало—и любовь испарялась, чтобы замѣниться новою, такой же неожиданной, капризной и мгновенной.

Страстные поцѣлуи и клятвы звучали въ роскошной тишинѣ алькова. Но проходило нѣсколько дней — и нѣжные любовники встрѣчались въ гостиной... поцѣлуи и клятвы были забыты, отъ нихъ не оставалось и слѣда; не забывалась только взаимная любезность, первымъ правиломъ которой было никогда не поминать стараго...

Такъ жили всѣ. Точно также жили графъ и графиня де-Марси. Они были примѣрными супругами. Графиня знала, что ея состояніе испаряется съ каждымъ годомъ, знала что мужъ не ограничивается своими свѣтскими побѣдами, мимолетными интригами съ ея пріятельницами, что онъ тратитъ большія деньги на модныхъ актрисъ, — но ни разу не попрекнула его этимъ. Графъ тоже не вмѣшивался въ ея дѣла и если ему случалось встрѣчать въ ея гостиной молодого человѣка, который черезчуръ часто туда являлся, онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и только удвоивалъ любезность къ молодому человѣку, стараясь этимъ показать особенное свое вниманіе графинѣ. Онъ былъ убѣжденъ въ ея тактѣ, онъ зналъ какъ она хорошо воспитана и былъ

увѣренъ, что она никогда не доведетъ до скандала, не поставитъ его въ неловкое положеніе передъ обществомъ. Съ него было довольно этого сознанія.

Одинъ только разъ во все время ихъ семейной жизни чуть было не вышла непріятность. Какъ то войдя въ будуаръ графини безъ доклада, графъ оказался свидѣтелемъ слишкомъ нѣжной сцены между женою и однимъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ. На одно мгновеніе его красивое, спокойное лицо измѣнило свое обычное выраженіе, легкая краска появилась на щекахъ. Но онъ тотчасъ же и сдержалъ себя. Онъ граціозно раскланялся, вѣжливо извинился и вышелъ. А потомъ встрѣтясь съ графиней и замѣчая что она избѣгаетъ его взгляда, онъ шепнулъ ей:

— Какая неосторожность! ну хорошо еще что вошелъ я, а то вѣдь могъ войти и кто нибудь другой!..

Графиня ничего не отвѣтила. Она сознавала вину свою и твердо рѣшила, что впредь будетъ осмотрительнѣе. Съ этого времени подобныя сцены болѣе никогда не повторялись; впрочемъ и графъ уже ни разу не входилъ къ женѣ безъ доклада.

У графини были дѣти—сынъ и дочь. Графъ называлъ ихъ „mon fils“ и „ma fille“ и считалъ ихъ продолжателями своего рода. Дѣти были прелестны. Графъ и графиня позаботились чтобы воспитать ихъ нисколько не хуже, чѣмъ какъ воспитывались дѣти всѣхъ лучшихъ фамилій Франціи. Устроить это было легко, для этого не требовалось никакихъ жертвъ со стороны родителей. Дѣти нисколько не стѣсняли. Въ отелѣ Марси было такъ много комнатъ, что дѣт-

скіе крики никогда не достигали ни до половины графа, ни до половины графини. Дѣти являлись каждое утро, разряженные и раздушенные, поздороваться съ „papa“ и „maman“. Папа протягивалъ имъ для поцѣлуя свою руку, гладилъ ихъ по головкѣ и этимъ все кончалось. Maman, если бывала въ духѣ и никуда не спѣшила, рѣшалась на полчаса заняться ими. Она сажала ихъ передъ собою, оглядывала ихъ туалетъ, съ удовольствіемъ подмѣчала что они хорошѣютъ, кормила ихъ конфектами, учила ихъ декламировать хорошенькіе куплеты. Но полчаса проходило, дѣти, сначала сдержанные, начинали шалить, графиня приказывала ихъ увести и возвращалась къ своей собственной, веселой, беззаботной жизни.

Гдѣ они, какъ живутъ, что они дѣлаютъ, подъ чьимъ вліяніемъ находятся, нужно ли имъ что нибудь и что именно имъ нужно—она не знала. Дѣти были красивы и нарядны, но слишкомъ малы, а потому еще не требовали особыхъ попеченій. И она не знала, что эти бѣдныя дѣти живутъ совсѣмъ не такъ, какъ жить имъ бы слѣдовало. Они жили, окруженные грубой прислугой, деревенскими нянъками, взятыми изъ глубины Бретани; они мылись и наряжались только тогда, когда ихъ нужно было вести здороваться съ „papa“ и „maman“, а возвращаясь къ себѣ они тотчасъ же становились маленькими грязнушками. Иногда они Богъ знаетъ что ѣли и Богъ знаетъ какъ спали—на грязномъ бѣльѣ, часто въ холодной комнатѣ.

Но время шло и графиня, разъ какъ-то внимательно вглядѣвшись въ дѣтей, замѣтила что они

сильно выросли и оба необыкновенно милы. Жоржу уже девять лѣтъ, Мари—восемь: пора серьезно заняться ихъ воспитаніемъ. Къ нимъ приставили гувернантку, учителя; танцмейстеръ ежедневно давалъ имъ уроки. Дѣти оказывали большія способности и вотъ наконецъ графиня рѣшилась показать ихъ своему обществу.

Жоржъ и Мари появились въ салонѣ и были встрѣчены шумными выраженіями восторга.

„Боже, какія прелестныя дѣти! впрочемъ какъ же и могло бы быть иначе—вѣдь они: де-Марси!“...

Эти нарядныя куколки дѣйствительно были прелестны.

Правда, на свѣжаго человѣка они произвели бы нѣсколько печальное впечатлѣніе—они были очень мало похожи на дѣтей. Но свѣжаго человѣка не нашлось въ салонѣ графини Дѣти всѣмъ казались именно такими, какими должны быть благовоспитанныя дѣти, принадлежащія къ одной изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій Франціи.

Маленькій Жоржъ, въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ, въ великолѣпномъ кафтанчикѣ и даже при крошечной шпагѣ, съ ловкостью свѣтскаго человѣка расшаркивался передъ дамами, цѣловалъ у нихъ руки, говорилъ комплименты и продѣлывалъ все это очень серьезно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Маленькая Мари, перетянутая въ корсетъ, въ роскошномъ „панье“ съ гирляндами, съ цѣлой башней напудренныхъ волосъ на головѣ, была еще милѣе. Она граціозно обмахивалась вѣеромъ, кокетливо опускала и подымала глазки, улыбалась, вы-

слушивая любезности, которыя посыпались на нее со всѣхъ сторонъ, нисколько не смущаясь и отвѣчая бойко, не задумываясь. Ее попросили спѣть—и она пропѣла тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ страстный романсъ, и умѣла оттѣнить нѣкоторыя фразы, вложить въ нихъ чувство. Это было такъ забавно, такъ мило...

„Какія чудныя дѣти! Какое счастье имѣть такихъ малютокъ!..“

Цѣлую зиму забавляла графиня свое общество „прелестными малютками“; но къ концу зимы нашла, что это становится слишкомъ однообразно, что дѣти начинаютъ надоѣдать и ей, и гостямъ.

— Mon ami! сказала она графу, мнѣ кажется пора подумать о дѣтяхъ, il est temps de placer Marie dans un couvent... Она дѣлается уже совсѣмъ большой дѣвочкой... А о Жоржѣ вы сами подумайте, я въ мужское воспитаніе не мѣшаюсь.

— Вы правы, chère amie, отвѣчалъ съ граціознымъ поклономъ графъ, — дѣйствительно пора отдать Мари въ монастырь... и о дальнѣйшемъ воспитаніи Жоржа я тоже подумаю.

И вотъ Мари въ монастырѣ. Она нисколько не груститъ,—ей не жаль разстаться съ домомъ. Положимъ было очень весело, когда ее наряжали и выводили къ гостямъ, но вѣдь это бывало не часто. А тамъ, въ дѣтскихъ комнатахъ, жилось иногда довольно плохо. Разлука съ отцомъ и съ матерью? Но Мари такъ мало знала ихъ, она вовсе не привыкла къ нимъ, вовсе ихъ не любила. Правда, въ первые дни было скучно безъ брата Жоржа, но новыя впечатлѣнія скоро заставили ее забыть о немъ.

Явились подруги,—много подругъ. Въ монастырѣ гораздо веселѣе чѣмъ въ отелѣ Марси... Ученье не Богъ знаетъ какое, разными науками вовсе не отягощаютъ дѣтей, все направлено главнымъ образомъ только къ тому, чтобы дѣвочки хорошо умѣли держать себя, чтобы хорошо и граціозно умѣли танцовать, умѣли бойко сыграть модную пьесу на клавесинѣ, съ чувствомъ спѣть романсъ, легко и краснорѣчиво излагать свои мысли въ формѣ сантиментальныхъ писемъ.

Въ монастырѣ заведена строгая дисциплина, но она исполняется только въ присутствіи настоятельницы. А настоятельница стара, болѣзненна, часто по цѣлымъ недѣлямъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ. Есть двѣ, три злыя монахини, но остальныя такія добрыя, такія милыя, красивыя, молодыя...

Мари скоро привыкла къ монастырской жизни. Графиня посѣщала ее рѣдко, графъ совсѣмъ не посѣщалъ.

Проходили годы и маленькая дѣвочка быстро превращалась въ дѣвушку. То, что въ дѣтствѣ интересовало: невинныя забавы и игры, маленькія шалости, проказы надъ старыми минахинями, — теперь все это уже не казалось забавнымъ. Хотѣлось другихъ забавъ, другихъ интересовъ. И эти интересы понемногу находились: между пансіонерками изъ рукъ въ руки переходили чудесныя книжки, запретныя книжки, составлявшія любимое чтеніе многихъ изъ молодыхъ монахинь. Въ этихъ книжкахъ, написанныхъ иногда очень талантливо и тонко, даже съ соблюденіемъ полнаго приличія въ слогѣ и манерѣ разсказа, были собраны самыя соблазнитель-

ныя исторіи, самыя циничныя приключенія. Эти книжки развращали воображеніе пансіонерокъ до послѣдней крайности.

Но были и не однѣ книжки. Тихія стѣны монастыря время отъ времени оглашались звуками веселья. Къ монахинямъ наѣзжали гости, и мужчины и женщины, подъ сурдинкой шло веселое пированье. Положимъ, пансіонерки почти никогда не допускались на эти веселые, слишкомъ веселые вечера, но вѣдь онѣ знали всѣ подробности, передавали о нихъ другъ другу, судили, рядили, дѣлали свои выводы...

Графиня де-Марси вернулась въ родительскій домъ граціозной, хорошенькой дѣвушкой, образованной и прекрасно воспитанной, немножко блѣдной и нервной, составившей уже опредѣленное понятіе о жизни и страстно рвавшейся въ эту жизнь, гдѣ все было такъ заманчиво и весело, гдѣ ожидалось столько радостей уже заранѣе и давно предвкушаемыхъ. Графиня де-Марси была представлена королевѣ—Маріи Антуанетѣ и понравилась ей Понравиться королевѣ—значило понравиться всему Версалю. Толпа поклонниковъ окружила молодую графиню, но она была скромна, сдержанна, отъ нея вѣяло холодомъ. Она никому не оказывала предпочтенія, она разсчитывала, ждала удобнаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа. Она знала, что мужъ—не цѣль жизни, а только средство.

И вотъ она вышла замужъ за герцога д'Ориньи—блестящаго, богатаго человѣка уже не первой молодости, но еще очень представительнаго, на руку котораго пріятно было опираться при входѣ въ большое собраніе.

Графъ де-Марси былъ доволенъ выборомъ дочери. Герцогу не нужно было ея приданаго, — а въ этомъ заключалось единственное условіе, котораго Марси требовалъ отъ своего зятя.

Въ это время, не смотря на то, что жизнь графа велась обычнымъ чередомъ, что онъ тратилъ на свой отель, на свою придворную жизнь громадныя суммы. состояніе его давно уже исчезло и по настоящему ему давно слѣдовало уѣхать въ одинъ изъ своихъ старыхъ замковъ въ Бретани, ликвидировать дѣла и постараться спасти хоть что-нибудь изъ прежняго богатства для дѣтей. Но онъ далекъ былъ отъ подобной мысли. Онъ нашелъ новый выходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, нашелъ возможность продолжать роскошную жизнь и даже время отъ времени платить часть долговъ, съ каждымъ днемъ возраставшихъ. Онъ устроилъ себѣ одну изъ самыхъ выгодныхъ придворныхъ синекуръ съ баснословнымъ жалованьемъ, съ различными косвенными доходами отъ дворцовыхъ подрядовъ и тому подобнаго.

Высматривая для дочери выгоднаго мужа, который не требовалъ бы приданаго, онъ одновременно съ этимъ присматривалъ выгодное мѣстечко для сына, который еще не окончилъ своего образованія, но долженъ былъ скоро окончить. Онъ разсуждалъ, что если молодой де-Марси окажется благоразумнымъ, то съумѣетъ найти себѣ богатую невѣсту, поступитъ также какъ сестра, и все тогда обойдется благополучно, слава стариннаго рода не померкнетъ, вліяніе сохранится. Устраивая и разсуждая такимъ образомъ, графъ былъ спокоенъ и доволенъ собою. Гра-

финя была тоже довольна. Она старѣлась очень медленно и находила себѣ еще развлеченія, пользовалась жизнью...

Выборъ Мари оказался удачнымъ: мужъ достался ей именно такой какого она желала. Въ объясненіи съ Сергѣемъ она ясно высказала свой взглядъ на семейныя отношенія и на этого мужа. Она вышла замужъ точно также, какъ вышла ея мать и устроила свою жизнь тоже по примѣру матери. Иначе она и не понимала семейной жизни, она не знала другихъ взглядовъ, ничего иного не видала вокругъ себя. Всѣ такъ жили. Она знала заранѣе, что бракъ широко распахнетъ передъ нею двери въ водоворотъ всевозможныхъ удовольствій—и такъ оно и случилось.

За хорошенькой графиней де-Марси ухаживали тѣ, кому она нужна была какъ дочь графа де-Марси, кто соображалъ, что женясь на ней, получитъ вполнѣ приличную, красивую, прекрасно умѣющую держать себя и домъ хозяйку, которая можетъ быть полезна многочисленными связями своего отца, вліятельной роднею. За герцогиней д'Ориньи ухаживали всѣ, кому она нравилась, какъ красивая и ловкая женщина, съ которой можно провести нѣсколько счастливыхъ часовъ, еще болѣе заманчивыхъ потому, что они ни къ чему не обязывали.

Герцогиня д'Ориньи блистала въ Версали. Королева съ каждымъ днемъ становилась къ ней благосклоннѣе, самолюбіе торжествовало, жизнь была полна всякихъ удовольствій. Мечты и планы монастырки осуществились.

Отуманенный порывомъ безумной страсти, въ бреду восторга, Сергѣй просилъ Мари, чтобы она повторила, что его любитъ, чтобы она сказала ему, что никого до него не любила «Je t'aime»—разслышалъ онъ ея шепотъ—и она его не обманула, она дѣйствительно любила его, то есть онъ былъ ея капризомъ. И этотъ капризъ, къ ея изумленію, оказывался довольно сильнымъ.

Но она не сказала Сергѣю, что до него никого не любила. И хорошо сдѣлала, что не сказала—она солгала-бы.

У нея уже было много капризовъ и еслибы Сергѣй подробно зналъ ея жизнь, она можетъ быть не произвела-бы на него такого роковаго впечатлѣнія. Но онъ не могъ ничего знать, онъ увидѣлъ ее во всемъ обаяніи ея капризной красоты и женственной граціи, во всемъ блескѣ ея живого ума, остроумія и тонкаго кокетства. Онъ увидѣлъ ее среди блестящей толпы, которая относилась къ ней съ уваженіемъ. Ея репутація была безупречна.

— «C'est une femme adorable, pleine d'esprit et de grâce... et très distinguée!»

Таково было о ней мнѣніе въ парижскомъ обществѣ. Въ ея присутствіи никто никогда не позволялъ себѣ ни одного лишняго слова, ни одного двусмысленнаго намёка. Если графиня-мать отличалась тактомъ и приличіемъ, то дочь все-же превзошла ее, доведя свой тактъ и приличіе до высшаго предѣла.

Бывали минуты, когда, глядя на ея молодое лицо, которому она умѣла придавать какія угодно выраженія, слушая ея краснорѣчивую, но сдержанную рѣчь, можно было ручаться головою, что это самая

чистая и глубоко нравственная женщина. Ничто пошлое, ничто безнравственное не могло, не должно было ея касаться. Она была выше всякихъ подозрѣній. И именно такою она предстала передъ Сергѣемъ, а потомъ, когда онъ могъ-бы разглядѣть ее, было уже поздно—онъ былъ въ рукахъ ея. Онъ любилъ ее со всѣмъ безумствомъ молодой, въ первый разъ прорвавшейся страсти. И все это совершилось такъ быстро, такъ неожиданно и такъ безповоротно! Онъ видѣлъ въ этомъ что-то роковое, видѣлъ судьбу свою.

III.

Провинція.

Бываютъ въ жизни человѣка періоды, когда незамѣтно проходятъ цѣлые годы не принося съ собою никакой внутренней перемѣны; человѣкъ остается все тотъ-же и почти не замѣчаетъ протекшаго времени. Оно, конечно, беретъ свое, оно медленно, но неизмѣнно приближаетъ къ концу, къ могилѣ, аккуратно и не спѣша разрисовываетъ морщинами молодое лицо, серебритъ сѣдиною голову; оставляетъ слѣды свои и въ мысляхъ и въ чувствахъ человѣка, многое измѣняетъ вокругъ него. Но все это дѣлается тихо, неслышно, а потому и не производитъ сильнаго впечатлѣнія—не изумляетъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и только въ случайную минуту, подойдя къ зеркалу или вспомнивъ что-нибудь давно позабытое,

человѣкъ съ изумленіемъ видитъ, сколько прошло времени...

Но бываютъ и другіе періоды въ жизни человѣка, когда одинъ мѣсяцъ, одинъ день, наконецъ—минута значатъ больше, чѣмъ цѣлые тихіе годы. Въ мѣсяцъ, въ недѣлю человѣкъ переживаетъ такъ много, такъ все измѣняется вокругъ него и въ немъ самомъ, что и повѣрить не можетъ онъ, что прошла одна недѣля, одинъ мѣсяцъ: кажется, цѣлая жизнь прошла!

То-же случилось и съ Сергѣемъ. Давно-ли уѣхалъ онъ изъ Петербурга. Только около двухъ мѣсяцевъ какъ онъ въ Парижѣ, а ему кажется, что прежняя, недавняя жизнь его далеко, далеко, что долгіе невозвратные годы легли между нимъ и ею. Много новыхъ впечатлѣній быстро пережилъ онъ, перенесясь изъ деревни ко двору Екатерины, много пережилъ онъ въ полгода своей петербургской жизни. Но все-же это было совсѣмъ не то, что теперь...

Тамъ, въ Петербургѣ, все-же оставалась тѣсная связь и съ дѣтствомъ, и съ юностью. Теперь-же онъ совсѣмъ оторванъ отъ стараго; въ немъ все новое, онъ среди совсѣмъ новой жизни и живетъ за одно съ нею.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ тяжеломъ, мрачномъ состояніи духа, долго не могъ побороть въ себѣ мучительныхъ чувствъ, вызванныхъ послѣдними днями въ Царскомъ. Но петербургскій ядъ терялъ свою силу по мѣрѣ отдаленія отъ Россіи. Молодость взяла свое. Путешествіе было интересно. Столько новыхъ впечатлѣній! Хотѣлось-бы остановиться, оглядѣться... И жалѣлъ Сергѣй, что не было времени, что онъ долженъ торопиться, не терять ни одного часу...

Чужія страны, незнакомая жизнь, новый народъ, великолѣпные старинные города, обрывки незнакомыхъ нравовъ и обычаевъ, разнообразныя картины чудесной природы — все это мелькало передъ нимъ какъ въ панорамѣ, постоянно мѣняясь и очаровывая все больше и больше.

Какъ ни спѣшилъ онъ, все-же самый способъ передвиженія—на лошадяхъ—позволялъ ему ясно различать каждую новую картину волшебной панорамы. Онъ не чувствовалъ утомленія, ему хотѣлось только не пропустить ничего, все разглядѣть, всякую мелочь помѣстить въ запасъ своей памяти. Онъ сожалѣлъ, что нужно спать и то и дѣло въ дорогѣ просилъ Моську не давать ему спать долго, будить его. Просилъ—а самъ, утомленный дневными впечатлѣніями, засыпалъ какъ убитый и Моськѣ жаль было его тревожить.

«Ишь чего выдумалъ: будить! ну что тамъ за невидаль... все тѣ-же нѣмцы, деревня какъ деревня, городъ какъ городъ... Да и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже—все не по нашему—и не глядѣлъ-бы—а онъ вишь: буди!..»

И Моська не будилъ, пока Сергѣй самъ не проснется.

А проснется Сергѣй, выглянетъ въ окошко своей огромной дорожной кареты, увидитъ чудесную панораму, увидитъ вдали, въ голубоватой мглѣ ранняго лѣтняго утра, очертанія оставленнаго позади городка—и начинаетъ бранить карлика:

— Опять не разбудилъ, Степанычъ, вѣдь я-же тебѣ приказывалъ?!

— Прости, сударь батюшка, ужь больно сладко дремалъ ты, да и смотрѣть тоже было нечего.

— Какъ нечего—много ты понимаешь!

— Понимаю либо нѣтъ, а говорю смотрѣть нечего... Городишко, что мы проѣхали, самый плохенькій; улицы словно корридорчики — встрѣтятся два рыдвана и не разъѣдутся. Люди такіе противные, рожи такія красныя да глупыя, въ курткахъ... Много мы ихъ видѣли, одинъ какъ другой—всѣ на одно лицо. Говорю—смотрѣть нечего. Спи себѣ съ Богомъ, батюшка, возьми хоть примѣръ съ мусьё Рено: ишь вѣдь храпъ какой запускаетъ—видно это онъ своимъ храпомъ тебя и разбудилъ-то!..

Сергѣй взглядывалъ на Рено. Тотъ дѣйствительно спалъ, помѣстясь на подушкахъ кареты самымъ удобнымъ образомъ.

Рено какъ и Моська мало интересовался окружающимъ; къ тому-же съ самаго выѣзда на него напала спячка, онъ оживлялся только когда останавливались. Онъ уже проѣзжалъ этой дорогой и ничего достойнаго вниманія не нашелъ для себя въ земляхъ нѣмецкихъ. Онъ былъ поглощенъ теперь одной мыслью о родинѣ и какъ школьникъ разсчитывалъ дни и часы.

Время тянулось для него невыносимо и онъ рѣшился коротать его сномъ; мѣрная тряска кареты помогала ему въ этомъ, убаюкивала.

Но вотъ они наконецъ и во Франціи. Рено уже не спитъ! Онъ превратился въ интереснаго собесѣдника, въ путеводителя. Теперь они подвигаются нѣсколько медленнѣе, потому что Рено то и дѣло уговариваетъ остановиться на часокъ, оглядѣться.

— Да глядѣть-то нечего! ворчитъ Моська свою вѣчную пѣсню ,— въ нѣмечинѣ по крайности люди живутъ безъ нужды, въ свое удовольствіе, всего-то у нихъ вдоволь, а тутъ что? Вотъ тѣ и хваленая Франція—бѣднота, голь!..

И обращаясь къ Рено, сдѣлавъ самую серьезную мину, онъ спрашивалъ его на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ:

— Вы такой ученый, мусье Рено, и все знаете скажите, сколько каждый годъ французовъ по деревнямъ съ голода умираетъ? .

Еслибъ не Сергѣй, то карлику досталось бы очень плохо. Рено пожалуй-бы, не смотря на свои гуманные взгляды, и поколотилъ его, такъ раздражали его эти ехидные вопросы и замѣченія: Моська всегда попадалъ въ самое больное мѣсто.

Дѣйствительно, Франціей пока трудно было похвастаться. Ни одна страна не находилась въ то время въ такомъ бѣдственномъ положеніи.

Сергѣй проѣзжалъ черезъ города, гдѣ сразу замѣчались признаки волненія. Всюду встрѣчались мрачныя лица; оборванные мужчины и женщины изъ народа злобно поглядывали на богатаго иностранца, за каретой котораго ѣхало еще нѣсколько экипажей съ его прислугой и вещами. По сторонамъ пустынной дороги, то тамъ, то здѣсь показывались деревни — будто покинутыя — такая тишина стояла.

Дворянскія жилища, за́мки богачей и высшихъ сановниковъ, церкви были тоже совсѣмъ пусты: почти все, что имѣло средства жить — жило въ Парижѣ, въ Версали. Только бѣдные дворяне, младшіе члены

младшихъ вѣтвей знаменитыхъ титулованныхъ родовъ — виконты, бароны и шевалье, наслѣдье которыхъ состояло, кромѣ знаменитаго герба, въ голубѣ, зайцѣ, уткѣ и охотничьей собакѣ, жили въ своихъ бѣдныхъ маленькихъ домикахъ. Это были большею частью грубые и невѣжественные люди, собственноручно воздѣлывавшіе свой кусокъ земли, знавшіе только землю и мало по малу во всемъ уподоблявшіеся крестьянамъ.

Большая проѣзжая дорога, ведущая къ Парижу, была пустынна. Вся страна казалась погруженной въ спячку. Одинъ только дилижансъ ходилъ въ это время изъ главныхъ городовъ въ Парижъ разъ въ недѣлю и если онъ бывалъ полонъ, то этому всѣ удивлялись, это бывало не болѣе нѣсколькихъ разъ въ годъ.

По Франціи расходилась всего одна газета „Gazette de France“, выходившая два раза въ недѣлю...

— Я никогда н не выставлялъ нашу провинцію въ радужныхъ краскахъ, объяснилъ Рено Сергѣю. — Вся Франція въ Парижѣ и въ этомъ-то громадное значеніе этого города, но все же въ прежнія времена было несравненно лучше. Очевидно бѣдность усиливается съ каждымъ годомъ. Но постойте, мы завтра же обо всемъ подробно узнаемъ. Все равно, намъ нужно же гдѣ нибудь ночевать — столько ночей въ дорогѣ!.. такъ мы завернемъ къ одному моему пріятелю. Это дворянинъ по фамиліи де-Сентъ-Альмэ — старый холостякъ, не глупый малый... его имѣнье будетъ какъ разъ по дорогѣ... Я полагаю, что онъ не въ Парижѣ — это почти навѣрное. Онъ живетъ въ деревнѣ уже нѣсколько лѣтъ и я имѣлъ

недавно о немъ извѣстія. Онъ приметъ насъ съ большою радостью и прежде чѣмъ попасть въ Парижъ мы отъ него узнаемъ въ подробности все, что дѣлается съ Франіей! Надѣюсь, Serge, вы ничего не имѣете противъ этого плана?

Сергѣй былъ сговорчивъ и они рѣшили переночевать у пріятеля Рено, если только найдутъ его...

Де-Сентъ-Альмэ очень изумился. когда увидѣлъ съ терассы своего стариннаго дома подъѣзжавшіе экипажи. Рено выпрыгнулъ изъ кареты, объяснился съ старымъ пріятелемъ, съ которымъ иногда переписывался изъ Россіи. и скоро вернулся къ Сергѣю, который его дожидался.

— Мой другъ очень радъ принять насъ. Онъ знаетъ васъ по моимъ письмамъ и считаетъ за честь познакомиться съ вами. Да вотъ онъ и самъ, пусть онъ и повторитъ все это...

Сентъ-Альмэ — сухой, длинный человѣкъ лѣтъ за сорокъ, въ черномъ кафтанѣ и въ черныхъ же чулкахъ, не спѣша и съ достоинствомъ подходилъ къ каретѣ. Сергѣй поспѣшилъ выйти къ нему на встрѣчу. Блѣдное, задумчивое и выразительное лицо этого человѣка ему понравилось. Понравилась ему и его манера. Онъ просто и любезно пригласилъ Сергѣя въ свой домъ.

— Я не ждалъ гостей, сказалъ онъ, и врядъ ли вамъ будетъ у меня удобно. Но я радъ моему старому другу Рено, котораго не видалъ такъ долго и радъ случаю познакомиться съ вами. Вы прекрасно сдѣлали, что рѣшились ко мнѣ заѣхать. Тутъ, видите, у насъ мѣсто плохое, неподалеку большой лѣсъ, черезъ который вамъ пришлось бы ѣхать

ночью, а въ лѣсу очень неспокойно... вотъ уже два мѣсяца какъ бродятъ голодныя шайки и грабятъ проѣзжихъ...

— Какіе вы ужасы разсказываете! замѣтилъ Сергѣй.

— Мы привыкли къ этимъ ужасамъ, отвѣтилъ хозяинъ.

Домъ былъ старый и не видно было въ немъ никакой роскоши, никакого даже стремленія къ комфорту. Но провести ночь въ постели было во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ трястись въ душной каретѣ, а до ночи еще было далеко, предстояла, значитъ интересная бесѣда.

Вечеръ былъ чудесный. Въ небольшомъ садикѣ, куда Сентъ-Альмэ провелъ Сергѣя и Рено, было такъ свѣжо, пахло недавно скошеннымъ сѣномъ. На зеленой лужайкѣ появились столъ, стулья, нѣсколько бутылокъ стараго вина, деревенскій ужинъ, состоявшій изъ окорока, молока и сыру. Хозяинъ и гости усѣлись. Сергѣй съ апетитомъ ужиналъ и добродушно вслушивался въ бесѣду пріятелей, которымъ было о чемъ поговорить послѣ долгой разлуки.

Сентъ-Альмэ заинтересовывалъ его больше и больше. Онъ говорилъ такъ спокойно, разумно и черезъ часъ какой-нибудь Сергѣй относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ старому знакомому.

Онъ охотно отвѣчалъ на всѣ его вопросы, удовлетворялъ его любопытство относительно Россіи, о которой французъ имѣлъ конечно самое смутное и наивное представленіе.

Незамѣтно блѣднѣли краски заката, въ темнѣю-

щей синевѣ загорались звѣзды. Бесѣда все оживлялась и оживлялась за стаканами стараго вина.

— Нѣтъ, я вижу, мой другъ, ты совсѣмъ ничего не понимаешь въ настоящихъ событіяхъ, говорилъ Сентъ-Альмэ обращаясь къ Рено. — Ты фантазируешь на прежнія тэмы, не имѣешь понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ во Франціи и Парижѣ.

— А ты давно былъ въ Парижѣ? спросилъ Рено.

— Недавно, я ѣздилъ по одному дѣлу и не зналъ какъ оттуда вырваться.

— Вотъ этого я не понимаю! въ волненіи закричалъ Рено,—какъ можно теперь, въ такіе дни бѣжать изъ Парижа, какъ можно жить такъ, какъ ты живешь, запереться въ деревенскомъ домѣ?!

Сентъ-Альмэ пожалъ плечами и обратился къ Сергѣю.

— Вашъ менторъ неисправимъ, сказалъ онъ, — онъ все ищетъ бури, борьбы; но ему, вотъ увидите, предстоитъ много разочарованій. Буря уже началась и я наблюдаю ее издали: издали вѣдь всегда лучше видно. Я, видите-ли, человѣкъ совсѣмъ одинокій... тоже увлекался тѣмъ и другимъ, но затѣмъ понялъ что уединеніе въ наши дни — самая лучшая вещь. Вотъ и живу я въ этомъ старомъ домѣ съ моими милыми книгами, вдали отъ всего и ото всѣхъ, и буду жить пока не придутъ, не разрушатъ моего стараго дома и самого меня не убьютъ...

— Боже, какія мрачныя мысли! съ улыбкой замѣтилъ Сергѣй.

— Все это можетъ случиться, продолжалъ Сентъ-

Альмэ, — въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Теперь недостаточно уйти въ свою скорлупу и ни во что не вмѣшиваться. Кругомъ бушуетъ стихійная сила, а такая сила разрушаетъ все, что ей попадается подъ руку, не разсуждаетъ, не наводитъ справокъ...

— Неужели дѣйствительно дѣла такъ плохи и неужели вы не видите возможности утишить волненіе, поднявшееся во Франціи? спросилъ Сергѣй.

А самъ думалъ о томъ, что говорила Екатерина передъ его отъѣздомъ. Значитъ она вѣрно поняла положеніе,--все что онъ видѣлъ и вотъ теперь каждое слово Сентъ-Альмэ его убѣждаютъ въ этомъ.

— Судите сами, между тѣмъ говорилъ Сентъ-Альмэ, вѣдь Франція вотъ уже второй годъ умираетъ съ голоду и этому голоду конца не предвидится, онъ ростетъ съ каждымъ днемъ.

— Однако же намъ извѣстно, что употребляютъ всѣ мѣры, чтобы остановить это бѣдствіе и помочь населенію... не могутъ же быть вѣчные неурожаи?!

— Да, правительство принимаетъ мѣры, но что оно можетъ сдѣлать?! Оно затратило сорокъ милліоновъ чтобы добыть хлѣба для Франціи, а хлѣба все же нѣтъ! И не одно правительство—многія частныя лица, богатые люди, дворяне и высшее духовенство — жертвуютъ и деньгами, и хлѣбомъ, раздаютъ деньги и кормятъ сколько могутъ народу, по монастырямъ, въ городахъ, въ большихъ помѣстьяхъ— вы всюду увидите... и все же мало толку. Нужда ростетъ, народъ питается Богъ знаетъ какимъ хлѣбомъ. Я видѣлъ этотъ хлѣбъ: это ужасно, повѣрить трудно, въ этомъ хлѣбѣ все, что угодно, кромѣ хлѣ-

ба! Сначала умирали дѣти, теперь уже многія деревни въ разныхъ мѣстахъ Франціи почти вымерли; въ городахъ, на рынкахъ, нѣтъ ни зерна, ни муки. У каждой булочной съ утра и до вечера толпа. Работники иногда цѣлые дни дожидаются, чтобы получить хлѣбъ для своей семьи за баснословную цѣну,—рабочій день потерянъ—а вы знаете, что значитъ рабочій день для народа! Голодъ—вотъ первая причина волненія, но есть и другія. Прислушайтесь, что говоритъ народъ: „король добръ, но зачѣмъ же его сборщики отбираютъ у насъ послѣднее? наши господа тоже добры, но зачѣмъ же они заставляютъ насъ вмѣсто себя платить подати?“

— Все это самые естественные и логичные вопросы, замѣтилъ Рено,—что же отвѣчаютъ на нихъ народу? Отвѣтить надо!..

— Конечно надо отвѣтить, сказалъ Сентъ-Альмэ,—это хорошо понимаютъ и вотъ уже скоро два года какъ всюду разъѣзжаютъ королевскіе чиновники, призываютъ крестьянъ, собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о ихъ положеніи, о ихъ нуждахъ. И народъ думаетъ: о насъ начинаютъ заботиться, на насъ наконецъ обращаютъ вниманіе—значитъ близится наше избавленіе отъ голода и нищеты! А между тѣмъ время проходитъ; избавленія нѣту, голодъ все тотъ же... Терпѣніе истощается. И теперь на сцену уже являются женщины. А если женщина изъ народа доведена до отчаянія и начинаетъ кричать, — она становится мегерой! Всюду требуютъ пониженія цѣны на хлѣбъ и повышенія поденной платы. Каждый день приноситъ извѣстія о новыхъ безпорядкахъ. Принимать рѣшительныя мѣры не рѣшаются — ко-

роль слишкомъ добръ, королю жалко этихъ бѣдныхъ дѣтей Франціи. Военную силу рѣшились употребить только въ немногихъ мѣстахъ, а въ большинствѣ случаевъ требованія народа исполняются. По городамъ понижаютъ цѣны на хлѣбъ, города вслѣдствіе этого входятъ въ неоплатные долги, а народъ не унимается: «Насъ слушаютъ—значитъ насъ боятся!» И всюду волненія, разбой. Двойное представительство третьяго сословія понимается какъ желаніе короля даровать всѣмъ равенство. Народъ чувствуетъ и объявляетъ себя всемогущимъ, отказывается платить подати, возстаетъ на представителей фиска... Что началось только вслѣдствіе голода, то идетъ теперь гораздо дальше. Всюду неповиновеніе властямъ —и все это творится «по волѣ короля». Разъяренная толпа кричитъ: «vive le roi!»... Судите же сами, можно ли ожидать скораго и благополучнаго конца этимъ волненіямъ?!

„Звѣрь вырвался изъ клѣтки“ вспомнилось Сергѣю выраженіе цесаревича.

Вспомнились ему вмѣстѣ съ этимъ и долгія, горячія бесѣды съ Рено въ Горбатовскомъ. Какъ все было тогда гладко, логично! какъ легко казалось устроить счастье человѣчества! А вотъ жизнь выставляетъ совсѣмъ другое... Этихъ ли ужасовъ желали мечтатели-философы?!

— Ну что же, Рено? въ волненіи спрашиваетъ Сергѣй воспитателя,—что же вы молчите? Этого ли вы ожидали?!

Но Рено не слышитъ его вопроса. Глаза его горятъ, нервная дрожь пробѣгаетъ по его членамъ.

— Въ Парижъ! въ Парижъ! шепчетъ онъ.

Только послѣ полуночи Сентъ-Альмэ проводилъ своихъ гостей въ назначенное имъ помѣщеніе, а рано утромъ Сергѣй и Рено уже простились съ любезнымъ хозяиномъ и мчались въ Парижъ.

Оба они были задумчивы. Но Сергѣй все-же былъ благодаренъ Рено за то, что онъ познакомилъ его со своимъ пріятелемъ. Ему есть о чемъ написать графу Безбородкѣ, есть что сообщить императрицѣ...

IV.

Дворъ.

Русскій полномочный министръ въ Парижѣ, Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, встрѣтилъ Сергѣя очень радушно.

Это былъ человѣкъ очень старый, но еще бодрый, благодаря неизмѣнно правильному образу жизни. Сынъ бѣднаго шведскаго священника изъ Ревеля, онъ, благодаря способностямъ, прилежанію и знанію иностранныхъ языковъ, былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію и всю свою долгую жизнь посвятилъ дипломатіи.

Смѣнивъ въ 1781 году въ Парижѣ князя Барятинскаго, онъ казался многимъ не на своемъ мѣстѣ. Скромный, любившій уединенную жизнь, онъ не имѣлъ ни средствъ ни охоты для представительства, а потому не могъ получить вліянія при версальскомъ

дворѣ, гдѣ такую роль играли внѣшній блескъ и роскошь. Екатерина конечно знала все это, а между тѣмъ не отзывала Симолина. Она находила, что посланникъ, не играющій видной роли, подходилъ къ ея политикѣ относительно Франціи. Исправить ничего невозможно, а потому самое лучшее быть въ сторонѣ. Симолинъ былъ остороженъ, обладалъ дипломатическимъ тактомъ—этого было достаточно.

Однако въ послѣднее время, при ежедневно запутывавшихся обстоятельствахъ, старикъ иногда очень тяготился своимъ положеніемъ. Присылка ему въ помощь молодаго дипломата, хорошо воспитаннаго, располагающаго огромнымъ богатствомъ, красиваго и любезнаго—была ему очень по душѣ. Изъ сообщеній Безбородки, изъ двухъ, трехъ фразъ въ письмѣ императрицы онъ понялъ, что Горбатовымъ очень интересуются, что его вѣроятно хотятъ выдвинуть. Онъ обрадовался и этому. Зависти къ молодому дипломату у него не могло быть. При версальскомъ дворѣ нужна ловкость, молодость, красота, богатство—ну вотъ имъ подходящій человѣкъ, его тамъ полюбятъ, а старикъ между тѣмъ получитъ возможность грѣться у камина въ своемъ кабинетѣ и тихонько заниматься дѣлами.

Обласкавъ Сергѣя и любезно предоставивъ ему всѣ свои парижскія связи и знакомства, Симолинъ направилъ его въ Версаль, объяснивъ, кому слѣдовало, дѣйствительное значеніе этого молодаго человѣка, представителя одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій Россіи.

Сергѣй былъ представленъ королю и королевѣ и успѣлъ произвести на нихъ пріятное впечатлѣніе

Его обласкали, онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ Версаля, появляясь въ Парижѣ только изрѣдка.

Моська былъ неотлучно при немъ, грустный и сумрачный, недовольный рѣшительно всѣмъ. А Рено съ первыхъ-же дней совсѣмъ исчезъ. Ѣхать въ Версаль онъ не хотѣлъ—остался въ Парижѣ и просилъ Сергѣя не заботиться о немъ.

— Очень много дѣлъ, нужно повидать всѣхъ старыхъ знакомыхъ, разобраться въ обстоятельствахъ. Вы, Serge, можете дѣлать наблюденія надъ дворомъ, надъ высшими слоями общества—я стану дѣлать наблюденія надъ низшими. Такимъ образомъ мы скоро со всѣхъ сторонъ ознакомимся съ Парижемъ. Не ищите меня, а я при первой-же возможности буду къ вамъ являться.

Рено исчезъ, а Сергѣй принялся за свои наблюденія. Наблюдать было можно многое. Версаль доживалъ свои послѣдніе дни. Роскошное, волшебное представленіе, доведенное до апоѳеоза, должно было завершиться нежданной катастрофой, полнымъ разрушеніемъ. Но разрушеніе еще медлило, занавѣсъ спускался тихо, блестящія декораціи еще не успѣли рухнуть — роскошный, ослѣпительный, сверкающій апоѳеозъ виднѣлся еще въ глубинѣ сцены.

Въ первое мгновеніе Сергѣй былъ совсѣмъ пораженъ этимъ величіемъ, обиліемъ свѣта и яркостью красокъ. Дворъ Екатерины казался очень блѣднымъ въ сравненіи съ французскимъ дворомъ; того, что главнымъ образомъ поражало въ Версали иностранца, нельзя было добыть однимъ золотомъ: это блескъ изящества, утонченности и остроумія.

Версаль представлялъ изъ себя громадный салонъ,

гдѣ хозяева—король и королева—подавали примѣръ любезности, предупредительности, умѣнья жить въ обществѣ. Несмотря на строгій этикетъ, принужденности не было и слѣда, всѣ чувствовали себя свободно и весело, всѣ отлично знали роль свою и разыгрывали ее артистически. Лучшей артисткой была безспорно королева. Это ужь не была шаловливая, безпечная красавица первыхъ годовъ царствованія; очень мало утративъ изъ красоты своей, которая съ годами стала только величественнѣе и осмысленнѣе, Марія Антуанета, умудренная и сладкимъ, и горькимъ опытомъ своей жизни, владѣла теперь чарующимъ обаяніемъ. Видѣть ее, знать ее хоть немного и не преклоняться передъ нею было невозможно.

На первомъ-же выходѣ Сергѣй былъ ослѣпленъ ею. Она вступала въ несмѣтную толпу придворныхъ, проходила своей медленной граціозной походкой—и исчезала. Но всякій оставался доволенъ. Она успѣвала взглянуть на всѣхъ и каждый читалъ въ ея взглядѣ, въ ея блѣдной улыбкѣ, въ ея чуть замѣтномъ наклоненіи головы привѣтъ себѣ, знакъ ея вниманія. Она никого не обходила, никого не обижала—каждый получалъ то, на что онъ имѣлъ право расчитывать—получалъ должное. Въ этомъ заключалось ея истинно царственное искусство.

Но къ несчастью для себя и для Франціи Марія Антуанета не захотѣла ограничиться величественной ролью, къ которой она была предназначена отъ рожденія—ей показалось мало быть королевой, она пожелала вмѣстѣ съ тѣмъ быть и пастушкой, и философомъ. Но будучи истинной королевой, она не могла превратиться ни въ пастушку, ни въ философа.

Она только способствовала распространенію всевозможныхъ утопій. Версаль и Тріанонъ преклонились предъ Руссо, Вольтеромъ и пошли гораздо дальше. Народъ явился героемъ трогательныхъ идиллій, олицетвореніемъ кроткой простоты и невинности—и кончилось тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы накормить этотъ народъ, когда онъ голодалъ, а накормивъ его—твердой рукою управлять имъ для его блага, неловкими мѣрами, съ помощью философствующихъ чиновниковъ и демагоговъ, обуреваемыхъ только собственнымъ честолюбіемъ, деморализовали этотъ народъ, превратили его въ дикаго, безсмысленнаго звѣря. И очнулись только тогда, когда было поздно, когда идиллія превратилась въ кровавую трагедію.

Въ гигантскомъ, доживавшемъ свои послѣдніе дни салонѣ Версали хозяинъ-король былъ также привлекателенъ, какъ и королева. Его доброта, благородство, дѣтская чистота души его свѣтились въ его взглядѣ, въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ. Во времена крайней распущенности нравовъ, извращенности нравственныхъ понятій, почти всеобщаго паденія высокихъ качествъ души человѣческой Людовикъ XVI безспорно былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ Франціи. Скромный, чистосердечный, только и мечтавшій, что о благѣ народа, способный забывать о себѣ и ограничиваться очень малымъ — онъ могъ быть признанъ образцомъ добраго человѣка, семьянина и даже короля, но только не въ такое время, когда отъ короля требовалось много энергіи, силы воли и предусмотрительности...

Король, глядѣвшій почти на все глазами своей талантливой жены, тоже мечталъ объ идилліяхъ. Онъ

пуще всего боялся рѣшительныхъ, строгихъ мѣръ. Онъ любилъ всѣхъ, почиталъ себя добрымъ отцомъ Франціи и до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить въ неблагодарность дѣтей своихъ — своего народа. Онъ полагалъ, что народъ знаетъ его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности—это была очень трогательная, но самая ужасная ошибка..

Гроза близилась, но пока она еще не разразилась, пока слышались только первые раскаты грома, въ Версали изо всѣхъ силъ старались не думать объ опасности. Только немногимъ приходило въ голову, что прежнее счастье должно скоро окончиться. остальные-же все ещe надѣялись, что черная туча пройдетъ мимо, что снова заблеститъ солнце.

Придворная жизнь шла прежнимъ порядкомъ. Прежде всего въ глаза бросалась несмѣтная толпа придворныхъ, которые конечно составляли прекрасный фонъ блестящаго апоѳеоза, но и только. Эти придворные, принадлежавшіе къ дворянскому сословію и являвшіяся изо всѣхъ угловъ Франціи, ничего не дѣлали, — они или проѣдали окончательно свое состояніе, или стоили двору огромныхъ денегъ. Цѣль всѣхъ этихъ господъ заключалась въ томъ, чтобы добиться какого-нибудь назначенія; для этого они должны были вѣчно быть на глазахъ у короля, «rendre leurs devoirs au roi» — какъ тогда говорилось.

Такимъ образомъ вся жизнь проходила сначала въ разстраиваніи своего состоянія, а потомъ въ разстраиваніи состоянія короля. Изобрѣтательность въ придумываніи новыхъ придворныхъ должностей и всевозможныхъ синекуръ была необыкновенна. Встрѣ-

чались должности, занимая которыя нужно было только раза два въ годъ подписывать свое имя и за этотъ трудъ получалось жалованье въ восемнадцать, двадцать тысячъ ливровъ. Сотни должностныхъ лицъ находились при каждомъ принцѣ и принцессѣ; на личной службѣ у короля и принцевъ было пятнадцать тысячъ человѣкъ съ сорока пятью милліонами жалованья. Это составляло десятую часть государственныхъ доходовъ.

Но жалованьями не ограничивались: различные господа и госпожи выхлопатывали себѣ громадныя пенсіи, которыя иногда давались только ради того, чтобы избавиться отъ присутствія при дворѣ непріятнаго лица. Государственныя заслуги и заслуги таланта не принимались при этомъ въ расчетъ. Для полученія пенсіи нужно было только имѣть связи, протекцію и состояніе—чѣмъ больше было состояніе, тѣмъ на бо̀льшую пенсію можно было расчитывать.

Наконецъ всѣ, начиная съ королевскихъ родственниковъ и кончая послѣднимъ придворнымъ, то и дѣло выпрашивали себѣ у короля большіе денежные подарки. Воровство достигало необыкновенныхъ размѣровъ. Короля заставляли утверждать счеты, изъ которыхъ онъ узналъ, что онъ одинъ выпиваетъ въ годъ на двѣ тысячи франковъ лимонаду, что его карета, за которую частный человѣкъ заплатилъ-бы не болѣе четырехъ тысячъ ливровъ, стоитъ тридцать тысячъ ливровъ. Король наконецъ узналъ, что онъ долженъ всѣмъ поставщикамъ и что рѣшитель-

но нѣтъ возможности расплатиться съ этими долгами.

Онъ приходилъ въ ужасъ, онъ видѣлъ, что такъ не можетъ продолжаться; но вмѣсто того, чтобы принять энергическія мѣры, чтобы рѣшительно покончить съ этой безсовѣстной эксплуатаціей—онъ горько вздыхалъ, и подписывалъ невѣроятные счеты, и раздавалъ жадной толпѣ послѣднія деньги.

Должалъ не одинъ король — всѣ были въ долгу, всѣ считали необходимостью жить на широкую ногу и тратить по меньшей мѣрѣ вдвое болѣе того, что получалось. Счета деньгамъ не знали. И не мудрено: эти деньги доставались такимъ легкимъ способомъ.

Но все-же вѣдь далеко не всѣ изъ мелкихъ дворянъ и офицеровъ добивались своей цѣли, то-есть синекуръ, возможности ничего не дѣлать и безнаказанно грабить короля. Для этото требовались связи, родство или по меньшей мѣрѣ, случай. Такимъ образомъ многіе офицеры, небогатые дворяне и низшее духовенство, истратившись въ Версали и видя что безъ придворной протекціи имъ невозможно сдѣлать карьеру, выходили въ отставку, уѣзжали обратно въ свои имѣнія. Эти люди болѣе или менѣе основательно считали себя обиженными, ихъ самолюбіе было оскорблено. И вотъ они становились демократами.

Такимъ образомъ развивалась съ каждымъ годомъ вражда мелкаго дворянства къ дворянству крупному, къ сановникамъ и придворнымъ, которые составляли правительство, вражда низшаго духовенства къ высшему. Результаты этой вражды обнаружились при первомъ удобномъ случаѣ: мелкое дворянство и низ-

шее духовенство во время созванія государственныхъ чиновъ подавали свои голоса только за людей изъ своей же среды; учрежденіе верхней палаты было отвергнуто, потому что мелкое дворянство не хотѣло допустить господства знатныхъ фамилій...

Конечно находились здравомыслящіе люди, которымъ было ясно, что такая жизнь, такой порядокъ вещей не могутъ продолжаться и должны привести къ гибели. Понималъ это и король; но одного сознанія было мало: нужно было дѣйствовать, дѣйствовать не полумѣрами, а рѣшительно и безповоротно. Нужны были сильные люди, нужны были геніальныя способности—а такихъ людей не было въ распоряженіи короля Франціи, онъ не могъ ихъ найти среди окружающихъ.

Обстоятельства запутывались съ каждымъ днемъ, приходили отовсюду, а главное изъ Парижа, самыя тревожныя извѣстія. Страшнымъ громовымъ ударомъ разразилось взятіе Бастиліи. Революція выказывала всю свою силу. Король дѣлалъ уступку за уступкой по требованію Національнаго Собранія...

Въ Версали, чего прежде никогда не бывало, время отъ времени наступало затишье; веселыя лица блѣднѣли; но во всякомъ случаѣ это не долго продолжалось—французскій характеръ бралъ свое. Изъ общественнаго бѣдствія, изъ неудачи государственной мѣры остроумцы извлекли матеріялъ для ловкой игры словъ, для bons mots. Bons mots, вызванные печальнымъ событіемъ, повторялись повсюду, всѣ смѣялись, становилось весело, и опять ликованье начиналось въ садахъ Версали, въ роскошныхъ залахъ

королевскаго замка, гдѣ собраны были со всего міра лучшія произведенія таланта и вкуса.

Прелесть придворной жизни была такъ велика, что самыя благоразумныя головы затуманивались и подъ звуки ласкающихъ слухъ мотивовъ, подъ обаяніе женской красоты и ласки забывались надвигающіяся бѣды. Жизнь была слишкомъ хороша! Прежде думалось, что она никогда не кончится, теперь невольно и настойчиво является мысль о возможности ея окончанія;—но вѣдь она пока еще существуетъ и нужно всецѣло отдаться ей, насладиться ею... нужно жить, нужно жадно, до послѣдней капли выпить эту сладкую чашу. Жизнь Тріанона и Версали была такъ хороша, что тѣ, которые ее пережили и спаслись во время грозы, потомъ уже не жили, а прозябали, и на склонѣ дней своихъ, при новомъ порядкѣ и повидимому окончательно сжившись съ этимъ порядкомъ, такіе люди повторяли: «Кто не жилъ до 1789 года, тотъ и понятія не имѣетъ о сладости жизни».

Но какъ бы то ни было, въ этомъ благоухающемъ воздухѣ уже все больше и больше чувствовалось приближеніе грозы и особенно это было замѣтно для посторонняго человѣка, для Сергѣя. Это предчувствіе надвигавшихся бѣдъ съ первыхъ же дней его пребыванія въ Версали нагнало на него грусть. Но скоро другое чувство, еще болѣе мучительное, овладѣло имъ—онъ встрѣтилъ герцогиню д'Ориньи.

Онъ былъ ей представленъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда она была вся—оживленіе, остроуміе, веселость. Она взглянула на него своими искрящими-

ся, черными глазами, улыбнулась ему своей тихой, полудѣтской улыбкой, протянула руку. И это мгновенное пожатіе, этотъ взглядъ, эта улыбка сразу рѣшили все—съ первой же минуты онъ былъ во власти этой женщины, онъ безумно любилъ ее. Встрѣчи были постоянны и въ первое время онъ даже самъ не замѣчалъ какъ ищетъ этихъ встрѣчъ, какъ всѣ усилія направляетъ къ одной цѣли: видѣть ее, гогорить съ нею.

Онъ правду сказалъ ей, что и не думалъ ее преслѣдовать,—это дѣлалось безсознательно. Цѣлый мѣсяцъ провелъ онъ какъ въ чаду, въ лихорадкѣ, не замѣчалъ своихъ безсонныхъ ночей, своихъ мученій—онъ жилъ только въ ея присутствіи... Это было какое-то сумасшедствіе.

Онъ очнулся только тогда, когда увидѣлъ, что изъ за нея пренебрегаетъ своими обязанностями. Онъ вспомнилъ о Танѣ только тогда, когда получилъ отъ нея длинное и нѣжное письмо, въ которомъ она разсказывала, что ея мать поправилась, что Богъ помогъ ей въ одномъ очень важномъ дѣлѣ, ради котораго она звала Сергѣя. Она не обвиняла его въ томъ, что ихъ разлука становится слишкомъ продолжительной, она понимала, что сократить эту разлуку было не въ его власти. Но въ письмѣ Тани были ужасныя строки: эти строки говорили Сергѣю о томъ, что она его любитъ, что она увѣрена въ неизмѣнности его чувства.

Что же это такое?! что онъ сдѣлалъ!? Зачѣмъ онъ обманулъ ее?!

Но онъ ужь не мучился надъ этими вопросами,

онъ ужь зналъ, что виноватъ не онъ, что виновата судьба, потому что увидѣть герцогиню и не полюбить ее—онъ не могъ.

Что теперь дѣлать?! написать Танѣ, что между ними все кончено, просить ее забыть его, разсказать ей всю правду? Конечно это было бы всего лучше—но имѣетъ ли онъ на это право? Вѣдь онъ знаетъ Таню, онъ знаетъ, что она одна изъ тѣхъ натуръ, съ чувствомъ которыхъ играть невозможно. Онъ убьетъ ее своимъ письмомъ... Но вѣдь рано или поздно нужно же ей будетъ узнать истину!.. Еслибъ онъ могъ увидѣться съ нею, онъ можетъ быть съумѣлъ бы мало по малу ее успокоить — но ея нѣту. Онъ даже написалъ ей письмо, въ которомъ во всемъ признавался и все же не рѣшился послать этого письма. Она одна, ея жизнь не радостна, въ немъ ея единственная отрада—отнять эту отраду черезчуръ жестоко!..

Но вотъ передъ нимъ являлась герцогиня, онъ снова слышалъ ея голосъ, ея смѣхъ. Она на него взглянула—и Таня была позабыта. Явилось новое мученіе:

„Если я буду причиной несчастья Тани, думалъ онъ, то она отомщена — несчастнѣе меня она не будетъ!“...

Любить безъ взаимности, любить, не смѣя даже высказать своего чувства!.. сойти съ ума отъ любви, совсѣмъ погибнуть—вотъ какая будущность представлялась Сергѣю.

Но вдругъ онъ сталъ замѣчать столько ласки во

взглядѣ герцогини, что въ первыя минуты дѣйствительно чуть съ ума не сошелъ отъ блаженства.

„Она меня любитъ! Боже мой! но вѣдь она никогда не можетъ быть моею!“... думалъ наивный юноша.

Герцогиня скоро доказала ему, что онъ ошибался. Она дала ему нежданное счастье, которое его совсѣмъ огуманило.

V.

За хлѣбомъ.

Было около десяти часовъ утра. Сергѣй крѣпко спалъ въ своей обширной спальнѣ, въ домѣ, нанятомъ имъ на бульварѣ близь величественнаго и тогда еще не вполнѣ оконченнаго зданія церкви Святой Магдалины. Толстыя драпировки оконъ спальни были спущены и въ комнатѣ царила полутьма. Съ улицы по временамъ доносились глухіе крики.

Но эти крики не нарушали сна Сергѣя. Онъ провелъ безсонную ночь, сначала за спѣшной работой—за письмами въ Петербургъ, потомъ-же онъ никакъ не могъ заснуть отъ волненія. Эта ночь была первой ночью послѣ его свиданія съ герцогиней въ отелѣ д'Ориньи. Простясь съ Сергѣемъ, герцогиня уѣхала въ Версаль, но онъ еще не могъ слѣдовать

за нею. Онъ долженъ былъ до слѣдующаго дня остаться въ Парижѣ, долженъ былъ увидѣться съ Симолинымъ, который простудился и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Сергѣй обѣщалъ герцогинѣ быть въ Версали на слѣдующій день непремѣнно, а пока напрягалъ всѣ усилія воли, чтобы забыть себя и свое новое, внезапное счастье и заняться дѣломъ.

Ему это удалось. Возвратясь вечеромъ отъ Симолина, онъ приготовилъ письма въ Петербургъ. Но окончивъ эти занятія, всецѣло предался своимъ ощущеніямъ и заснулъ только на зарѣ.

Въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ тревоги и тоски счастливая улыбка мелькала на его сонномъ лицѣ, щеки его горѣли, губы шептали что-то—видно и во снѣ онъ переживалъ свое счастье.

Но вотъ дверь спальни тихонько скрипнула, пріотворилась, и въ полумракѣ обрисовалась крошечная фигурка Моськи. Карликъ подошелъ къ окну, вскарабкался на кресло и сталъ раздвигать занавѣсы.

— Ишь ты какъ заспался, шепталъ онъ, — это его видно къ погодѣ... Вишь, дождикъ-то, такъ и поливаетъ!.. все небо обложило... Да ужь денекъ! чѣмъ-то кончится?.. Нѣтъ, встать пора—не ладно, совсѣмъ не ладно нынче, нужно ему доложить про все...

Открывъ занавѣсъ, карликъ подошелъ къ высокой кровати Сергѣя, взобрался на табуретку, а оттуда уже на мягкую перину и сталъ тихонько щекотать Сергѣя, какъ всегда это дѣлалъ, когда нужно было будить его.

— Вставай, батюшка, вставай дитятко! нѣжно и ласково говорилъ карликъ.

Сергѣй открылъ глаза.

— А? что, Степанычъ? развѣ поздно?!

— Поздно, батюшка, десять часовъ ужь скоро.

Сергѣй лѣниво потянулся, потомъ вдругъ схватилъ себя за голову. Онъ вспомнилъ все, сердце его безумно застучало, глаза загорѣлись счастьемъ. Онъ схватилъ карлика и сталъ цѣловать его крохотное сморщенное личико.

Моська былъ ему теперь самымъ близкимъ, самымъ роднымъ человѣкомъ и хотѣлось ему крикнуть этому старому другу:

„Степанычъ, я счастливъ, я счастливъ какъ никогда не былъ!..“

Но онъ удержался и только цѣловалъ карлика. У Моськи даже радостныя слезы на глазахъ показались отъ этой ласки.

— Батюшка, Сереженька!..

Онъ сталъ ловить его руки, покрывая ихъ поцѣлуями. Но вдругъ ему стало тяжело, грустно и страшно.

— Сереженька, золотой, вставай, — сказалъ онъ, соскальзывая съ высокой кровати и подавая Сергѣю чулки и башмаки, вѣдъ не даромъ-же я тебя бужу-то! не сталъ-бы тревожить твою милость, видя, что спишь такъ сладко, а вотъ побоялся, что серчать будешь коли не разбужу. Дѣло-то, видишь ты, сегодня совсѣмъ неладно!..

— Что неладно? Что такое?!..

— Да вѣдь чуяло мое сердце, что не на радость мы сюда ѣдемъ, не даромъ, какъ въѣхали въ этотъ

проклятый Парижъ, такъ меня тоска охватила... И давно ужь я вижу, что дѣло совсѣмъ дрянь—вотъ и стряслась бѣда...

— Степанычъ, говори прямо, что такое? Когда ты эту манеру бросишь тянуть да пугать?!..

— Что такое?! мрачно пропищалъ карликъ, — а то, что народъ ихній нынче по улицамъ бунтуетъ.

Сергѣй поспѣшно подошелъ къ окну.

Сквозь сѣрую мглу окладнаго осенняго дождика онъ увидѣлъ по улицамъ толпу, безпорядочно спѣшившую куда-то по одному направленію. И это ужь не былъ тотъ спокойный, веселый народъ, которымъ онъ любовался вчера при ласковомъ блескѣ солнца. Сразу было замѣтно что-то необычайное въ этомъ движеніи, — люди бѣжали будто на пожаръ; то и дѣло доносились дикіе крики.

— Куда-же это они? не слыхалъ-ли, Степанычъ, —что такое?

— Говорю—бунтуютъ. А бѣгутъ это въ Пале-Рояль, тамъ съ ранняго утра народу видимо-невидимо. Одѣвайся, батюшка, я тебѣ сію минуту шоколаду принесу—давно ужь готовъ, а какъ будешь ты одѣваться да купать, такъ я и разскажу тебѣ, что знаю.

Моська поспѣшно вышелъ изъ спальни и черезъ минуту вернулся, таща маленькій серебряный подносъ съ шоколадомъ и печеньемъ.

— Я, сударь батюшка, все это доподлинно знаю, запищалъ онъ. Что мнѣ тутъ сидѣть дома-то одному, когда изъ Версали пріѣзжаемъ?! какъ тебя нѣтъ, —я по улицамъ и шляюсь... не даромъ вѣдь ихъ басурманскому языку научился—все вѣдь понимаю,

съ кѣмъ хочешь говорить могу. Потаскался таки по этому Парижу, теперича почитай не хуже Питера его знаю. Нечего сказать—народецъ! Городъ, что и говорить, важный—ровно въ сказкѣ какой!... только и бѣдноты-же здѣсь, срамоты всякой!.. Боже ты мой милостивый! Кабы не своими глазами видѣлъ, то и въ жизнь не повѣрилъ бы, родному отцу-бы не повѣрилъ—такое тутъ творится... Прости Господи, такого наслышался, что какъ и вспомнишь, такъ все нутро воротитъ... Я съ ними хитрю, беру грѣхъ на душу—дурачка разыгрываю—не разъ надо мною потѣшались а все-же худа мнѣ до сей поры отъ нихъ не бывало... Нынче чѣмъ свѣтъ поднялся я, вышелъ на улицу, народъ бѣжитъ и я за народомъ. Куда молъ?—въ Пале-Рояль... И я туда-же, да дорогой все и развѣдалъ. Слышь ты, нонче въ Версаль къ королю народъ кинется хлѣба просить... хлѣба молъ нѣту, съ голоду помираемъ. А какой тутъ хлѣбъ, какой съ голоду?! просто бунтуютъ, подбили ихъ злодѣи.

Сергѣй съ ужасомъ взглянулъ на Моську.

— Въ Версаль? къ королю?!

Онъ понялъ все—клубные ораторы и демагоги, авторы зажигательныхъ статей въ ежедневно появлявшихся листкахъ, добились своего. Сергѣй получалъ эти постоянно нарождавшіяся газеты и листки, читалъ ихъ. Онъ окончательно простился со своими прежними иллюзіями и увидѣлъ, что во имя священныхъ принциповъ справедливости и братства творилось величайшее, отвратительнѣйшее зло, эксплуатировались народныя страсти и невѣжество. Сначала эти газетки, эти листки казались ему неопасными.

Это былъ наборъ трескучихъ фразъ, въ которыхъ не замѣчалось ни искренняго убѣжденія, ни таланта. Но видно листки возъимѣли свое дѣйствіе, видно авторы ихъ знали, что дѣлаютъ... „Народъ, такой народъ—опьяненный, безсмысленный — въ Версаль! думалось Сергѣю, — гдѣ-же это новая національная гвардія? Что все это наконецъ значитъ, къ чему все это клонится?!.“

Сергѣю почти не удавалось среди той жизни, въ которую онъ былъ вовлеченъ, наблюдать народное настроеніе. Рено почти не являлся въ послѣднее время, а если и являлся, то на самый короткій срокъ, чтобы провѣдать своего бывшаго воспитанника. И съ каждымъ такимъ свиданіемъ Сергѣю казалось, что Рено все болѣе и болѣе измѣняется, что онъ не тотъ, какимъ былъ прежде. Онъ будто въ лихорадкѣ, будто заговаривается... Начнетъ Сергѣй спрашивать—онъ вдругъ замолчитъ, не договариваетъ, что-то скрываетъ.

А то вдругъ схватится за голову, жметъ Сергѣю руку, странно на него смотритъ.

— Да что, въ волненіи говоритъ онъ, — жизнь кипитъ, жизнь всесильна и поневолѣ нужно уступать ей... Гроза страшна пока бушуетъ, но она неизбѣжна и очищаетъ воздухъ...

— Рено, вы говорите загадками... Гдѣ вы?.. Что дѣлаете? Зачѣмъ вы это отъ меня скрываете? тревожно спрашивалъ его Сергѣй:

Французъ тихо качалъ головою.

— Я дѣлаю то, что мнѣ должно дѣлать, но я убѣдился, мой другъ, что дороги наши расходятся. Я прежде объ этомъ не думалъ, не предполагалъ воз-

можности этого, а между тѣмъ это такъ и я не зову васъ за собою. Съ меня довольно сознанія, что на томъ пути, по которому вы идете, вы всегда останетесь незапятнанны. Теперь мое дѣло будетъ во́ время предостеречь васъ, во́ время сказать вамъ когда нужно удалиться отсюда. Не изумляйтесь словамъ моимъ, не изумляйтесь что въ нихъ такъ мало общаго съ прежнимъ, съ тѣмъ, что я говорилъ когда-то, что дѣлать—тогда я не понималъ многаго. А вотъ теперь пришлось понять... и не спрашивайте меня больше!..

И Рено задумчивый, мечтательный и разсѣянный, уходилъ отъ Сергѣя.

Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, Сергѣй конечно его такъ не оставилъ бы, но въ эти дни, когда онъ былъ почти всецѣло поглощенъ новой жизнью своего сердца, безумнымъ, страстнымъ чувствомъ, наполнившимъ его, онъ отпускалъ Рено и сейчасъ же переставалъ думать объ его загадочныхъ словахъ.

Однако, какъ онъ ни былъ поглощенъ своею сердечною жизнью, извѣстіе, принесенное карликомъ въ это утро, на него сильно подѣйствовало. Народная толпа стремится въ Версаль. Мало ли чѣмъ это можетъ кончиться, а вѣдь тамъ Мари, ей можетъ быть грозитъ опасность... Нужно узнать въ чемъ дѣло, нужно самому убѣдиться, предупредить эту опасность.

Онъ поспѣшно одѣлся и объявилъ Моськѣ, что сейчасъ уходитъ.

— Куда же батюшка? вѣдь ты не приказывалъ закладывать карету—неужто пѣшкомъ, въ такую по-

году, въ такую-то сумятицу?! мало ли что случиться можетъ, вѣдь это развѣ теперь люди—это звѣри!..

— Оттого-то я и иду пѣшкомъ, повидимому спокойно отвѣтилъ Сергѣй,—карету-то пожалуй остановятъ, а такъ кто же меня знаетъ.

— Такъ постой, постой, коли ужь нужно тебѣ идти непремѣнно—я вотъ принесу твоей милости старый плащъ и старую шляпу—все таки оно будетъ спокойнѣе...

— Вотъ это дѣло, проговорилъ Сергѣй и задумчиво сталъ дожидаться Моську.

Скоро карликъ явился съ плащемъ и со шляпой. Сергѣй надѣлъ высокіе ботфорты, взялъ въ карманъ пистолетъ, надвинулъ на брови безобразную цилиндрическую шляпу, закутался въ длинный черный плащъ—въ такомъ видѣ ему легко было смѣшаться съ толпою. Онъ поспѣшно вышелъ изъ дома и кинулся по направленію къ Пале-Роялю.

Погода была отвратительная, дождь лилъ какъ изъ ведра, на улицахъ образовались лужи. По мѣрѣ приближенія къ Пале-Роялю толпа прибывала и съ каждой минутой Сергѣй долженъ былъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что дѣло не шуточное. Вся эта бѣгущая толпа поражала его, онъ сразу замѣтилъ, что находится посреди всевозможнаго отребья Парижа, которое выползло теперь изъ своихъ норъ и почувствовало силу. Оборванные мужчины и женщины, съ отвратительными лицами, на бѣгу кричали, потрясая кулаками. Брань, проклятья раздавались со всѣхъ сторонъ. Но къ кому относится эта брань, кому эти проклятія—понять было сразу трудно, да врядъ ли и сами кричавшіе понимали это.

Мимо Сергѣя проходили и пробѣгали наглаго вида женщины, нищіе въ лохмотьяхъ, какіе-то страшные люди—не то солдаты, не то ремесленники. Попадались и хорошо одѣтые, въ такихъ же плащахъ и шляпахъ, какъ у Сергѣя. Однимъ словомъ это была та толпа, которая развилась въ Парижѣ въ послѣдній годъ, толпа людей безъ всякаго дѣла, потерявшихъ свои прежнія занятія вслѣдствіе тревожныхъ обстоятельствъ.

Парижъ—городъ роскоши и моды, средоточіе блестящаго дворянства, обѣтованная земля богатыхъ иностранцевъ, съѣзжавшихся сюда со всѣхъ странъ свѣта — Парижъ развилъ въ себѣ многочисленный классъ ремесленниковъ, производителей не только предметовъ необходимости, но главнымъ образомъ предметовъ роскоши. Со времени первыхъ успѣховъ революціи, при первыхъ же сильныхъ безпорядкахъ, большая часть иностранцевъ поспѣшила вонъ изъ Парижа. Вслѣдъ за богатыми иностранцами начали уѣзжать и дворянскія семейства Франціи, нѣкоторыя изъ нихъ удалялись въ свои помѣстья, другія же болѣе трусливыя, или вѣрнѣе дальновидныя, совсѣмъ покидали Францію—эмигрировали.

Парижъ пустѣлъ съ каждымъ днемъ и огромное число ремесленниковъ, до сихъ поръ жившихъ въ полномъ довольствѣ, осталось безъ всякаго дѣла, а потому и безъ куска хлѣба. Къ нимъ присоединились бѣглые солдаты изо всѣхъ полковъ. Такихъ дезертировъ насчитывалось теперь въ Парижѣ около шестнадцати тысячъ.

Весь этотъ голодный, озлобленный людъ питался чѣмъ попало, начиналъ воровать и грабить и въ

то же самое время жадно повторялъ каждое зажигательное слово, читалъ и перечитывалъ листки и газетки демагоговъ. Весь этотъ людъ составилъ толпы внимательныхъ и шумныхъ слушателей ораторовъ Пале-Рояля.

Пале-Рояль былъ любимымъ мѣстомъ сборищъ этой разнокалиберной толпы, куда собирались не боясь никакихъ непріятностей. Тамъ былъ, хотя невидимый, но любезный хозяинъ — Филиппъ герцогъ Орлеанскій, — который не мѣшалъ народу, который готовъ былъ брататься съ этимъ пьянымъ народомъ. Тамъ можно было получить даровой стаканъ вина, тамъ можно было встрѣтить въ великомъ множествѣ женщинъ, иногда молодыхъ и красивыхъ, цвѣточницъ, торговокъ, которыя не отличались суровостью, которыя умѣли кричать и браниться не хуже мужчинъ, не хуже мужчинъ умѣли апплодировать зажигательному слову оратора.

Уже не въ первый разъ эта толпа собиралась и кричала, уже не въ первый разъ она наводила ужасъ на мирныхъ жителей Парижа. Полная безнаказанность доказывала ея силу.

Сергѣй замѣчалъ какъ мирные жители спѣшатъ скорѣе спрятаться въ своихъ жилищахъ. Дома всѣ на запорѣ, окна закрыты—открыты одни только кабаки. И по пути мужчины и женщины заходятъ въ эти кабаки и выходятъ оттуда полупьяные, съ признаками еще большей необузданности и раздраженія. Проклятія раздаются все громче.

Вотъ коренастая высокая женщина, очевидно какая нибудь торговка, съ высоко подобранной юбкой, въ разорванныхъ башмакахъ, въ маленькомъ чеп-

чикѣ, съѣхавшемъ на затылокъ, съ растрепанными волосами наткнулась на Сергѣя. Онъ извинился. Она взглянула на него своими налитыми кровью глазами и хлопнула его по плечу.

— Ну чего ты, мальчишка! съ дикимъ хохотомъ прокричала она,- не время тутъ любезничать, вотъ ужо какъ наѣдимся, тогда и потолковать можно будетъ...

Сергѣй понялъ, что его извиненіе она приняла за любезничанье. Онъ невольно поморщился и прибавилъ шагу. Но эта женщина шла рядомъ съ нимъ, размахивая руками и обращаясь къ нему кричала:

— Слышишь ты, хлѣба въ Парижѣ нѣту!.. такъ гдѣ же онъ? значитъ въ Версали... Вотъ и пойдемъ за нимъ. Разъ король, королева и дофинъ будутъ съ нами—такъ уже не станемъ мы сидѣть безъ хлѣба, вѣдь будутъ же они ѣсть, ну а коли сами будутъ ѣсть, такъ и насъ по неволѣ кормить будутъ... Тогда небось ужь не скажутъ, что хлѣба нѣту!

— Въ Версаль! закричала она пронзительнымъ голосомъ,—въ Версаль и во что бы то ни стало вернемся съ булочникомъ, съ булочницей и ихъ мальчишкой!..

— Въ Версаль! въ Версаль!! подхватила сотня голосовъ.

Толпа была уже у Пале-Рояля.

VI

Въ Пале-Роялѣ.

Пале-Рояль, — этотъ своеобразный и красивѣйшій уголокъ Парижа, отдѣленный отъ города крытыми пассажами, примыкавшій ко дворцу герцоговъ Орлеанскихъ и заключавшій въ себѣ множество магазиновъ, лавокъ, кофейныхъ, а также превосходный садъ,—представлялъ теперь довольно странное зрѣлище. Всѣ магазины были закрыты, отпертыми оказались только двери кофейныхъ. Тысячи народу наполняли пассажи, крытыя галлери, дорожки сада.

Въ воздухѣ стояли несмолкаемые крики; дождь лилъ какъ изъ ведра; но никто очевидно не обращалъ на это вниманія. Въ толпѣ, тамъ и здѣсь, шныряли мальчишки съ газетами, выкрикивая ихъ названія. Печатные листки расходились по рукамъ. Образовывались небольшія группы; кто-нибудь громко

читалъ; но при первомъ же зажигательномъ словѣ слушатели прерывали чтеніе и поднимали крикъ, размахивая руками.

Вокругъ кофейныхъ и въ саду были разставлены столики. За этими столиками сидѣли люди всѣхъ званій, женщины, безцеремонно обнимавшія своихъ сосѣдей, дѣлившихся съ ними стаканомъ вина.

Вотъ возлѣ одного изъ такихъ столиковъ собирается два, три десятка людей. Одинъ кто нибудь начинаетъ говорить; но его трудно разслышать.

— Громче, громче! кричатъ ему.

Онъ взбирается на столъ и уже оттуда, отчаянно жестикулируя, обращается къ слушателямъ.

Пробираясь то къ одной, то къ другой кучкѣ, которыя собирались вокругъ ораторовъ, Сергѣй внимательно вслушивался, желая наконецъ узнать, чѣмъ эти ораторы поднимаютъ народъ, что ему обѣщаютъ и чего отъ него требуютъ. Но сколько ни вслушивался, онъ никакъ не могъ уловить яснаго смысла въ этихъ рѣчахъ, которыя очевидно производили такое сильное впечатлѣніе, которыя заглушались громомъ рукоплесканій и криковъ. Онъ слышалъ только фразы, отдѣльныя фразы—въ нихъ заключалась вся сила этихъ рѣчей. Это были проклятія, отвратительныя, безсмысленныя угрозы, но ими достигалась цѣль. Полупьяная, полуголодная, обливаемая дождемъ, толпа теряла послѣдніе признаки своего человѣческаго достоинства—окончательно свирѣпѣла.

— Неужели мы будемъ еще ждать, еще терпѣть, еще просить, когда имѣемъ полное право требовать! кричалъ ораторъ,—пора намъ показать, что мы не

стадо, которымъ можно распоряжаться, какъ угодно— *мы* должны распоряжаться!..

Оглушительный крикъ, подобный звѣриному реву, былъ отвѣтомъ на слова эти.

Расталкивая здоровыми кулаками народъ, протискивалась огромная грязная торговка. Она съ трудомъ вскарабкалась на столикъ, который трещалъ и шатался подъ ея тяжестью, и охрипшимъ, почти мужскимъ голосомъ закричала:

— Слушайте, граждане, нечего тутъ переливать изъ пустого въ порожнее, покажемъ-ка себя, чтобы долго насъ помнили!

Она засучила рукава и, грозя кулаками въ пространство, совсѣмъ почти задыхаясь отъ бѣшенства, душившаго ее, хрипѣла:

— Ага, австріячка! принимай гостей. Танцовала ты для своего удовольствія, потанцуй теперь для нашего... изъ кожи твоей мы себѣ лентъ понадѣлаемъ, кровь твою мы выльемъ въ чернильницы, а вотъ и мой фартукъ для твоихъ внутренностей!..

И она отвратительно захохотала, пошатываясь на столикѣ, который наконецъ не выдержалъ — подломился. Торговка съ проклятіями полетѣла на землю, но окружавшіе ее поддержали, громкими криками выражая ей свое сочувствіе.

А съ другой стороны въ нѣсколькихъ шагахъ кто-то выкрикивалъ!

«Les aristocrates à la lanterne!»

Сергѣю нечего было больше дожидаться — онъ и такъ уже видѣлъ и слышалъ слишкомъ много.

Онъ спѣшилъ скорѣй изъ этой отвратительной толпы, и вдругъ столкнулся съ Рено. Въ первую се-

кунду онъ даже не узналъ его — куда дѣвался сдержанный, приличный видъ воспитателя. Рено, совсѣмъ промоченный дождемъ, въ какой-то безобразной шляпѣ на затылкѣ, въ смятомъ платьѣ, небритый, похудѣвшій, съ блестящимъ растеряннымъ взглядомъ — быстро подходилъ къ этой ужасной толпѣ.

Сергѣй схватилъ его за руку. Рено вздрогнулъ и ни слова не говоря, сталъ выбираться съ Сергѣемъ, ища въ саду уединенной дорожки.

— Зачѣмъ вы здѣсь, сказалъ онъ наконецъ, когда вокругъ нихъ никого не было, — вамъ вовсе здѣсь не мѣсто... уходите скорѣе!..

— Это правда, Рено, я и ухожу, но уйдемъ вмѣстѣ. И я тоже васъ спрашиваю: зачѣмъ вы здѣсь, здѣсь не ваше мѣсто... очнитесь, что съ вами? вы неузнаваемы — вы вѣрно больны... Рено, дорогой мой, идемъ, идемъ скорѣе!..

Рено опустилъ голову и нѣсколько секундъ стоялъ неподвижно. Но вдругъ онъ выпрямился, взглянулъ на Сергѣя страннымъ, незнакомымъ ему, чужимъ совсѣмъ взглядомъ. Его ноздри нервно раздулись, губы задрожали и онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Оставьте меня, я ужь сказалъ вамъ, что дороги наши расходятся. Мое мѣсто именно здѣсь, я у себя, среди народа, изъ котораго вышелъ и съ которымъ у меня общая судьба и общія цѣли.

Сергѣй отшатнулся, его сердце больно сжалось. Онъ такъ любилъ этого человѣка, онъ давно привыкъ уважать его, слушать его какъ оракула.

— Рено, опомнитесь! сказалъ онъ опять, схватывая и не выпуская его руку, — вѣдь это бредъ, это сумасшествіе! Боже мой! такъ вотъ что вы отъ меня

скрывали, вотъ ваша дѣятельность! Рено слушайте,— вы знаете, чѣмъ вы для меня всегда были, вы знаете, какъ многимъ я вамъ обязанъ и потому-то вы должны теперь объясниться, вы должны оправдаться передо мной, я не могу васъ оставить. Я не долженъ, я не смѣю думать, что вы составляете одно съ этими злодѣями, съ этими подстрекателями безсмысленной, кровожадной толпы, которая готова не только на всякую несправедливость, но и на всякое преступленіе... У меня мысли путаются — говорите же, говорите сейчасъ, что вы не имѣете ничего общаго съ ними, что вамъ все это также отвратительно, какъ и мнѣ!..

Рено стоялъ блѣдный, пораженный, собираясь съ силами. Наконецъ онъ заговорилъ, едва переводя духъ, задыхаясь, останавливаясь и сжимая руку Сергѣя своей горячей, дрожавшей рукой:

— Вы требуете, чтобы я оправдался, О, у меня много оправданій! Еслибы можно было достигнуть цѣли спокойно, безъ борьбы и волненій—это конечно было-бы большимъ счастьемъ. Но дѣло въ томъ, что борьба неизбѣжна и только эта борьба поможетъ достигнуть серьезныхъ результатовъ.

— Какихъ результатовъ? Что вы называете борьбою? Говорите слѣпому и глухому, но вѣдь я еще вижу и слышу, вскричалъ Сергѣй,—я вижу, что это не борьба, а отвратительное, звѣрское насиліе. Я вижу, что результатъ этого насилія — преступленіе. Вы будете говорить мнѣ, что народъ находится въ жалкомъ состояніи, что народъ невѣжественъ и бѣденъ, что онъ голодаетъ. Все это я знаю. Можетъ быть прежде и дѣйствительно мало заботились о нуж-

дахъ народа, но вѣдь теперь призваны представители отъ всѣхъ сословій... Что они дѣлаютъ, надъ чѣмъ работаютъ?! вѣдь именно надъ тѣмъ, чтобы рѣшать самые жгучіе, самые неотложные вопросы, чтобы помочь народу. Такъ значитъ нужно дать имъ спокойно выработать необходимыя мѣры. Если вы хотите помочь народу, если вы знаете его нужды,— идите туда, въ національное собраніе!.. Не говорите же о народѣ—тутъ дѣло вовсе не въ немъ; развѣ эта звѣрская, отвратительная толпа — народъ?! Это даже не люди, это ядовитая грязь, которую подбираютъ и пропитываютъ ядомъ вотъ эти ваши ораторы! Я ихъ слышалъ, я читалъ ихъ листки, и на столько то я вѣдь понимаю... Они не думаютъ о народѣ, они думаютъ только о себѣ, тѣшатъ только свою злобу...

Язвительная усмѣшка скривила губы Рено.

— Вы ошибаетесь, сказалъ онъ, — есть зло, для искорененія котораго необходимы особенныя средства, а обыкновенными средствами его не вырвешь съ корнемъ. Положеніе народа никогда не улучшится, какія бы мѣры ни принимали, не улучшится, пока существуетъ это гнилое общество, стоящее сверху. Отчего народъ грубъ, невѣжественъ и бѣденъ? Оттого что эти господа, это высшее сословіе, втеченіе столѣтій высасывали изъ него всю кровь, всѣ силы. Они раздѣлили родъ человѣческій на двѣ половины и воображаютъ, что бо́льшая его половина должна существовать ради меньшей, должна вѣчно страдать, работать и голодать для того, чтобы добывать этой меньшей половинѣ радости жизни. Такъ неужели вы думаете, что какими нибудь спокойными

мѣрами можно пересоздать такой порядокъ? Нѣтъ, онъ измѣнится только тогда, когда будетъ поглощено и уничтожено это общество, заклеймившее себя вѣками несправедливости!..

„Les aristocrates á la lanterne“! донесся въ тихую аллею дикій крикъ толпы.

— Вы этого хотите? мрачно спросилъ Сергѣй.

— Хоть бы и этого, если ничего другого не остается!..

— Рено, вы говорите какъ сумасшедшій, и при этомъ вы забываете еще одно—вѣдь я, вашъ воспитанникъ, вашъ старый, вѣрный другъ, принадлежу къ тому обществу, которое вы проклинаете, которому вы грозите. Вы много лѣтъ провели въ этомъ обществѣ и кажется, кромѣ расположенія, кромѣ вниманія къ себѣ ничего не видѣли!..

Рено тихо и печально усмѣхнулся.

— Вы ничего не можете принимать на свой счетъ, сказалъ онъ, — мы во Франціи и дѣло только во французскихъ аристократахъ У васъ совсѣмъ другія условія, у васъ все совсѣмъ другое!.. Вы удивляетесь моей ненависти О, она законна! я имѣю право ненавидѣть, я схоронилъ глубоко въ себѣ эту ненависть и таилъ ее долгіе годы. Но время пришло, терпѣніе истощилось... Вы вотъ эту толпу называете дикими звѣрями, а тѣ развѣ лучше?!. безъ чувства, безъ совѣсти, безъ чести, съ одной только гордостью, съ однимъ презрѣніемъ къ всему, что не окружено блескомъ! Я слишкомъ дорого заплатилъ, чтобы знать это и чтобы говорить такъ, какъ я говорю теперь—мнѣ всю жизнь испортили, мнѣ душу отравили!..

Послѣдняя краска сбѣжала съ лица Рено. Блѣдный какъ полотно, съ сверкающими глазами, онъ схватился за сердце.

— Я знаю о чемъ вы говорите, сказалъ Сергѣй— я помню печальную исторію вашей любви, которую вы мнѣ повѣрили два года тому назадъ. Я потомъ много объ этомъ думалъ, ужасно жалѣлъ васъ и ужасно негодовалъ на ту женщину, которая такъ васъ оскорбляла. Но неужели потому, что она была виновата передъ вами — виноватъ цѣлый классъ, къ которому она принадлежала. Вы встрѣтились съ существомъ испорченнымъ, бездушнымъ и грубымъ, которое не оцѣнило любовь вашу, не полюбило васъ истинной любовью. И вѣдь это совсѣмъ случайно, что вы встрѣтили ее въ высшемъ обществѣ, вы могли встрѣтить такое же существо всюду — и во дворцѣ, и въ избѣ. Какъ не хотите вы понять, что если-бы женщина васъ дѣйствительно полюбила, полюбила бы настоящею любовью, то будь она хоть герцогиня, а вы простой рабочій, — она не стала-бы задумываться надъ разницей общественнаго положенія, она была бы ваша. Эта графиня, я хорошо помню вашъ разсказъ, была несравненно ниже васъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, она не могла подняться до васъ, и если вы до нея унизились, то это скорѣй вина ваша — а вы вотъ вините цѣлое общество!...

— Всѣ они такіе, всѣ! съ ненавистью въ голосѣ закричалъ Рено,—и каждый, кто не прянадлежитъ къ этой кастѣ и соприкасается съ нею, уходитъ оскорбленный, униженный, оплеванный... Но зачѣмъ мы говоримъ все это, вы меня не убѣдите, а я васъ

и не хочу убѣждать. Я вамъ говорилъ, я вамъ говорилъ, что разошлись наши дороги! оставьте же меня!.. вы знаете, что я люблю васъ. Если вамъ нужна моя помощь — призовите и я буду защищать васъ до послѣдней капли крови, но пока вамъ не грозитъ опасность, пока я вамъ не нуженъ—оставьте меня!..

— Рено! еще одно слово. Изъ такой ненависти ничего добраго никогда не выйдетъ. Вся неправда, все зло теперешней жизни должны мало по малу сами уничтожиться съ помощью просвѣщенія, которое сблизитъ, сроднитъ людей всѣхъ классовъ и сами собой рухнутся предразсудки. Стараться о томъ, чтобы это счастливое время пришло какъ можно скорѣе, работать для этого— вотъ задача, достойная истино просвѣщеннаго и благороднаго человѣка! Вспомните, вѣдь мы такъ ее съ вами и понимали, вѣдь я повторяю теперь ваши же уроки... Рено, вы исполнили эту задачу, вы сдѣлали изъ меня многое, вы уничтожили во мнѣ столько предразсудковъ, вы знаете, есть ли во мнѣ презрѣніе къ людямъ не моего общества .. Если я встрѣчаю образованнаго и нравственно развитаго человѣка, будь онъ хоть ремесленникъ, будь онъ кто угодно—я считаю его себѣ равнымъ. Я вижу только одну разницу между мною и этимъ человѣкомъ: я знаю своихъ предковъ а онъ своихъ не знаетъ. Тутъ дѣйствительно есть разница—мое происхожденіе заставляетъ меня любить доблести моихъ предковъ и стыдиться ихъ пороковъ, поэтому я обязанъ всячески подражать этимъ доблестямъ и загладить въ лицѣ своемъ эти родовые пороки. Вотъ къ чему обязываетъ меня мое проис-

хожденіе—и въ этомъ, надѣюсь, нѣтъ ни для кого обиды. Вы же сами научили меня такимъ взглядамъ, эти взгляды должны сдѣлаться общими, но только не путемъ насилія...

Онъ не договорилъ. Онъ ясно увидѣлъ, что Рено его не слушаетъ и не понимаетъ словъ его.

Снова по близости раздались неистовые крики.

— Пустите меня, пустите и уходите поскорѣе отсюда! прошепталъ Рено и исчезъ между кустами.

Сергѣй кинулся къ выходу изъ сада Пале-Рояля, но вдругъ кто то положилъ ему на плечо руку. Онъ оглянулся и узналъ Сентъ-Альмэ.

— И вы здѣсь?! проговорилъ Сергѣй, все еще полный впечатлѣній бесѣды съ Рено, взволнованный и негодующій,—и вы тоже находите что чаша народныхъ бѣдствій переполнена и что поэтому нужно превратить народъ въ палачей.

Сентъ-Альмэ снова улыбнулся.

— Я сейчасъ встрѣтилъ вашего ментора, сказалъ онъ,—онъ имѣетъ видъ сумасшедшаго—пробѣжалъ мимо меня, крикнулъ что вы здѣсь, въ этой аллеѣ и чтобы я васъ вывелъ изъ Пале-Рояля. Пойдемте, я понимаю слова ваши и нисколько на нихъ не обижаюсь; теперь у насъ такія времена, что люди то и дѣло теряютъ разсудокъ. Отчего же бы вамъ было и меня не почесть сумасшедшимъ, но только вы ошиблись — я здѣсь затѣмъ же зачѣмъ вѣроятно и вы. Я пришелъ взглянуть на это зрѣлище, которое нично иное какъ первый актъ міровой трагедіи. Можетъ быть помните — я хвастался передъ вами, что

засѣлъ въ свою берлогу и не выйду изъ нея пока не вытащатъ силой — такъ вѣдь и положилъ себѣ, а вотъ и не стерпѣлъ, пріѣхалъ въ этотъ проклятый Парижъ посмотрѣть что здѣсь дѣлается, узнать скоро ли мнѣ ждать гостей, которые придутъ за моею рухлядью и за моею головою... Теперь должно быть скоро! совершенно серьезно и съ видимымъ убѣжденіемъ прибавилъ онъ.

Въ это время они вышли изъ сада и подходили къ одному изъ пассажей. Сергѣй замѣтилъ, что народу гораздо меньше, крики тоже почти утихли. Мужчины и женщины обгоняя другъ друга спѣшили къ выходу изъ пассажа.

— Притихли немного, прошепталъ Сентъ-Альмэ, да вѣдь это на нѣсколько минутъ только, теперь ихъ настроили идти въ „Hôtel de ville“. Сегодня, видите ли, у нихъ торжество женщинъ, рѣшено что въ этихъ безпорядкахъ будутъ дѣйствовать женщины—расчетъ вѣрный—въ мужчинъ скорѣе бы стрѣлять стали, а въ этихъ не рѣшатся. Теперь вотъ нѣсколько сотенъ мегеръ ворвутся въ Hôtel de ville и можно себѣ представить, что тамъ будетъ. Я такъ полагаю, что сегодняшній день кончится чѣмъ нибудь рѣшительнымъ — эти господа знаютъ что дѣлаютъ.

Въ это время съ ними поровнялся худощавый, довольно высокаго роста, молодой человѣкъ. Онъ пристально взглянулъ на нихъ своими блестящими, впалыми глазами, насмѣшливо и горделиво усмѣхнулся и прошелъ дальше. Обгонявшіе его мужчины и женщины почтительно ему кланялись.

— Вы не знаете кто это? спросилъ Сергѣй Сентъ-Альмэ.

— Какъ не знать, это именно одинъ изъ „этихъ господъ“, да еще самый вліятельный. Онъ знаетъ два три театральныхъ пріема и всегда успѣшно дѣйствуетъ ими на толпу—этотъ Дэмуленъ.

— И вы говорите, что этотъ человѣкъ имѣетъ большое вліяніе?

— Еще бы, конечно. Я знаю, что онъ хвалится, и не безъ основанія, что французская революція и новая эра, какъ они ее называютъ, обязана ему всѣмъ. Этотъ Дэмуленъ, Лустало, Бриссо и Маратъ —вотъ властители Парижа, распоряжающіеся судьбами Франціи—и въ этомъ заключается злая иронія судьбы. Я имѣлъ случай знать всѣхъ этихъ лицъ до того времени, какъ они начали свою блистательную карьеру. Я смотрю на все это со стороны, хладнокровно — вы можете повѣрить словамъ моимъ. Я сейчасъ скажу вамъ кто эти люди, эти вожди народа. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Дэмуленъ былъ адвокатомъ безъ всякой практики—онъ доказалъ свою неспособность, незнаніе законовъ и тщетно искалъ себѣ дѣла. Онъ жилъ въ крошечной chambre garnie, весь въ долгу. Вотъ онъ теперь не узнаетъ меня, а вѣдь онъ и мнѣ долженъ, впрочемъ когда я давалъ ему двѣсти франковъ я и не разсчитывалъ ихъ получить когда-нибудь обратно. Онъ жилъ только на тѣ незначительныя суммы, которыя изрѣдка высылалъ ему старикъ отецъ. Лустало былъ совершеннымъ оборванцемъ, я помню, что онъ тщетно искалъ какого-нибудь служебнаго мѣстечка и

потомъ его пристроили куда то съ нѣсколькими сотнями франковъ жалованья. Бриссо старался пристроиться къ какой-нибудь газеткѣ, которая помѣщала-бы тотъ вздоръ, который онъ кропалъ, но ему постоянно возвращали его рукописи. Знаменитѣе всѣхъ ихъ былъ Маратъ—онъ считалъ себя писателемъ, ученымъ, философомъ. Но какъ писатель, онъ жестоко освистанъ, какъ ученый, онъ былъ уличенъ въ шарлатанствѣ, — физикъ Шарль доказалъ это. Въ качествѣ философа онъ несъ такую ахинею, что совѣстно было слушать. И знаете-ли, чѣмъ онъ завершилъ свою карьеру—онъ поступилъ помощникомъ младшаго ветеринара конюшенъ графа д'Артуа. Ну а теперь всѣ они всемогущи, всѣ они геніи!..

— Я не зналъ этихъ подробностей, печально сказалъ Сергѣй, но съ меня достаточно утреннихъ листковъ, газетокъ—вѣдь въ нихъ ни одного талантливаго и искренняго слова!

— Еще бы, перебилъ Сентъ-Альмэ,—что-же такіе люди и могутъ сказать?!. Но дѣло въ томъ, что отъ нихъ и не требуется ни ума, ни таланта, ни убѣжденій. Имъ не нужно ничего доказывать, они всходятъ на свою трибуну и кричатъ! „Народъ!..“

— Народъ! перебилъ Сергѣй, вѣдь тутъ фальшь въ самомъ началѣ!

— Еще бы, но эта пьяная толпа, окружающая трибуну, считаетъ себя народомъ и ораторы кричатъ: „народъ! ваши враги — дворъ и аристократы! ваше послушное орудіе—городской совѣтъ и національное собраніе! Вы должны не церемониться съ врагами, уничтожить ихъ, перевѣшать! Вы должны

заставить національное собраніе и городской совѣтъ безпрекословно васъ слушаться!“ — вотъ ихъ программа и они конечно проведутъ ее! И какое торжество для этихъ помощниковъ младшаго ветеринара, для освистанныхъ писакъ, бездарныхъ адвокатовъ, оборвышей! Они теперь вымещятъ всѣ обиды своего самолюбія на томъ обществѣ, которое ихъ не цѣнило. О! оскорбленное самолюбіе—это самая страшная вещь! человѣкъ проститъ все, кромѣ обиды своему самолюбію. Бездарность, оскорбленная въ своемъ самолюбіи—это именно то ядовитое существо, которое высылаетъ адъ въ подобныя времена, какія мы переживаемъ. Такъ было всегда, такъ всегда и будетъ. Нѣтъ, я довольно навидался, я начинаю волноваться — пора мнѣ въ свою берлогу — сегодня-же уѣду...

— Ну вотъ мы и вышли изъ этого омута, прибавилъ онъ оглядываясь,—теперь я прощусь съ вами.

Сергѣй молча и крѣпко сжалъ его руку и поспѣшилъ къ себѣ, на бульваръ Магдалины, чтобы захватить Моську и ѣхать въ Версаль.

Пораженный видѣннымъ и слышаннымъ, глубоко опечаленный встрѣчей съ Рено, онъ даже почти забылъ о себѣ, о своей герцогинѣ, о томъ, что пропустилъ много времени.

Скорѣй-же теперь въ Версаль, скорѣй!

Въ его воображеніи мелькалъ соблазнительный образъ Мари. Страстное мучительное чувство закипало въ немъ. Но и среди этого чувства, рядомъ съ милымъ образомъ, то и дѣло вставалъ другой образъ, вспоминалось блѣдное, искаженное злобой лицо Рено.

— „Бездарности, оскорбленныя въ своемъ самолюбіи!“ шепталъ онъ, „и можетъ быть море крови... И это Рено, Рено!“

Прежній Рено, прежняя жизнь, Горбатовское, Таня—все вдругъ представилось далекимъ сномъ. Но теперь развѣ это жизнь? это опять новый сонъ, томительный и ужасный.

VII.

Королева.

Сплошная сѣрая мгла покрывала небо, нигдѣ не замѣчалось свѣтлой полоски, которая обѣщала бы скорый конецъ ненастью. Сильный дождикъ, шедшій всю ночь и утро, нѣсколько утихъ; моросило мелкими, частыми, едва видными каплями, которыя тонкой сѣроватой дымкой заволакивали всѣ предметы. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, въ воздухѣ духота. Недвижно, уныло стоятъ пожелтѣвшія деревья и только время отъ времени роняютъ сухіе листья.

Небольшое озеро дремлетъ не шелохнется, будто замерли на его поверхности бѣлые лебеди, такъ что издали и не разобрать—лебеди ли то или ихъ изваянія. По берегамъ озера, сквозь порѣдѣвшія вѣтви деревьевъ, виднѣются во мглѣ — маленькій швейцарскій домикъ, башенка самой капризной построй-

ки, дальше—небольшое двухъ-этажное зданіе съ террасой, спускающейся къ широкой лужайкѣ, посреди которой расположены красивые цвѣтники и фонтанъ, рядъ стриженныхъ померанцевыхъ деревьевъ въ огромныхъ зеленыхъ кадкахъ.

Это небольшое двухъ-этажное зданіе—Малый Тріанонъ. Эти цвѣтники, это озеро, швейцарская хижинка, башенка—любимый уголокъ королевы Маріи Антуанеты. Все здѣсь такъ просто, такъ непохоже на величественную роскошь королевскаго замка и парка. Здѣсь вѣетъ тихой интимной жизнью, деревенскимъ уединеніемъ. Еще не очень давно здѣсь радостно и привѣтливо сіяло солнце и подъ его лучами кипѣла радостная жизнь, подъ каждымъ деревомъ, подъ каждымъ кустикомъ, слышался веселый смѣхъ, беззаботныя шутки.

Въ каждую свободную минуту стремилась сюда королева съ самыми близкими ей людьми. Этикетъ двора , скука и чопорность сюда не смѣли появляться. При входѣ въ малый Тріановъ мгновенно, какъ по волшебству, забывались всѣ заботы и работы. Въ мигъ одинъ происходила всеобщая метаморфоза: королева и ея дамы превращались въ пастушекъ, чопорные франты Версали превращались въ артистовъ. Здѣсь царилъ одинъ только законъ и ему всѣ должны были строго подчиняться. Законъ этотъ гласилъ: «отдыхать, забавляться, быть какъ можно ближе къ природѣ».

Попасть въ заколдованный кругъ Малаго Тріанона было завѣтной мечтою всякаго придворнаго; но эта мечта осуществлялась довольно трудно.

Тамъ, въ королевскомъ замкѣ, Марія Антуанета

была любезной хозяйкой со всѣми, тамъ она умѣла подавлять въ себѣ нерасположеніе къ тѣмъ или другимъ людямъ, но здѣсь, въ своемъ завѣтномъ уголку, она хотѣла быть окруженной только истинными друзьями, людьми близкими и дорогими ея сердцу.

И много быстрыхъ, веселыхъ часовъ протекло подъ тѣнью этихъ деревьевъ. Все это было еще такъ недавно. Но вотъ уже больше году опустѣлъ Малый Тріанонъ и только изрѣдка показывается въ немъ Марія Антуанета, и все короче ея посѣщенія. Тріанонъ потерялъ для нея прежнюю прелесть. Тріанонъ казался ей прежде живымъ, милымъ существомъ, съ радостной свѣтлой душою, которая всегда готова была пригрѣть и озарить ее тихимъ счастьемъ. Но эта душа теперь отлетѣла. Тріанонъ мертвъ и сумраченъ, будто злобная рука волшебника легла на него и превратила его въ трупъ, будто чары старой сказки пронеслись надъ нимъ и онъ потерялъ всю свою прежнюю прелесть. Тоскою, невыносимой, давящей, безконечной тоскою дышетъ отъ этого сѣраго неба, отъ этихъ мелкихъ, моросящихъ капель, застилающихъ предметы своей дымкой, отъ этихъ вянущихъ деревьевъ!.. Все неподвижно, все туманно, все холодно. Кругомъ ни звука; мокрые, желтые листья покрываютъ извилистыя дорожки, ни птица не встрепенется, ни сонный лебедь не шевельнетъ крыломъ.

Но вотъ въ тихой аллеѣ раздается далекій шорохъ. По направленію къ швейцарскому домику, медленно движется, будто привидѣніе, какая-то фигура—это высокая, стройная женщина, вся окутанная длиннымъ чернымъ плащемъ. Вотъ она вышла изъ ал-

леи и остановилась у берега озера и смотритъ неподвижнымъ взглядомъ передъ собою. Изъ подъ мягкихъ складокъ накинутаго на голову чернаго капюшона обрисовывается прекрасное, будто высѣченное изъ мрамора, еще молодое лицо: чудные небеснаго цвѣта глаза, тонкій орлиный носъ, нѣсколько удлиненный подбородокъ. Это лицо поражаетъ своей величавой прелестью, оно почти безукоризненно красиво. Есть въ немъ только одна черта, которая нарушаетъ общую гармонію—нижняя губа прелестнаго рта немного выступаетъ впередъ. Но этотъ недостатокъ мгновенно забывается, къ тому же онъ придаетъ особенный характеръ лицу, придаетъ нѣчто горделивое, царственное. Это родовая черта, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію въ цезарскомъ австрійскомъ домѣ Габсбурговъ.

Эта величественная женщина, неподвижно стоящая у озера,—дочь Маріи Терезіи, королева Марія Антуанета.

Да, это она, но кто бы могъ узнать ее теперь въ это осеннее ненастное утро! Кажется это только тѣнь ея, ея призракъ. Да и сама она не узнаетъ себя, не узнаетъ окружающаго... Полная тоски и горя, полная невыносимой муки и предчувствія, безсонной страшной ночи, королева не въ силахъ была больше владѣть собою, незамѣтно покинула роскошныя залы Версальскаго замка и еще разъ навѣстила свой Тріанонъ, чтобы здѣсь, въ тишинѣ и уединеніи, выплакать всѣ свои слезы, передумать всѣ свои думы. Она ждала, она надѣялась найти въ этомъ миломъ ея сердцу уголкѣ хоть одну только послѣднюю каплю прежней сладости. Ей хотѣлось, безумно хо-

тѣлось хоть на мигъ одинъ уйти отъ страшной измучившей ее жизни, въ міръ милыхъ воспоминаній, пережить ихъ снова, отдохнуть, забыться. Ей хотѣлось взглянуть еще разъ на милое озеро, на швейцарскій домикъ, на любимыя деревья, на бѣлыхъ лебедей...

И вотъ все это передъ нею; но Боже, какая мука! Развѣ это то, что было. Сама она—призракъ прошлаго и все, что ее окружаетъ, тоже призракъ прошлаго. И эти блѣдные призраки только еще яснѣе, еще томительнѣе говорятъ ей о ея горѣ, о томъ, что прежняя жизнь прошла и никогда уже больше не вернется.

О какъ все холодно, сѣро и туманно, какъ непривѣтно! Слезы душатъ королеву—хоть-бы заплакать; но слезы душатъ—и не выливаются...

И вдругъ ей начинаетъ казаться, что вся эта счастливая жизнь, которая изжилась здѣсь, была тоже призракомъ, что всѣ эти свѣтлые дни только пригрезились. Вѣдь еслибъ они были дѣйствительностью, то вотъ теперь, когда она не спитъ, не грезитъ, они показались-бы ей возможными, вѣдь хоть что-нибудь здѣсь указало-бы на то, что они были. Но она знаетъ, знаетъ всѣмъ существомъ своимъ, что эти дни никогда не вернутся, отъ нихъ и слѣдовъ не осталось. Были-ли же они — или ихъ совсѣмъ не было? Какъ прошла вся эта жизнь, куда все дѣлось, за что, зачѣмъ такія муки, такія терзанія, за что наказаніе, ка какіе грѣхи, за какое преступленіе!?.

Королева подняла свои голубые глаза къ небу, но небо было безпросвѣтно, безучастно и она снова опустила глаза, опустила голову и пошла по тихому бе-

регу. И за нею двинулись, обступая ее со всѣхъ сторонъ, давя ей сердце, темные призраки, тѣни прошлаго, предчувствія грядущихъ бѣдъ и мученій. И мучительнѣе, и страшнѣе, невыносимѣе всѣхъ этихъ призраковъ стояла надъ нею страшная, гигантская тѣнь и охватывала ее своими невидимыми руками. Эта тѣнь — была таинственная, непонятная судьба ея, которая склонилась надъ ея младенческой колыбелью и съ тѣхъ поръ не покидала ее никогда и въ самыя свѣтлыя минуты ея жизни грозила ей и пророчила несчастье.

И тѣмъ страннѣе была эта судьба, что представляла повидимому такую противуположность съ тѣмъ, что должно было встрѣтить въ жизни эту женщину. Вѣдь жизнь осыпала ее всѣми своими дарами. Она родилась любимымъ ребенкомъ императорскаго австрійскаго семейства. Но судьба подстерегла даже и минуту ея рожденія—она родилась 2-го ноября 1775 года—въ печальный «день поминовенія мертвыхъ». Страшнымъ годомъ былъ годъ ея рожденія — земля колебалась, ужасныя землетрясенія разрушили почти цѣлые города въ Европѣ, Америкѣ и Африкѣ.

Непреодолимое предчувствіе относительно роковой судьбы дочери постоянно преслѣдовало ея отца. Съ обожаніемъ глядя на красавицу дѣвочку, онъ часто задумывался и едва удерживалъ слезы. Онъ не разъ говорилъ, что почему-то боится за ея будущее. Ей было десять лѣтъ, когда онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вѣны въ Инспрукъ, гдѣ въ это время торжественно совершалось бракосочетаніе эрцгерцога Іосифа съ испанской инфантой Маріей Луизой. Императоръ

уже значительно отъѣхалъ отъ Шенбруна—своей резиденціи—какъ вдругъ велѣлъ остановить карету:

— Скорѣй вернитесь въ замокъ и привезите эрцгерцогиню Антуанету, сказалъ онъ лицамъ своей свиты,—я долженъ еще разъ ее увидѣть.

Дѣвочку привезли. Отецъ бросился къ ней, схватилъ ее на руки, обнималъ, цѣловалъ, прижималъ къ своему сердцу, благословлялъ ее, глядѣлъ на нее съ выраженіемъ глубокой тоски и грусти и едва нашелъ въ себѣ силы передать ее гувернанткѣ и разстаться съ нею. Это было ихъ послѣднее свиданіе—императоръ внезапно умеръ черезъ нѣсколько недѣль.

Марія Антуанета во всю жизнь не могла забыть этой минуты. Она страстно любила отца и часто вспоминалось ей его лицо, такое нѣжное, такое грустное. Вспоминалось, какъ онъ благословлялъ ее, какъ цѣловалъ, какъ не могъ разстаться съ нею. Вспомнилось ей все это и теперь и голова ея склонилась еще ниже...

— «О! онъ предчувствовалъ весь ужасъ судьбы моей!» прошептали ея блѣдныя губы.

Это печальное воспоминаніе невольно увлекало ея мысли въ далекіе годы и такъ ярко, ярко все вспомнилось и проходило передъ нею. Мелькали одна за другою картины ея дѣтства. Это дѣтство—вѣдь это было единственное счастливое время ея жизни! Добраго отца не стало, но осталась мать, примѣрная мать, справедливая и любящая, разумная женщина. Какъ все было хорошо тамъ, на родинѣ, въ милой Вѣнѣ, въ миломъ Шенбрунѣ. Царственная мать, могущественная императрица Марія Терезія была не

только императрицей, но и хорошей семьянинкой, она не любила роскоши и ея простота привлекала къ ней всѣхъ.

«О какой добрый нашъ народъ!» прошептала Марія Антуанета, съ содроганіемъ вспоминая о другомъ народѣ, о которомъ теперь приходилось думать... «Нашъ народъ дѣйствительно любилъ насъ! какъ насъ всюду встрѣчали, вѣдь мы въ толпѣ чувствовали себя окруженными близкими родными людьми; вѣдь тысячи крѣпкихъ рукъ были всякую минуту готовы защитить насъ отъ всякой опасности, но опасности тогда ни откуда не предвидѣлось... какая тогда могла быть опасность?!.»

И вспомнила бѣдная королева свои прогулки съ матерью и сестрами по окрестностямъ Шенбруна и Лаксенбурга. Усталыя отъ долгой ходьбы, проголодавшіяся, онѣ нерѣдко заходили въ крестьянскую избушку, чтобы выпить по стакану молока, съѣсть по куску простаго деревенскаго хлѣба и одарить и обласкать хозяевъ. Вспоминались ей далекіе, давно почти забытые друзья, къ которымъ она отправлялась запросто—это были семейства князей Эстергази, Кинскихъ, графовъ Пальфи. Въ праздничные дни императрица съ дочерьми отправлялась на народныя гулянья и ея кучеръ никогда не смѣлъ ѣхать впередъ и заставлять останавливаться извощиковъ. Карета императрицы скромно подвигалась въ ряду другихъ экипажей. Императрица и эрцгерцогини раскланивались и улыбались на всѣ стороны, отвѣчая на восторженныя народныя привѣтствія. Марія Антуанета пріучилась жить заодно съ народомъ, радоваться его радостями, веселиться его весельемъ. Возвращались

онѣ во дворецъ и, если не было оффиціальныхъ пріемовъ, то ихъ встрѣчала тихая, семейная обстановка, скромный обѣдъ въ пріятномъ и умномъ обществѣ. Къ столу императрицы приглашались не только высокопоставленныя лица, но и скромные труженики науки и искусства; талантъ былъ при дворцѣ лучшей рекомендаціей...

Въ такой обстановкѣ развивались умъ и способности маленькой Маріи Антуанеты и незамѣтно шло время, незамѣтно превращалась она изъ ребенка въ дѣвушку. И въ какую дѣвушку! Она рано привыкла видѣть устремленные на нее восторженные и изумленные взгляды. Она выростала высокая и стройная, граціозная, съ воздушной поступью. Ея ясные, темноголубые глаза въ минуты материнской нѣжности, Марія-Терезія любила сравнивать съ водами Дуная. Каждое утро когда она расчесывала свои длинные, густые, блѣднопепельнаго цвѣта волосы, зеркало улыбалось ей и показывало чудное, овальное личико съ высокимъ горделивымъ лбомъ, съ орлинымъ и въ то же время нѣжнымъ профилемъ, съ трогательнымъ и добрымъ выраженіемъ въ каждой чертѣ, въ каждой минѣ.

Да, она дѣйствительно была добра и сердце ея было открыто для каждаго высокаго и хорошаго чувства. О, какъ искренно и глубоко страдала она, слыша о чьемъ либо несчастьи, какъ мечтала она дѣлать добро на сколько только хватитъ силъ и осуществляла эти мечтанія. Ей вспомнилась одна печальная зима: долгіе морозы, снѣга... голодъ начался въ Вѣнѣ, народъ начиналъ бѣдствовать... Какъ-то утромъ императрицѣ принесли вѣдомость, въ кото-

рой подробно было описано жалкое положеніе жителей нѣкоторыхъ предмѣстій. Марія Антуанета была рядомъ съ матерью. Слушая ужасающія подробности, она горько рыдала, потомъ выбѣжала изъ кабинета императрицы, побѣжала къ себѣ и вернулась со своей шкатулочкой.

— Здѣсь пятьдесятъ пять дукатовъ, сквозь рыданія проговорила она, ставя шкатулочку на колѣни матери,—у меня больше ничего нѣтъ... позволь мнѣ раздать это бѣднымъ людямъ!..

Мать позволила и пополнила эти пятьдесятъ дукатовъ значительной суммой.

Съ тѣхъ поръ узнавать о нуждахъ вѣнскихъ жителей и помогать имъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ маленькой эрцгерцогини. Но были и другія любимыя занятія,—занятія музыкой, поэзіей. А учителями впечатлительной и талантливой дѣвушки были поэтъ Метастазіо и Моцартъ.

О, какъ она помнила эти уроки! они такъ и звучатъ послѣ столькихъ лѣтъ. Передъ нею и вдохновенный голосъ поэта, и чудные звуки безсмертнаго Моцарта. Какія чувства, какіе порывы души поднимали въ ней эти звуки! Но не къ веселью влекли они, не радостью заставляли биться ея сердце. Ее охватывала сначала тихая сладостная истома, потомъ грусть, потомъ какой-то священный ужасъ. Но иногда эти дивные звуки наполняли ее невыразимой тоскою, тѣни предчувствій поднимались въ ея сердцѣ, сразу начинали душить ее. И вся трепетная, испуганная невидимыми призраками, она съ рыданіями убѣгала и пряталась въ объятіяхъ матери, будто желая скрыться въ этомъ безопасномъ убѣжи-

ицѣ отъ гнавшихся за нею, наступавшихъ на нее призраковъ, и долго не могла успокоиться.

Ее всѣ любили, она всѣмъ нравилась. Но едва выйдя изъ отроческаго возраста она была уже несчастна—судьба, все таже непонятная, страшная судьба стояла надъ нею и отравляла ея счастье, ея веселье. Прошло дѣтство, наступила юность, эрцгерцогинѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ. Она невѣста дофина Франціи, ей предназначено сіять своей красотою, своими талантами на самомъ блестящемъ престолѣ Европы. На нее обращены всѣ взоры, ее привѣтствуютъ всеобщія пожеланія долгаго и безоблачнаго счастья. А въ глубинѣ ея сердца копошится тоска, нерѣдко приходятъ минуты томленія и долго не уходятъ. Тяжело разстаться ей съ родными мѣстами, съ дорогими близкими людьми, съ любимой матерью.

Юную эрцгерцогиню провожаетъ вся Вѣна, разставаясь съ нею, многіе плачутъ. Она отгоняетъ отъ себя мрачныя мысли, старается думать о новой жизни и представляетъ ее себѣ лучезарной. Свѣтлыя дѣвическія грезы, наконецъ, приходятъ, на лицѣ ея расцвѣтаетъ улыбка, довѣрчиво вступаетъ она въ свое новое отечество. Она на мгновеніе даже забываетъ тоску разлуки, слезы матери, родныхъ, милаго народа. Но вотъ опять тоска, опять предчувствія, и улыбка замѣняется слезами...

А въ это время грустная Марія Терезія показываетъ портретъ дочери извѣстному предсказателю доктору Гаснеру и спрашиваетъ его:

— Будетъ-ли счастлива моя Антуанета?

Гаснеръ блѣднѣетъ и молчитъ. Императрица пов-

торяетъ свой вопросъ. Предсказатель склоняетъ голову и грустно отвѣчаетъ:

— Ваше величество, каждый несетъ крестъ свой!..

Марія Антуанета во Франціи. Ей приготовлена блестящая встрѣча.

Недалеко отъ Страсбурга, на Рейнѣ, между двумя мостами, воздвигнутъ великолѣпный павильонъ, гдѣ должна произойти церемонія „передачи“. Эрцгерцогиня будетъ торжественно передана Франціи.

Вся огромная зала павильона увѣшана коврами-гобеленами чудной работы. Но каковы-же сюжеты этихъ вытканныхъ картинъ? На нихъ изображены исторіи Язона, Медеи и Креза. Печальныя исторіи, печальныя пророчества! Невѣста входитъ въ павильонъ. Съ Французскаго берега Рейна доносятся звуки стройнаго пѣнія—это сотни молодыхъ дѣвушекъ привѣтствуютъ ее. Кругомъ глухо шумятъ воды Рейна, гудятъ колокола, раздаются громкіе и радостные крики народа, гремятъ пушечные выстрѣлы. За нею ея приближенные, ея соотечественники едва сдерживаютъ свои слезы. Она забываетъ о требованіяхъ этикета и вся въ слезахъ кидается въ объятія графини де-Ноайль...

И вдругъ страшная черная туча заволакиваетъ небо, раздаются удары грома, сверкаетъ молнія, Рейнъ кипитъ, цѣлые потоки дождя обливаютъ павильонъ. Всѣ въ смятеніи. Свѣтлая картина измѣнилась—мракъ и ужасъ, само небо грозитъ и пророчитъ бѣды! Но судьба неумолима—Марія Антуанета на землѣ Франціи и нѣтъ ей возврата на тихую родину, къ берегамъ милаго Дуная.

Гроза прошла, невѣста дофина вступаетъ въ Страс-

бургскій соборъ. Ее встрѣчаетъ духовенство въ полномъ облаченіи — и впереди всѣхъ стоитъ передъ нею молодой прелатъ весь залитый золотомъ и пурпуромъ.

Она взглянула на его красивое молодое лицо и тотчасъ-же опустила глаза, сердце ея сжалось больно и тревожно—и это опять прадчувствіе—молодой, блестящій прелатъ никто иной какъ кардиналъ принцъ Роганъ, тотъ самый Роганъ, который впослѣдствіи принесъ ей столько горя, которому суждено было нанести такія жестокія раны ея самолюбію, ея чувству собственнаго достоинства—Роганъ, герой печалнаго и всѣмъ извѣстнаго „дѣла ожерелья королевы“...

Все это невольно черезъ два десятка лѣтъ вспоминается теперь Маріи Антуанетѣ и она съ ужасомъ видитъ, какъ страшная судьба ея постоянно грозила, вѣщала ей недоброе различными знаменіями. И мысли несчастной королевы несутся дальше.

Вотъ она въ Версали. Никогда невиданный ею блескъ ее встрѣчаетъ. Толпа народа наполняетъ роскошные сады, готовится великолѣпная иллюминація, громадный замокъ принимаетъ ее подъ свою величественную сѣнь. Сердце пятнадцатилѣтней красавицы трепещетъ ожиданіемъ — вотъ сейчасъ она увидитъ его, человѣка, который предназначенъ ей судьбою, съ которымъ черезъ нѣсколько дней она будетъ связана на всю жизнь. Юный дофинъ спѣшитъ ей на встрѣчу. Она робко вглядывается въ его милое, добродушное лицо и довѣрчиво протягиваетъ ему руку. И въ ту же минуту опять страшная гроза разражается надъ самымъ замкомъ, молніи такъ и сверкаютъ, оглушительные раскаты грома не пре-

кращаются, дождь льетъ ливмя, завываетъ буря, ломаетъ деревья. Толпа народа спѣшитъ скорѣе прочь изъ садовъ, приготовленія къ иллюминаціи поневолѣ прекращаются...

Но и эта гроза и эти печальныя предзнаменованія ничто передъ тѣмъ, что ожидаетъ ее черезъ нѣсколько дней, при въѣздѣ въ Парижъ. Столица Франціи даетъ въ честь невѣсты дофина блестящій праздникъ. Марія Антуанета должна въѣхать въ городъ вечеромъ. Народъ въ количествѣ четырехсотъ тысячъ собрался для ея встрѣчи. Эту величественную картину озаряютъ миріады зажженныхъ факеловъ и костровъ. Воздухъ оглашается радостными кликами, ночь безоблачна, прекрасна. Горделивая статуя короля на площади Людовика XV озарена ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Появляется Марія Антуанета. О, какъ она хороша, какое счастье изображается на нѣжномъ лицѣ ея! Забыты всѣ сомнѣнія, всѣ предчувствія. Она видитъ наконецъ эту великолѣпную столицу, про которую твердили ей съ дѣтства, она видитъ эти сотни тысячъ французскаго народа, который отнынѣ будетъ ея народомъ. И этотъ народъ встрѣчаетъ ее съ такимъ энтузіазмомъ. Онъ уже любитъ ее, избранницу своего дофина, свою будущую королеву. И она его тоже любитъ, и она обѣщаетъ себѣ посвятить всю жизнь благу этаго народа. Она мечтаетъ о томъ добрѣ, которое она можетъ для него сдѣлать и конечно сдѣлаетъ.

Тихое вечернее небо усѣянное безчисленными звѣздами будто съ тихой лаской склоняется надъ нею, будто слышитъ ея мечты, надежды и желанія и при-

вѣтствуетъ ихъ своимъ кроткимъ мерцаніемъ. Прекрасна и счастлива Марія Антуанета въ своемъ драгоцѣнномъ уборѣ, сверкающемъ брилліантами, во всемъ обаяніи свѣжей, ничѣмъ незапятнанной юности. Королевскій поѣздъ приближается къ Елисейскимъ полямъ... и вдругъ—что это такое? Это ужь не клики радости, это совсѣмъ другіе крики!.. Да, ея слухъ не обманываетъ, ей ясно, ясно слышится ужасъ, отчаяніе въ этихъ народныхъ крикахъ. Поѣздъ останавливается, краска сбѣгаетъ со щекъ Маріи Антуанеты и она испуганнымъ голосомъ спрашиваетъ!

— Ради Бога, что же это такое? что случилось, какое несчастье?!

— Успокойтесь ваше высочество, отвѣчаютъ ей окружающіе,—успокойтесь!

Но у тѣхъ, кто говоритъ это, лица блѣдны, голосъ дрожитъ.

— Господи! да что же такое?! не скрывайте отъ меня!..

И въ невольномъ порывѣ она хочетъ выйти изъ экипажа и бѣжать туда, откуда раздаются эти страшные крики. Но ее удерживаютъ—ей, наконецъ, говорятъ правду.

Каждому изъ этихъ четырехсотъ тысячъ народу хотѣлось поскорѣе ее видѣть; произошла отчаянная давка, толпа бросилась впередъ, наступая другъ на друга .. И въ этомъ неудержимомъ порывѣ все смѣшалось, костры стали потухать—подъ грудами людскихъ тѣлъ... никакія усилія не могли сдержать натиска... Костры потухали и вмѣстѣ съ ними потухали сотни, тысячи человѣческихъ жизней... Стоны

раненыхъ умирающихъ, обезображенныхъ обжогами, раздавленныхъ толпою стоятъ надъ площадью Людовика XV.

Поѣздъ Маріи Антуанеты поневолѣ возвращается въ Версаль. А что же сама она? Гдѣ это мелькнувшее счастье, эта тихая радость? Она заливается горькими слезами, и никто не въ силахъ ее утѣшить. Опять гигантская тѣнь непонятной судьбы стоитъ надъ нею и шепчетъ ей, что на этой же площади Людовика XV будутъ еще и другія жертвы, будетъ еще и другая, болѣе страшная катастрофа...

Дальше, дальше летятъ грезы королевы... Вспоминается ей еще другое время:

Она — королева Франціи, девятнадцатилѣтняя королева! рядомъ съ нею двадцатилѣтній король, добрый, благородный и любящій... Это почти дѣти. И въ рукахъ этихъ дѣтей судьбы Франціи. Поклоненіе, тонкая лесть окружаютъ королеву, но она остается все та же. Наконецъ она начинаетъ вѣрить въ счастье, забываетъ свои мрачныя предчувствія — жизнь даритъ ее улыбкой. Свѣтлымъ праздникомъ проходятъ годы, незамѣтно исчезаетъ юность, являются новыя радости: королева — мать! Она долго ждала этаго счастья и вотъ дождалась его. Ей нечего желать, не о чемъ просить судьбу—настоящее свѣтло, будущее кажется еще свѣтлѣе.

А между тѣмъ бѣды уже надвигаются и дальновидные люди уже ихъ предвидятъ. Іосифъ II, добрый и любящій братъ, пишетъ Маріи Антуанетѣ:

„Ты создана чтобы быть счастливой, добродѣтельной и совершенной, но пришло уже время, да, пришло уже время, серьезно подумать о благоразумной

и твердой системѣ, которую необходимо провести рѣшительно Ты уже не ребенокъ — для ребенка могло быть оправданье, для тебя его нѣтъ... и что съ тобой станетъ если ты будешь продолжать медлить, въ такомъ случаѣ тебя ждетъ несчастье и какъ женщину, и какъ королеву. И ты принесешь глубокое горе тому, кто любитъ тебя больше всего на свѣтѣ... я никогда не примирюсь съ мыслью о твоемъ несчастьи. Добудь же себѣ репутацію, которой достойны твой характеръ, твои таланты, твои добродѣтели!..“

Марія Антуанета читала и перечитывала искреннія и горячія строки любимаго брата и видѣла и чувствовала что онъ правъ. Но что она могла сдѣлать?! Онъ требовалъ невозможнаго. Къ несчастью въ ней было мало сходства съ ея знаменитой матерью—что было подъ силу Австрійской императрицѣ, то оказалось не по силамъ королевѣ Франціи. Марія Антуанета, какъ супруга твердаго и сильнаго короля, была бы безупречной королевой; но дорогой ея король, ея милый мужъ при всѣхъ нравственныхъ достоинствахъ, былъ слабъ и требовалъ ея помощи. Тяжелое бремя управленія расшатаннымъ государствомъ должно было сосредоточиться въ ея рукахъ—и она тщетно пробовала сдержать своими прекрасными, нѣжными руками эту тяжелую ношу...

И вотъ она чувствуетъ теперь, мучительно, всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ, что эта ноша совсѣмъ выпала изъ рукъ ея и готова раздавить и ее, и все что ей дорого... И не откуда ждать помощи. Мудрой матери нѣтъ на свѣтѣ, она умерла именно

въ то время, когда ея любовь, ея совѣты могли бы удержать ея несчастную дочь на краю гибели. Умирая, Марія Терезія даже не имѣла возможности проститься со своей любимой дочерью; на смертномъ одрѣ она заглазно благословила ее и содрогнулась, произнося ея имя...

Но тутъ, среди этихъ страшныхъ, томительныхъ воспоминаній, среди этихъ печальныхъ мыслей, ярко, живо мелькнула передъ королевой свѣтлая картина. Она вышла изъ аллеи на свою любимую лужайку, къ цвѣтникамъ Малаго Тріанона и уже не замѣчаетъ сырости ее пронизывающей, не замѣчаетъ мелкихъ, частыхъ капель дождя, насквозь смочившихъ плащь ея, не видитъ унылаго сѣраго неба, помятыхъ цвѣтовъ, облетѣвшихъ деревьевъ...

Ей чудится — надъ нею раскинулась звѣздная, лѣтняя ночь, эта милая лужайка, эти цвѣтники озарены безчисленными огоньками иллюминаціи, бѣлое зданіе Тріанона сверкаетъ все залитое свѣтомъ, разноцвѣтные бенгальскіе огни вспыхиваютъ въ глубинѣ деревьевъ и превращаютъ эту теплую душистую ночь въ волшебную сказку. Тихіе звуки музыки плывутъ невѣдомо откуда, веселая, беззаботная толпа милыхъ, близкихъ королевѣ людей окружаетъ ее со всѣхъ сторомъ...

Но вдругъ откуда-то изъ далека, съ озера, несутся не то жалобные стоны, не то невыносимо раздирающая душу мелодія. Королева очнулась. Надъ нею сѣрое небо, увядшій цвѣтникъ, внезапный порывъ вѣтра прошумѣлъ надъ деревьями и понеслись, закружились желтые листья. А жалобные звуки не

умолкаютъ... И ей кажется, что на озерѣ лебеди поютъ свою странную пѣсню.

Лебеди поютъ!! Вѣдь они поютъ передъ смертью. Королева схватилась за сердце. Ей показалось, что вотъ сейчасъ разорвется это бѣдное, наболѣвшее сердце, но оно только мучительно, тягостно замираетъ... а слезъ все нѣту!..

— Ваше величество! раздается надъ нею испуганный голосъ.

Кто говоритъ это, что это такое?!

Она подняла глаза—передъ ней одна изъ любимыхъ ея придворныхъ дамъ — герцогиня д'Ориньи, а за нею молодой русскій дипломатъ, Сергѣй Горбатовъ.

— Что случилось! ради Бога?! едва находитъ въ себѣ силы прошептать королева.

— Вотъ... онъ сейчасъ пріѣхалъ изъ Парижа, говоритъ герцогиня д'Ориньи, указывая на молодаго человѣка,—пріѣхалъ чтобы предупредить васъ—толпы черни идутъ въ Версаль.

Королева оставалась неподвижна, съ широко раскрытыми глазами.

— Чернь!.. что ей еще нужно?! почти беззвучно шептали ея побѣлѣвшія губы.

— Да она, конечно, и сама не знаетъ что ей нужно, печально сказалъ Сергѣй.—Это фанатизированная, дикая толпа, состоящая по большей части изъ полупьяныхъ, озлобленныхъ женщинъ... Терять времени невозможно, ваше величество, необходимо

тотчасъ-же принять всѣ мѣры для безопасности замка...

— О, Боже мой да, конечно... Король... его нѣту въ Версали, онъ охотится въ Мёдонскомъ лѣсу! проговорила Маріи Антуанета, внезапно оживляясь.

Ея испуга и слабости какъ не бывало. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, а при мысли о нихъ она становилась сильной.

— Поспѣшите... прибавила она, обращаясь къ Сергѣю.

— Уже нѣсколько человѣкъ отправилось въ Медонскій лѣсъ, ваше величество, отвѣтилъ Сергѣй,— но у меня тутъ верховая лошадь и я сейчасъ-же ѣду... можетъ быть мнѣ удастся скорѣе встрѣтить его величество.

— Благодарю васъ! со всей своей величественной королевской граціей сказала Маріи Антуанета и протянула ему руку.

Онъ склонился къ этой прекрасной рукѣ и поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ осталась его лошадь.

А королева быстрыми шагами, опираясь на руку герцогини д'Ориньи, направилась къ выходу изъ Малаго Тріанона. Но на дорогѣ, у озера её остановилъ посланный отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Сенъ-При.

Записка министра не сказала ей ничего новаго: онъ подтверждалъ извѣстіе привезенное Горбатовымъ и просилъ королеву немедленно вернуться въ замокъ.

Она остановилась на мгновеніе, окинула быстрымъ, невыносимо грустнымъ взглядомъ, свое милое озеро. свой швейцарскій домикъ, башенку—все что она

такъ любила. Она знала, навѣрное ужь знала, что никогда больше сюда не вернется...

И снова все тихо. Безпросвѣтное небо, не унимается осенній дождикъ, жалобно шелестятъ по дорожкамъ, будто поднимаемые невидимыми руками призраковъ, желтые листья. И чудится—съ озера доносятся заунывные, странные звуки лебединой пѣсни...

VIII.

Король.

Сквозь дождь и туманъ, сгущавшійся подъ древесными вѣтвями, мчался Сергѣй по широкой просѣкѣ Медонскаго лѣса. По временамъ онъ останавливалъ своего лихаго скакуна и чутко прислушивался. Но въ лѣсу было все тихо и онъ снова мчался.

Наконецъ недалеко въ сторонѣ раздался выстрѣлъ; Сергѣй повернулъ по направленію этаго выстрѣла и скоро различилъ вдали человѣческую фигуру. Онъ всмотрѣлся — слава Богу!..

Черезъ минуту онъ подскакалъ къ охотнику. Передъ нимъ былъ человѣкъ еще молодой, но значительно тучный, въ охотничьемъ костюмѣ, высокихъ сапогахъ, съ небольшой, украшенной сѣрымъ перомъ шляпой на головѣ. Онъ клалъ въ свой ягташъ

только что убитую птицу. Прекрасная охотничья собака стояла возлѣ него, обнюхивая ягташъ, тихо виляя хвостомъ и глядѣла въ лицо хозяина умными ласковыми глазами.

Сергѣй остановилъ своего коня и почтительно снялъ шляпу. Охотникъ поднялъ голову. Сомнѣній уже не было—это знакомыя, добродушныя черты короля Франціи: блѣдныя, нѣсколько обвисшія щеки, двойной подбородокъ, большой горбатый носъ, милая тихая улыбка красиваго рта съ пухлыми губами. Во всей этой немного сутуловатой фигурѣ не было ничего величественнаго, ничего гордаго и рѣшительнаго, но отъ нея такъ и вѣяло добротою и искренностью. Въ простомъ охотничьемъ костюмѣ, въ утреннемъ пудеръ-мантелѣ, въ роскошной церемоніальной одеждѣ, сверкающей золотомъ и бриллiантами, король Людовикъ былъ всегда одинъ и тотъ-же. Смущаться въ его присутствіи, трепетать его—не было никакой возможности, но нужно было имѣть развѣ уже совсѣмъ черствое сердце, чтобы сразу не почувствовать къ нему невольнаго влеченія.

Немного переваливаясь, король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Сергѣю и изумленно всматривался въ него своими блѣдными, выпуклыми глазами. Наконецъ онъ узналъ его.

— Ah, c'est vous, monsieur Gorbatoff!.. d'ou venez vous?..

При видѣ этаго милаго лица, этой довѣрчивой улыбки, Сергѣю стало вдругъ тяжело и тоскливо, ему безконечно жалко сдѣлалось нарушить своей страшной вѣстью спокойствіе этаго человѣка. Онъ

придумывалъ, какъ бы начать осторожнѣе, но король не дождался его отвѣта, заговорилъ, похлопывая своей пухлой, нѣжной рукой по ягташу:

— А я отлично провелъ утро, славный денекъ для охоты — настрѣлялъ довольно... вотъ посмотрите! .

Но вѣдь нельзя было терять ни секунды и Сергѣй говорилъ:

— Ваше величество, я посланъ королевой, васъ уже около часа ищутъ въ лѣсу...

И соскочивъ съ лошади, онъ разсказалъ въ чемъ дѣло.

Король опустилъ глаза и задумался.

— Ахъ, Боже мой, тихо произнесъ онъ, — какъ все это горько!.. опять недоразумѣнія, я увѣренъ, что это только недоразумѣнія: но когда же будетъ конецъ этому?!

Вдали раздался лошадиный топотъ.

— Нѣтъ, ваше величество, здѣсь больше чѣмъ недоразумѣніе! сказалъ Сергѣй.

Невольная досада звучала въ его голосѣ; онъ видѣлъ, что даже его извѣстіе принято королемъ съ обычнымъ спокойствіемъ, съ обычной апатіей. Онъ ясно понималъ, что это спокойствіе, эта апатія — самое ужасное, что только можетъ быть въ такія минуты.

Лошадиный топотъ приближался, какой-то всадникъ во весь опоръ мчался имъ на встрѣчу.

— Ваше величество, спѣшите въ замокъ, ради Бога, я обскакалъ весь лѣсъ ища васъ... Бунтующія толпы народа наводняютъ Версаль!

Лицо всадника было испуганно, блѣдно и покрыто пóтомъ, онъ задыхался отъ усталости и волненія.

— Благодарю васъ, любезный де-Кюбьеръ! по прежнему спокойнымъ голосомъ сказалъ король, — только вы ошибаетесь, говоря, что народъ наводняетъ Версаль — какой это народъ?! Это парижская чернь... не смѣшивайте ее съ моимъ народомъ!

— Государь, каждая минута дорога, берите мою лошадь... спѣшите...

— Успокойтесь, съ ласковой улыбкой сказалъ король, — Богъ дастъ и на своей поспѣю.

Онъ поднесъ къ губамъ охотничій рожокъ и протрубилъ.

— Тутъ неподалеку мой конюхъ... услышитъ, прибавилъ онъ.

Конюхъ дѣйствительно услышалъ— минутъ черезъ пять, показавшихся очень долгими и Сергѣю и де-Кюбьеру, онъ подскакалъ съ королевской лошадью.

Король своей несгѣшной, развалистой походкой подошелъ къ лошади и занесъ ногу въ стремя. Никто не замѣтилъ, какъ въ это время подъѣхалъ еще новый всадникъ — это былъ офицеръ королевской стражи.

— Государь, заговорилъ онъ, — тутъ ошибка... васъ обманываютъ! никакого бунта, ничего подобнаго нѣту... въ Версаль собрались только бѣдныя, отрепанныя женщины съ парижскихъ улицъ. Онѣ говорятъ, что пришли просить хлѣба... Умоляю ваше величество не пугаться!!.

Король выпустилъ ногу изъ стремени, обернулся и смѣрилъ офицера изумленнымъ и строгимъ взгля-

домъ. Онъ вдругъ будто выросъ, никогда еще невиданная Сергѣемъ черта мелькнула на лицѣ его.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, вы просите меня не пугаться!.. Но я не боялся еще ни разу въ жизни!

Затѣмъ онъ медленно, съ помощью конюха, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ галопомъ на широкую просѣку, ведшую изъ Мёдонскаго лѣса къ Версальскому замку. Сергѣй, де-Кюбьеръ и конюхъ слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи: позади всѣхъ ѣхалъ офицеръ, желавшій успокоить короля и невольно его оскорбившій. Онъ былъ очень смущенъ.

Самъ же король продолжалъ казаться совсѣмъ спокойнымъ, даже нѣсколько разъ ласково обращался къ бѣжавшей рядомъ съ его лошадью, своей любимой собакѣ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, возвращающагося съ удачной охоты...

Между тѣмъ въ замкѣ уже собрались министры и совѣщались относительно мѣръ, которыя необходимо принять не теряя времени. Они съ нетерпѣніемъ ожидали короля. И король, все въ томъ же охотничьемъ костюмѣ, въ высокихъ загрязненныхъ сапогахъ, вошелъ къ нимъ, любезно протянулъ каждому руку и съ видимымъ удовольствіемъ опустился въ покойное кресло. Онъ усталъ послѣ нѣсколькихъ часовъ охоты въ лѣсу, послѣ верховой ѣзды въ это ненастное утро, а здѣсь было такъ тепло и уютно...

Онъ вытянулъ на пушистомъ коврѣ свои усталыя ноги, поднялъ блѣдные, тихіе глаза на присутствовавшихъ и тяжело переводя дыханье, но спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Какія же новости, господа? что тамъ дѣлается и что вы полагаете предпринять?

Всѣ были сильно взволнованы, появленіе короля только что прекратило горячій споръ. Больше всѣхъ горячился министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ де-Сенъ-При, спокойнѣе всѣхъ казался старикъ Некеръ. Но и на его почтенномъ, нѣсколько холодномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ грусти.

— Плохія новости, живо заговорилъ Сенъ-При,— несмѣтныя толпы женщинъ, предводительствуемыя этимъ мошенникомъ Мальяромъ, который былъ однимъ изъ главныхъ заводчиковъ при взятіи Бастиліи, наводнили „l'avenue de Paris“, все это рыночныя торговки, ремесленницы, наконецъ женщины дурнаго поведенія... И притомъ тутъ самый возмутительный маскарадъ—много мужчинъ, переодѣтыхъ въ женское платье, вымазанныхъ румянами и бѣлилами... Вся эта безобразная толпа кинулась къ Національному собранію. Мальяръ и пятнадцать женщинъ ворвались въ залу засѣданія, въ первыя минуты они вели себя очень прилично: женщины молчали, Мальяръ объявилъ, что въ Парижѣ крайній недостатокъ хлѣба и что этому необходимо пособить во что-бы то ни стало.... Но его слова были прерваны отчаяннымъ шумомъ, двери были почти сломаны, дикая толпа ворвалась въ залу, на трибунахъ, на скамьяхъ депутатовъ, всюду размѣстились грязныя, оборванныя женщины. Скоро поднялись крики, ругательства, депутаты не могли вымолвить слова, ихъ прерывали бранью, угрозами; депутатамъ „лѣвой“ аплодировали. Теперь тамъ Богъ знаетъ что происходитъ и въ добавокъ эта первая толпа ничто иное,

какъ авангардъ... Изъ Парижа прибываетъ все больше и больше народу...

Король опустилъ голову и задумался.

— Что же теперь дѣлать? на чемъ вы рѣшили?

— Я нахожу необходимымъ, горячо заговорилъ де-Сенъ-При,—укрѣпить Севрскій мостъ, а затѣмъ нужно сейчасъ-же собрать все имѣющееся у насъ войско, на вѣрность котораго можно расчитывать; во главѣ этого войска ваше величество выступите противъ парижанъ и сдержите ихъ. По моему мнѣнію — вотъ единственное, что можно теперь сдѣлать....

Король тихо качнулъ головой и взглянулъ на Неккера.

— Вы того-же мнѣнія? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я никакимъ образомъ не могу согласиться съ такимъ планомъ, отвѣтилъ Неккеръ,—обнажать теперь шпагу, открыть военныя дѣйствія—это, и я совершенно въ томъ убѣжденъ, — значитъ начать междоусобную войну.

— Боже мой, вскричалъ въ волненіи де-Сенъ-При, —но вѣдь если правительство не покажетъ твердости и вступитъ въ объясненія съ мятежниками, то они сейчасъ-же поймутъ, что ихъ боятся, что они могутъ безнаказанно дѣлать что имъ угодно и тогда конца не будетъ ихъ притязаніямъ!..

Въ это время дверь залы отворилась и быстро вошелъ принцъ Люксенбургъ — капитанъ королевской стражи.

— Ваше величество, сказалъ онъ, — нѣтъ никакой возможности унять эту расходившуюся пьяную толпу—это не женщины, это мегеры! Безпорядокъ

полный, онѣ не выходятъ изъ Національнаго собранія и кричатъ, что ворвутся въ замокъ. Прикажите употребить военную силу!..

Король поднялся съ мѣста и пожалъ плечами.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ онъ, — вы хотите, чтобы я приказалъ начать военныя дѣйствія противъ женщинъ?! война съ женщинами! перестаньте шутить, пожалуйста!..

Принцъ Люксенбургъ смущенный вышелъ изъ залы, но не смотря на отвѣтъ короля, онъ отдалъ необходимыя приказанія, чтобы защищать всѣ входы въ замокъ и никаго не пропускать...

А въ это время толпа прибываетъ съ каждой минутой и наполняетъ „l'avenue de Paris“.

Пьяные крики, отвратительныя ругательства стоятъ въ воздухѣ, облака сгустились, все небо приняло темно-свинцовый оттѣнокъ и снова полилъ дождь, еще болѣе раздражая голодную, плохо одѣтую толпу. На площади „des Armes“, передъ замкомъ, выстроился Фландрскій полкъ. Изъ толпы парижанокъ выдѣляются самыя красивыя, молодыя; онѣ снуютъ между солдатами, заигрываютъ съ ними, любезничаютъ...

Между этими женщинами особенно обращаетъ на себя вниманіе одна — высокая, стройная, красивая, съ вызывающимъ нахальныхъ лицомъ. Она закутана въ яркокрасный плащъ. Это извѣстная всему Парижу куртизанка Теруань де-Мерикуръ. Ея плащъ мелькаетъ то тамъ, то здѣсь. Она раздаетъ солдатамъ деньги...

— Берите, берите, голубчики! смѣясь говоритъ солдатамъ эта красавица, — деньги хорошая вещь...

всегда пригодятся.. Ну, чего вы тутъ спите, чего ждете? То ли дѣло у насъ, въ Пале-Роялѣ! — милости просимъ, будьте дорогими гостями, попируемъ на славу... и вина у насъ вдоволь, и денегъ сколько угодно... а у вашего короля денегъ давно и въ поминѣ нѣту!..

Солдаты, сначала не очень-то обращавшіе вниманіе на этихъ женщинъ и даже выталкивавшіе ихъ изъ рядовъ своихъ, мало по малу начинаютъ отвѣчать на ихъ шутки и въ свою очередь заигрываютъ съ ними. Они принимаютъ деньги, то тамъ, то здѣсь раздается смѣхъ. И вслѣдъ за этимъ смѣхомъ, за нескромными шутками все чаще и чаще повторяется почему-то одно имя — имя герцога Филиппа Орлеанскаго...

Пройдетъ еще часъ, другой и Фландрскій полкъ будетъ плохой защитой королю Франціи — на него знали чѣмъ подѣйствовать, чѣмъ развратить его...

Между тѣмъ, призидентъ Мунье, выходитъ изъ національнаго собранія, окруженный женщинами.

— Laisséz passer la députation des parisiennes!.. Депутація къ королю! кричитъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

Ихъ пропускаютъ, они подходятъ къ замку, но за ними рвется толпа. Мунье объясняется у воротъ съ офицеромъ стражи и требуетъ пропуска. Неистовые крики оглашаютъ воздухъ. Сотни женщинъ, а затѣмъ ужь и мужчины, подоспѣвшіе изъ Парижа, силятся взобраться на высокую, чугунную рѣшетку и хоть этимъ путемъ ворваться въ замокъ. Но это невозможно, рѣшетка черезчуръ высока, а за нею

то тамъ, то здѣсь, вооруженные королевскіе стражники.

Мунье, подавляя въ себѣ бѣшенство и стараясь казаться спокойнымъ, тщетно старается успокоить толпу и проситъ, чтобы королю доложили о депутаціи парижанокъ.

Принцъ Люксенбургъ снова входитъ въ залу, гдѣ засѣдаютъ министры, и гдѣ идетъ горячій споръ между Неккеромъ и де-Сенъ-При, мнѣніе котораго теперь уже раздѣляютъ почти всѣ остальные министры. Но король поддерживаетъ Неккера...

Люксенбургъ доложилъ о депутаціи.

— А! депутація, вдругъ оживляясь, произнесъ король,—онѣ хотятъ говорить со мною, что-же, я готовъ ихъ выслушать — и увидите, господа, что все это хорошо кончится, тутъ недоразумѣніе, очевидно недоразумѣніе и я разъясню его... Впустите депутацію, любезный Люксенбургъ, и проведите ко мнѣ этихъ женщинъ...

Изъ залы засѣданія всѣ переходятъ въ сосѣднюю комнату—это спальня короля. Но здѣсь нѣтъ ничего интимнаго, спокойнаго, укромнаго, однимъ словомъ того, что бываетъ въ спальнѣ всякаго человѣка. Королевская спальня—это самая официальная комната во дворцѣ. Правда, здѣсь стоитъ роскошная кровать подъ пышнымъ балдахиномъ съ затканными на немъ лиліями Бурбоновъ; правда, ночью, когда король покоится на этой кровати, онъ одинъ. Но едва наступаетъ утро, въ назначенный часъ, въ назначенную минуту, эту кровать уже окружаютъ придворные, которымъ разрѣшено присутствовать при королевскомъ одѣваніи. Эта великая честь принадлежитъ

только самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, принцамъ и герцогамъ королевской крови. Въ этой же комнатѣ часто происходятъ пріемы, въ ней круглый день движеніе и прекращается оно только тогда, когда съ обычной, строго исполняемой церемоніей, короля раздѣнутъ и пожелаютъ ему покойной ночи...

Король вошелъ въ свою спальню, окруженный министрами и сталъ спокойно, хотя нѣсколько задумчиво, дожидаться странной депутаціи.

Дожидаться пришлось не долго, черезъ нѣсколько минутъ двери отворились и пять женщинъ показались на порогѣ. Въ первый разъ съ самаго основанія Версали подобныя странныя фигуры появлялись въ этой комнатѣ. Пять парижанокъ, пять уличныхъ женщинъ, растрепанныхъ, въ безпорядочной одеждѣ, загрязненныхъ и насквозь промоченныхъ дождемъ, стояли на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ остановиться представлялось недостижимой мечтою для сотенъ и тысячъ блестящихъ придворныхъ. Среди этихъ женщинъ была одна только некрасивая и пожилая—остальныя обращали на себя вниманіе своей молодостью и даже красотою. Но теперь эти молодыя красивыя лица потеряли всю свою привлекательность, ихъ черты были искажены волненіемъ, почти бѣшенствомъ и большой усталостью.

Войдя въ великолѣпную, сверкающую роскошью королевскую опочивальню и увидя передъ собою тучную, добродушную фигуру короля, которая была хорошо извѣстна каждому парижанину и каждой парижанкѣ, женщины остановились какъ вкопанныя. Всѣ онѣ еще сейчасъ, проходя по корридорамъ Версальскаго замка, хорохорились и кричали, онѣ гото-

вились «потолковать съ королемъ по своему», а тутъ вдругъ почувствовали, что языкъ не слушается, зубы стучатъ, только ужь не отъ холода, колѣни такъ и подгибаются.

Министры стояли молча и печально глядѣли на эту странную сцену, они видимо страдали за короля; но самъ король вовсе не страдалъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и обращаясь къ женщинамъ ласково спросилъ ихъ:

— Чего вамъ нужно, мои милыя, чѣмъ я могу помочь вамъ?

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Эти женщины, самыя бойкія изъ уличныхъ женщинъ Парижа, извѣстныя, уже прославившіяся крикуньи и зачинщицы всякихъ безпорядковъ, несмущавшіяся ни передъ чѣмъ, на всякій крикъ, на всякую брань отвѣчавшія удесятереннымъ крикомъ и бранью, теперь, при добродушномъ вопросѣ короля— молчали... А вѣдь онѣ еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ грозили этому королю, издѣвались...

— Что же вы молчите? повторилъ Людовикъ еще ласковѣе, еще спокойнѣе,—пожалуйста не бойтесь, говорите откровенно, если я могу помочь вамъ—я сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ...

Женщины все молчали, онѣ переминались съ ноги на ногу, не зная куда дѣвать руки. Лица ихъ горѣли краской стыда и смущенія, глаза у всѣхъ были опущены: онѣ не смѣли взглянуть на короля.

Наконецъ одна изъ нихъ выступила впередъ. Это была еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, красивая, свѣжая, задорная — ея имя

было Магдалина Шабри, но всѣ ее почему то звали „Louison“.

Она занималась продажей букетовъ въ Пале-Роялѣ и уже научилась продавать вмѣстѣ съ этими букетами и свои улыбки, свои ласки.

Louison пользовалась большой извѣстностью между постоянными посѣтителями Пале-Рояля. Она была такъ молода, такъ красива и въ то же время такъ весела, остроумна; у нея всегда готова была смѣлая шутка, ея звонкій смѣхъ звучалъ такъ зажигательно...

Съ самаго дѣтства привыкнувъ къ безпорядочной, уличной жизни, она не знала что такое значитъ стыдъ и смущеніе, она никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась, жила день за днемъ, стараясь только какъ можно больше веселиться. Въ дѣтствѣ она прошла тяжелую школу нищеты, выносила не мало колотушекъ отъ какой-то старой тетки, въ конурѣ которой жила исполняя самую черную работу.

Не разъ, голодная и холодная, она ночевала на парижскихъ улицахъ. Она рано была продана отвратительной пьяной теткой и теперь даже не помнила, какимъ образомъ это случилось. Она никогда не слыхала ни о грѣхѣ, ни о Богѣ...

Грязь, нищета, голодъ, холодъ и развратъ съ дѣтства—рано подкосили и убили многихъ подобныхъ ей жалкихъ созданій, съ которыми она встрѣчалась среди уличной жизни, но Louison обладала выносливой, могучей натурой. Не смотря на всѣ ужасы своего дѣтства и отрочества, она выросла и развилась въ сильную и красивую женщину и теперь, въ

два-три послѣдніе года, совсѣмъ позабыла о своемъ бѣдственномъ дѣтствѣ...

Она считала себя счастливой: жилось привольно, за нею гонялась толпа мужчинъ, охотно исполнявшихъ ея незатѣйливыя прихоти—большаго ей было не нужно. Она никого не любила, она составила себѣ о всѣхъ людяхъ самое дурное мнѣніе. Съ тѣхъ поръ какъ начались безпорядки и волненія на парижскихъ улицахъ, она нашла для себя подходящую арену, ей нравился шумъ, крики угрозы и проклятія.

Всѣ эти роскошныя дамы, эти гордые франты, которымъ теперь можно грозить, которыхъ можно проклинать не стѣсняясь, — развѣ онѣ заслуживаютъ чего нибудь другаго, развѣ они всю жизнь не обрызгивали ее грязью, мчась мимо нея въ своихъ блестящихъ экипажахъ?!. Развѣ, покачиваясь на эластичныхъ, атласныхъ подушкахъ, они не глядѣли на нее съ презрѣніемъ, на нее—несчастную, оборванную, голодную дѣвочку?! а чѣмъ же она хуже ихъ, этихъ нарядныхъ дамъ? Она красивѣе, гораздо красивѣе многихъ изъ нихъ! Еслибы ее чему нибудь учили, она конечно была бы ихъ умнѣе... Ну, и вотъ она сама имѣетъ право презирать ихъ и грозить имъ.

Louison выступила впередъ, гордо подняла голову и впилась въ короля блестящими, вызывающими глазами.

«Король! подумала она,—но что же такое, что король?! вотъ онъ спитъ на золотѣ, а я спала на грязныхъ каменьяхъ.. пускай же онъ мнѣ теперь отвѣ-

титъ!! только зачѣмъ онъ такъ глядитъ, что становится неловко?!»...

Но она поборола эту неловкость.

— Въ Парижѣ хлѣба нѣтъ, вотъ что! почти закричала она своимъ звонкимъ голосомъ, — бѣдные люди скоро умирать будутъ съ голода,—много дѣтей уже и умерло... Дайте намъ хлѣба, дайте намъ хлѣба!! повторяла она почти задыхаясь отъ внезапнаго прилива бѣшенства.

Король сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, тихо положилъ ей на плечо свою нѣжную руку и, глубоко вздохнувъ, проговорилъ.

— Боже мой, неужели это правда?! я никакъ не предполагалъ... благодарю васъ, что вы пришли мнѣ сказать объ этомъ... Но вы должны знать мое сердце... Я немедленно же прикажу собрать и доставить въ Парижъ весь хлѣбъ, который можно получить.

Король замолчалъ, на глазахъ его показались слезы. Онъ продолжалъ держать руку на плечѣ Louison и вдругъ почувствовалъ, что Louison начинаетъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Эта красивая, смѣлая дѣвушка, говорившая съ нимъ такъ рѣзко, глядѣвшая на него такимъ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ—и теперь смотрѣла на него не отрываясь. Но въ одно мгновеніе все лицо ея преобразилось, ея раскраснѣвшіяся щеки вдругъ поблѣднѣли, что-то жалкое, дѣтское, изумленное, страшно изумленное мелькнуло въ глазахъ ея и вдругъ она слабо вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ.

Остальныя женщины кинулись къ ней, но никакъ не могли привести ее въ чувство. Король поспѣшилъ

къ своему туалетному столу, схватилъ флаконъ съ англійской солью, самъ склонился надъ бечувственной дѣвушкой.

— Вина, скорѣе вина! приказывалъ онъ въ волненіи.

Черезъ нѣсколько минутъ, съ помощью англійской соли и глотка вика, Louison пришла въ себя. Ее подняли, она дико озиралась по сторонамъ и, увидя короля горько зарыдала.

Людовикъ поднялъ ея голову и нѣжно поцѣловалъ ее.

Но эта новая доброта, эта новая ласка короля заставили еще обильнѣе литься ея слезы. Она упала передъ королемъ на колѣни, ловила и цѣловала его руку. Остальныя женщины послѣдовали ея примѣру.

— Встаньте, успокойтесь, говорилъ Людовикъ, пойдите и скажите всѣмъ пришедшимъ съ вами изъ Парижа, что я немедленно-же распоряжусь и что хлѣбъ у васъ будетъ.

Женщины вышли изъ королевской спальни съ громкими криками:

«Да здравствуетъ король!!»

И этотъ крикъ слышался еще долго.

Когда ихъ вывели изъ замка на площадь, ихъ обступили со всѣхъ сторонъ.

— Ну что, что вы ему говорили, какъ онъ отвѣчалъ вамъ??

— Мы получили все, чег о желали,крикнула Louison.

— Да, да, это правда! подтвердили ея подруги,— король обѣщалъ доставить въ Парижъ хлѣбъ, сколько только можно будетъ достать и теперь мы дол-

жны вернуться во свояси! Намъ незачѣмъ тутъ мерзнуть!..

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе: толпа присмирѣла, всѣ были изумлены. Вѣдь это совсѣмъ не то, чего ожидали, это совсѣмъ не то, чего нужно!

Но вдругъ раздались десятки голосовъ, перебивая другъ друга:

— Онѣ передались, дворъ купилъ ихъ! каждая изъ нихъ получила по двадцати пяти луидоровъ!.. повѣсимъ этихъ негодницъ!.. на фонари!.. на фонари!..

Разъяренная толпа кинулась на Louison и ея подругъ, стала бить ихъ и, несмотря на ихъ раздирающіе крики, не оставляла до тѣхъ поръ, пока солдаты не отняли несчастныхъ женщинъ и не скрыли за собою.

Вся площадь волновалась и кричала. Барабаны забили тревогу—и между толкающейся, остервенѣвшей толпою показались мундиры національной версальской гвардіи.

IX.

Мрачный вечеръ.

Неступили ненастныя, осеннія сумерки, а за ними начала надвигаться и ночь — темная, сѣрая и холодная.

Безпорядки и шумъ на улицахъ Версали и на площади d'Armes не прекращались. Послѣднія опасенія бунтующей толпы исчезли, теперь ужь нечего бояться военныхъ дѣйствій — національная версальская гвардія совсѣмъ передалась на сторону черни, Фландрскій полкъ побѣжденъ женщинами. Толпа кричитъ, бранится, угрожаетъ всѣмъ и больше всего королевѣ... На площади разводятъ костры и начинаютъ жарить убитую лошадь.

Въ городѣ наглухо закрыты всѣ лавки, за исключеніемъ булочныхъ и кабаковъ; жители заперлись по домамъ и притаились въ темнотѣ, не смѣя за-

жечь огня, не смѣя выказать малѣйшаго признака жизни. И такъ ужь въ запертыя двери каждаго дома стучатся пьяные, вооруженные палками и пиками, оборванцы и требуютъ ѣды и вина.

Національное собраніе по прежнему наполнено женщинами; онѣ притащили хлѣба, говядины, вина и ужинаютъ,—размѣстясь на скамьяхъ депутатовъ. Президента Мунье нѣту, онъ остался въ замкѣ, и его кресло занято епископомъ де-Ландръ. Тщетно епископъ хочетъ установить хоть какой-нибудь порядокъ, тщетно обращается къ непрошеннымъ посѣтительницамъ съ ласковой, спокойной рѣчью—его не слушаютъ, его кресло окружено согрѣвшимися, опьянѣвшими женщинами. Онѣ то и дѣло обнимаютъ епископа—и онъ долженъ выносить все это...

Въ королевскомъ замкѣ всѣ въ волненіи—не знаютъ чего ожидать, не знаютъ, придетъ-ли избавленіе, откуда и какимъ образомъ придетъ оно. Король и королева съ дѣтьми въ своихъ апартаментахъ. Но вѣдь мало ли что можетъ случиться, нужно подумать объ ихъ безопасности, нужно спасти королеву, во что-бы ни стало скрыть ее. Вѣдь именно противъ нея обращены всѣ угрозы черни, до нее добирается эта остервѣнившаяся толпа. Королева съ дѣтьми должна покинуть замокъ. Приказываютъ скорѣе все готовить къ отъѣзду. Уже кареты выѣзжаютъ изъ королевскихъ конюшенъ и останавливаются у рѣшетки замка. Но это движеніе замѣчено пикетами національной гвардіи; солдаты окружаютъ экипажи и требуютъ, чтобы кучера немедленно же вернулись въ конюшни и отложили лошадей.

Фландрскій полкъ покидаетъ площадь d'Armes, за

нимъ отправляется и королевская стража въ свои казармы. Такимъ образомъ замокъ охраняется только небольшимъ отрядомъ.

Роскошныя анфилады залъ и галлерей освѣщены кой гдѣ наскоро зажженными кенкетами и лампами. И въ этомъ полумракѣ какъ призраки мелькаютъ фигуры царедворцевъ, придворныхъ женщинъ. Число ихъ не особенно велико, многіе скрылись изъ замка по своимъ домамъ, другіе подъ шумокъ успѣли уѣхать въ Парижъ окольными путями.

По крайней мѣрѣ въ замкѣ теперь остались надежные люди, вѣрные слуги и друзья королевскаго семейства, готовые защищать короля и королеву до послѣдней капли крови, погибнуть вмѣстѣ съ ними. Да, погибнуть, потому что многимъ невольно приходитъ мысль о гибели.

Въ числѣ этихъ лицъ находятся и герцогиня д'Ориньи и Сергѣй Горбатовъ.

Герцогиня, возвратившись съ Маріей Антуанетой изъ Малаго Тріанона, оставила ее только тогда, когда королева пожелала быть наединѣ съ своимъ семействомъ. Но конечно герцогиня и не думала о томъ, чтобы покинуть замокъ.

Ея мужа не было въ Версали, онъ уже нѣсколько дней какъ отправился въ одно изъ своихъ помѣстій; но конечно о мужѣ она не думала ни минуты. Она только знала одно, выходя изъ апартаментовъ королевы, что здѣсь, въ какой нибудь галлереѣ, въ какой нибудь залѣ, ее навѣрно дожидается Сергѣй. Онъ не покинетъ ее теперь ни на минуту!

И она не ошиблась, Сергѣй поджидалъ ее. Вѣдь онъ являлся ея естественнымъ защитникомъ въ этотъ

тревожный вечеръ, вѣдь онъ для нея, для нея одной спѣшилъ изъ Парижа. Но теперь къ мысли о Мари, объ ея безопасности, присоединились и другія мысли: онъ не ради ея одной оставался въ Версальскомъ замкѣ, онъ здѣсь потому, что королевскому семейству грозитъ опасность, потому что чувствуетъ, что его настоящее мѣсто среди защитниковъ и вѣрныхъ слугъ Людовика и Маріи-Антуанеты. Увлечь за собою Мари—его дорогое сокровище и скрыться съ нею—вѣдь это возможно. Она не станетъ сопротивляться, она послѣдуетъ за нимъ при первомъ его словѣ, онъ это чувствуетъ — иначе и быть не можетъ.

Ему даже ясно представляется, какъ легко незамѣтнымъ образомъ имъ выйти изъ замка, добраться до дому, въ которомъ онъ помѣщался въ Версали и оттуда, при помощи Моськи, уѣхать въ Парижъ. Но онъ и минуты не думалъ объ исполненіи этого плана. Моська по дорогѣ въ Версаль говорилъ ему:

— Голубчикъ ты мой, Сергѣй Борисычъ, ради Создателя не лѣзь ты въ этотъ омутъ! Ну извѣсти тамъ кого слѣдуетъ о бунтѣ, да и скорѣе обратно, чего намъ въ чужую бѣду мѣшаться — въ чужомъ пиру похмѣлье, самъ знаешь, горько...

И Сергѣй почти соглашался тогда съ Моськой, помышлялъ только о спасеніи Мари, объ избавленіи ея отъ опасности. Но теперь онъ далекъ отъ подобныхъ мыслей, онъ здѣсь и не выйдетъ отсюда пока не окончится эта томительная неизвѣстность, пока все не разъяснится. Это ужь не чужой для него пиръ, его охватываетъ общая тревога, общее страданіе.

Въ полумракѣ огромной, великолѣпной „зеркальной галлереи“, этого чуда роскоши и величія, бродитъ Сергѣй. Здѣсь, въ этой самой галлереѣ, среди нарядной, блестящей толпы, онъ въ первый разъ увидѣлъ свою герцогиню. Это было такъ недавно, а между тѣмъ, ему кажется, что цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ какъ это было. Тогда она представлялась ему чуднымъ, недосягаемымъ видѣніемъ— теперь она—его собственность, его счастіе, его мука...

И вотъ она передъ нимъ, она сейчасъ же нашла его, какой-то инстинктъ привелъ ее именно въ эту галлерею. Она оперлась на его руку, почти совсѣмъ склонила на его плечо усталую голову и они медленно пошли вдоль пустынной галлереи. Надъ ними во мракѣ терялись высокіе своды потолка, поддерживаемые величественными каріатидами, расписанные прекрасными картинами. Безчисленныя зеркала отражали ихъ блѣдныя тѣни. Ихъ легкій шагъ гулко отдавался, пробуждая вечернюю тишину безконечной галлереи.

Мари была утомлена, измучена. На ея живомъ, подвижномъ, но теперь блѣдномъ и будто застывшемъ лицѣ выражалось страданіе. Губы были полуоткрыты, черные, горячіе глаза испуганно и въ тоже время страстно глядѣли въ глаза Сергѣя. Она прижималась къ нему своей трепещущей, глубоко дышавшей грудью и счастье любви наполняло его. Но не о своемъ счастьи говорили они въ эти минуты—они передавали другъ другу свои опасенія, сомнѣнія и надежды относительно того, чѣмъ разрѣшится этотъ ужасный день, что скажетъ завтрашнее утро.

Вотъ они вышли изъ «зеркальной галлереи» и сами не замѣтили какъ очутились въ другой, въ «галлереѣ статуй». Здѣсь было еще мрачнѣе, еще таинственнѣе. Изъ каждой ниши глядѣли на нихъ изваянія королей Франціи, и при блѣдномъ мерцаніи двухъ-трехъ лампъ Сергѣю казалось, что эти изваянія внезапно оживляются и глядятъ на нихъ, и простираютъ къ нимъ свои бѣлыя, мраморныя руки, будто прося и требуя отъ нихъ исполненія какого-то долга.

„Старые короли Франціи требуютъ отъ насъ охраны своего преемника!“ невольно подумалось Сергѣю и онъ самъ не замѣтилъ, какъ громко высказалъ эту мелькнувшую мысль свою.

— Да, это правда! прошептала герцогиня, — пойдемъ же скорѣе туда! что тамъ дѣлается?! нѣтъ ли новыхъ извѣстій?!

Они поспѣшили къ апартаментамъ королевы и смѣшались съ густою толпою придворныхъ и обитателей замка...

И вотъ между ними появилась королева. Только страшная блѣдность лица ея выказывала все волненіе, которое она испытывала; но голосъ ея былъ спокоенъ. Она говорила съ такимъ достоинствомъ, съ такой, повидимому, самоувѣренностью, она всѣхъ успокоивала, всѣхъ старалась ободрить своимъ примѣромъ.

И въ тоже время до ея слуха, какъ и до слуха всѣхъ присутствовавшихъ, доносился глухой, далекій ревъ толпы, окружавшей замокъ.

— Вотъ уже полночь, говорила Марія Антуанета, — а еще въ десять часовъ получено извѣстіе отъ

маркиза Ла-Файета, что онъ спѣшитъ въ Версаль во главѣ Парижской національной гвардіи. Онъ проситъ насъ успокоиться и на него положиться. Если онъ еще не въ Версали, то будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ...

Но при этихъ словахъ королевы почти всѣ невольно подавляютъ въ себѣ вздохъ Положиться на Ла-Файета—да, конечно, онъ умѣетъ обращаться съ толпою; но еще неизвѣстно, на чью сторону онъ станетъ — этотъ любимый герой Америки и Франціи?! Вѣдь нѣтъ предѣловъ его честолюбію, его жаждѣ популярности. А развѣ на подобнаго человѣка можно положиться въ такія минуты!?.

— Маркизъ Ла-Файетъ въ Версали! около двадцати тысячъ національной гвардіи, которою онъ предводительствуетъ, на площади d'Armes! объявляетъ, появляясь у дверей офицеръ королевской стражи.

-— Ваше величество! возглашаетъ быстро, входя, другой офицеръ, — маркизъ Ла-Файетъ въ замкѣ и проситъ позволенія говорить съ вашимъ величествомъ!

— Скажите маркизу, что мы ждемъ его, спокойно отвѣчаетъ король Людовикъ.

На порогѣ показывается всѣмъ извѣстная фигура знаменитаго генерала. Онъ весь въ грязи, усталый, но энергичныя черты лица его выражаютъ бодрость духа, глаза сверкаютъ.

Толпа разступается передъ нимъ и онъ твердой походкой приближается къ королю. Но въ это время кто-то изъ придворныхъ невольно вскрикиваетъ.

— Вотъ Кромвель!

Генералъ останавливается, обертывается по направленію раздавшагося голоса.

— Милостивый государь, произноситъ онъ,—Кромвель не вошелъ-бы одинъ и безоружный!

И онъ идетъ дальше.

На него обращены всѣ взгляды, всѣ замерли, боятся вздохнуть: кто-же онъ въ самомъ дѣлѣ?—врагъ или избавитель?!..

Ла-Файетъ почтительно склоняется передъ королемъ и королевой.

— Государь, говоритъ онъ—и грусть, и глубокое уваженіе къ королю слышатся въ его голосѣ;—государь, я принесъ вамъ мою голову, чтобы спасти голову вашего величества!..

Это громкая фраза, одна изъ тѣхъ фразъ, къ которымъ иногда любилъ прибѣгать блестящій герой борьбы за свободу. Но на этотъ разъ онъ такъ искренно и горячо произноситъ свою фразу, что почти всѣчувствуютъ нѣкоторое облегченіе.

Король протягиваетъ ему руку.

— Государь, продолжаетъ Ла-Файетъ,—я ручаюсь вамъ за чувства національной гвардіи.

— Я вамъ вѣрю, маркизъ, и благодарю васъ! произноситъ король.

На этотъ разъ Ла-Файету вѣритъ и королева. Она забываетъ всѣ сомнѣнія, которыя давно уже легли между нею и славолюбивымъ героемъ. Да что-же ей и дѣлать, какъ не вѣрить?!—вѣдь эта вѣра—единственное, что ей осталось. Она вѣритъ не для себя, не за себя боится, о себѣ она забыла—она вѣритъ ради своего мужа, ради дѣтей своихъ.

Ла-Файетъ предлагаетъ, чтобы внутренніе посты во дворцѣ были заняты королевской стражей, а на-

ружные были поручены національной гвардіи. Король соглашается на это.

— Въ такомъ случаѣ, говоритъ Ла-Файетъ,—я беру на себя наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы этотъ приказъ вашего величества былъ въ точности исполненъ. Я обойду всѣ посты и затѣмъ успокою національное собраніе... Успокойтесь и вы, ваше величество, обращается онъ къ королевѣ,—я головой ручаюсь вамъ что порядокъ не будетъ нарушенъ. Завтра утромъ толпы разойдутся, спокойствіе возстановится...

И откланявшись королю и королевѣ Ла-Файетъ спѣшитъ къ выходу изъ замка...

Онъ говорилъ искренно, онъ успѣлъ всѣхъ успокоить; но это врядъ-ли бы удалось ему, еслибы онъ разсказалъ откровенно, какимъ образомъ появился въ Версали во главѣ двадцати тысячъ національной гвардіи. Не онъ велъ свое войско— оно вело его противъ воли. Когда онъ отказался идти въ Версаль, солдаты кричали:

— Если маркизъ Ла-Файетъ не хочетъ идти съ нами — мы передадимъ начальство какому-нибудь старому гренадеру!» Другіе уже прямо къ нему обращаясь, говорили:

— Генералъ! мы не считаемъ васъ измѣнникомъ, но мы думаемъ, что правительство насъ обманываетъ... Мы пойдемъ въ Версаль чтобы выгнать королевскую стражу и Фландрскій полкъ, которые отказываются носить національную кокарду... Если для короля Франція слишкомъ тяжела его корона—пусть онъ ее сниметъ—мы надѣнемъ ее на его сына и все пойдетъ какъ нельзя лучше!..

Тщетно Ла-Файетъ употреблялъ всю силу своего

краснорѣчія, которое такъ часто помогало ему дѣйствовать на толпу. На этотъ разъ толпа была сильнѣе его и увлекла его за собою.

И вотъ—онъ обѣщалъ королю и королевѣ спокойствіе, онъ поручился головою, что все приведетъ въ порядокъ! Но въ силахъ-ли онъ будетъ это исполнить? Онъ надѣется, онъ снова увѣренъ въ себѣ—а между тѣмъ чувствуетъ какъ страшно утомленъ волненіемъ и усталостью этаго тяжелаго дня. Его ноги едва слушаются, въ головѣ туманъ... Уснуть-бы! одинъ часъ крѣпкаго сна снова оживилъ-бы его!... но развѣ возможно теперь думать о снѣ?!—нужно дѣйствовать...

X.

Во тьмѣ.

Мало по малу тишина начинала водворяться въ Версали. Сказывалось всеобщее утомленіе. Ночной холодъ, неперестававшій дождь, заставляли всѣхъ искать убѣжища, какого нибудь крова, гдѣ бы можно было хоть немного отдохнуть, согрѣться.

Солдаты національной парижской гвардіи размѣстились въ казармахъ, въ церквахъ и въ частныхъ домахъ, куда впускали ихъ съ большимъ страхомъ, а не впускать не смѣли именно вслѣдствіе этаго страха. Парижская чернь, всѣ эти женщины и мужчины, вооруженные пиками и дубинами, пріютились на скамьяхъ національнаго собранія и въ кабакахъ. Кто же не могъ найти себѣ нигдѣ мѣста— а такихъ было очень много—тѣ такъ и остались на площади d'Armes, валяясь въ грязи и согрѣваясь у костровъ.

Ла-Файетъ распоряжался и обходилъ посты, но онъ уже чувствовалъ, что не можетъ больше бороться съ одолѣвавшей его усталостью. Онъ хотѣлъ убѣдить себя, и это ему скоро удалось, что теперь все успокоилось, опасности, по крайней мѣрѣ до утра, не предвидится. Онъ рѣшилъ еще разъ обойти замокъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ отправиться въ улицу de-la-Pompe и тамъ немного отдохнуть у родныхъ своей жены, графовъ Ноайль, въ ихъ отелѣ.

Королева отпустила своихъ приближенныхъ, простилась съ королемъ и удалилась въ спальню. Король тоже рѣшился заснуть. Придворные, жившіе въ самомъ замкѣ, мало по малу разошлись по своимъ помѣщеніямъ. Герцогиня д'Орнъи, утомленная какъ и всѣ и чувствовавшая большую слабость, просила Сергѣя проводить ее въ комнату, въ которой она иногда ночевала, оставаясь въ замкѣ. Она едва дошла и въ изнеможеніи опустилась на кушетку.

— Ахъ, какой день! проговорила она слабымъ голосомъ.

Сергѣй опустился передъ нею на колѣни и цѣловалъ ея руки.

— Усни, моя дорогая! шепталъ онъ, ты слишкомъ потрясена, но сонъ освѣжитъ тебя... усни спокойно...

— Боюсь что не засну, гдѣ ужь спать, развѣ мы знаемъ что тамъ дѣлается, развѣ можно положиться на слова Ла-Файета? Мнѣ даже странно что всѣ вдругъ такъ успокоились, я убѣждена что опасность нисколько не миновала и она даже еще страшнѣе въ этой темнотѣ, въ этомъ мракѣ... страшнѣе, потому что ея не видно...

— Ради Бога не мучь себя такими мыслями и постарайся заснуть, упрашивалъ ее Сергѣй, — я чувствую себя очень бодро и конечно спать не стану. Я сейчасъ отправлюсь, обойду весь замокъ, узнаю все и буду здѣсь, неподалеку отъ тебя, такъ что ты во всякомъ случаѣ знай, что я сторожу сонъ твой, что еслибы, не дай Богъ, случилось что-нибудь — я съ тобою...

Она благодарно сжала его руку, взглянула на него нѣжно и ласково... Но вотъ глаза ея сомкнулись и черезъ нѣсколько мгновеній она задремала...

Было уже около пяти часовъ ночи; тишина стояла невозмутимая, всюду потушили огни и только въ корридорахъ и на лѣстницахъ кой гдѣ горѣли лампы. Вездѣ было пусто, всѣ спали.

Выйдя изъ комнаты герцогини, пройдя длинный корридоръ и очутившись въ анфиладѣ парадныхъ гостиныхъ, Сергѣй надѣялся кого нибудь встрѣтить кто бы могъ разсказать ему о томъ что дѣлается. Но онъ проходилъ комнату за комнатой, едва различая въ темнотѣ предметы—и никого не встрѣтилъ. Наконецъ онъ совершенно запутался и не могъ ясно представить себѣ гдѣ находится. Онъ пошелъ снова назадъ, вышелъ опять въ корридоръ и сообразилъ, что ему легко будетъ пробраться къ такъ называемой „мраморной лѣстницѣ“, которая вела съ одной стороны въ комнаты королевы, а съ другой въ комнаты короля.

„Тамъ навѣрно есть люди и я что нибудь узнаю“ подумалъ онъ.

Дѣйствительно „мраморная лѣстница“ была освѣщена. На верхней ея площадкѣ онъ замѣтилъ двухъ

людей — это были офицеры Швейцарской сотни. Сергѣй уже зналъ что Швейцарская сотня была единственная стража короля, на вѣрность которой и храбрость всегда можно было расчитывать. Но зачѣмъ же ихъ такъ мало? Конечно, если наружные входы и дворъ хорошо защищены, тогда трудно сюда проникнуть; но все же двухъ караульныхъ недостаточно. Видно Ла-Файетъ ужь очень увѣренъ въ полномъ спокойствіи...

Сергѣй поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ знакомыя лица, онъ давно обратилъ вниманіе на этихъ офицеровъ, а съ однимъ изъ нихъ, который ему особенно нравился, даже не разъ бесѣдовалъ. Это былъ молодой человѣкъ его лѣтъ, красивый, сильнаго сложенія, съ открытымъ, мужественнымъ, лицомъ и ясными свѣтлыми глазами—его звали Міомандръ де Сентъ-Мари. Имя другого было Варикуръ.

Офицеры съ изумленіемъ на него глядѣли, но узнавъ его, любезно поклонились ему.

— Вы давно занимаете этотъ постъ? спросилъ ихъ Сергѣй.

— Больше часу, отвѣчалъ Міомандръ.

— Въ такомъ случаѣ вы можете сообщить мнѣ о распоряженіяхъ генерала Ла-Файета—достаточно-ли защищенъ дворецъ?

Міомандръ усмѣхнулся.

— По настоящему, стоя на часахъ, мы не имѣемъ права совсѣмъ даже говорить, мы должны попросить васъ удалиться отсюда... но сегодня особенный день и особенные законы, только пожалуйста говорите тише. Знаете-ли, князь (Сергѣя всѣ называли княземъ, никакимъ образомъ не понимая чтобы молодой

русскій вельможа могъ не имѣть этого титула) знаете ли, князь, что вотъ мы съ товарищемъ совсѣмъ неспокойны. Мало ли что генералъ Ла-Файетъ наобѣщалъ! врядъ-ли эта ночь благополучно окончится... А насчетъ защиты замка — такъ лучше и не говорить—какая это защита?! Какъ шли мы сюда, такъ видѣли: у „двора министровъ“ поставлено двое солдатъ національной гвардіи — и только. Куда дѣвалась вся стража—солдаты и офицеры—ничего не знаемъ. Тутъ вотъ, за этой дверью, въ первой пріемной королевы, два человѣка нашихъ товарищей — это мы знаемъ... и вотъ какъ защищенъ замокъ... Черезъ часъ насъ должны смѣнить, тогда нужно будетъ найти всѣхъ нашихъ и привести сюда...

— Да, ужь ночь—нечего сказать! зѣвая проговорилъ другой швейцарецъ, Варикуръ. Пусть король на Господа Бога надѣется, а на людей надежда плохая. Вѣдь весь день сегодня всѣ какъ сумасшедшіе, а этотъ генералъ безумнѣе всѣхъ! Гдѣ-же это видано—съ утра бунтовщики окружаютъ королевскій замокъ, кричатъ, бранятся, издѣваются — а передъ ними и пикнуть никто не смѣетъ!? Вотъ, еще до того, какъ эти глупыя женщины къ королю приходили, мы просили чтобы намъ было разрѣшено разогнать толпу съ площади d'Armes... Повѣрьте, тогда стоило бы только сдѣлать нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ — и всѣ эти крикуньи показали бы пятки. Вѣдь все дѣло въ томъ чтобы захватить въ началѣ, а это что же такое? эти негодяйки увидѣли что ихъ боятся и теперь конечно всего ожидать можно... Но что это, что?—слышите?!

Сергѣй прислушался — и у него замерло сердце.

Со двора и не очень далеко, раздался пронзительный крикъ многихъ голосовъ.

— Гдѣ это, вѣдь это кажется близко, неужели съ площади такъ слышно?!

— Нѣтъ, это не съ площади, это ужь во дворѣ, мрачно произнесъ Міомандръ,—вотъ и спокойствіе, обѣщанное Ла-Файетомъ!.. и гдѣ же онъ самъ?..

Сергѣй бросился внизъ по мраморной лѣстницѣ. Крики раздавались все ближе и ближе.

Что же это такое, что же это случилось? Случилось то, чего можно было предвидѣть. Неужели эта разнузданная, уличная толпа, пришедшая изъ Парижа, могла воротиться обратно, не достигнувъ своей цѣли; неужели это могли допустить тѣ, которые ее подстрекали?! Вѣдь цѣлый день былъ употребленъ на то, чтобы обезоружить Версаль, сдѣлать его беззащитнымъ, безпомощнымъ. Не даромъ красивыя женщины раздавали солдатамъ золото и сулили имъ всякія блага въ Пале-Роялѣ! Къ серединѣ ночи всѣ поддались усталости, притихли и задремали. Эта тишина обманула Ла-Файета, обманула королевское семейство и нѣкоторыхъ придворныхъ,—всѣ заснули, заснулъ и Ла-Файетъ. Но подстрекатели не спали—они во́ время разбудили мужчинъ и женщинъ, дремавшихъ въ національномъ собраніи; во́ время растолкали толпу, пріютившуюся бивуакомъ на площади d'Armes.

Въ сумракѣ медленно приближавшагося осенняго разсвѣта, передъ дворцомъ снова закопошилась многочисленная толпа; женщины и вооруженные дубинами, пиками и топорами, мужчины ворвались въ первый дворъ замка. Этотъ дворъ охранялся только

двумя солдатами національной гвардіи. Что они могли сдѣлать? да еще вопросъ—стали ли бы они противиться если-бы и могли. Они молча впустили толпу и смѣшались съ нею...

Скоро весь дворъ, такъ называемый „дворъ министровъ“ былъ занятъ, ворота во „дворъ принцевъ“ отворены. Толпа бросается въ эти ворота и проникаетъ въ паркъ черезъ небольшую дверь у „лѣстницы принцевъ“.

Мало по малу королевскій замокъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ, подъ окнами королевы слышатся голоса.

Страшно утомленная и измученная Марія Антуанета крѣпко было заснула, но крики и брань ее будятъ, она прислушивается, звонитъ свою дежурную даму и спрашиваетъ ее, что значитъ этотъ шумъ? та отвѣчаетъ что это вѣроятно парижскія женщины, не нашедшія себѣ нигдѣ ночлега, собрались на терасѣ.

Ея спокойный голосъ дѣйствуетъ на королеву. Еслибъ ей сказали теперь: „вставайте, пришла опасность, толпа уже проникла въ паркъ, значитъ она была пропущена стражей, значитъ замокъ плохо охраняется“ — она отогнала бы свой тяжелый сонъ, побѣдила усталость, она очнулась бы и поняла свое положеніе. Но ей отвѣтили спокойнымъ голосомъ и она не вслушалась въ слова, ея голова снова безсильно опустилась на подушку и она опять крѣпко заснула.

А между тѣмъ опасность все ближе и ближе. Вотъ уже толпа передъ колоннадой, отдѣляющей „дворъ принцевъ“ отъ „королевскаго двора“. Этотъ

проходъ защищаютъ нѣсколько человѣкъ королевской стражи, но толпа напираетъ на нихъ, сбиваетъ ихъ съ ногъ. Одинъ изъ солдатъ прицѣливается, собираясь выстрѣлить, но въ ту же секунду онъ обезоруженъ десятками рукъ, его повалили, избили и тащатъ во „дворъ министровъ“. Огромнаго роста и звѣрскаго вида тряпичникъ Журданъ, который весь день кричалъ больше всѣхъ и разражался самыми отвратительными проклятіями, кидается къ этому полумертвому солдату, наступаетъ ему ногой на грудь и своимъ топоромъ смаху отрубаетъ ему голову.

Первая кровь пролита, толпа хмѣлѣетъ, кругомъ раздается неистовый ревъ, ревъ звѣря, почуявшаго запахъ крови Окровавленную голову несчастнаго вздѣваютъ на пику и торжественно выносятъ ее на площадь d'Armes, какъ первый трофей начавшейся побѣды .

Сергѣй еще не успѣлъ добѣжать до послѣднихъ ступеней лѣстницы, какъ понялъ весь ужасъ положенія. Въ одно мгновеніе толпа наводнила „мраморный дворъ» а между этой толпою и лѣстницей оставалась только тонкая, рѣзная чугунная дверь. Дверь на крѣпкомъ запорѣ; но вотъ уже сотни могучихъ рукъ ее расшатываютъ,— еще минута, другая—и она слетитъ съ петель.

— Здѣсь она, здѣсь Австріячка! . спитъ! такъ мы ее разбудимъ!! раздаются дикіе голоса.

И это уже не пустыя угрозы.

Сергѣй остановился на мгновеніе, схватился за голову и бросился назадъ, вверхъ по лѣстницѣ.

„Можетъ быть она не знаетъ, можетъ еще ми-

нута—и спасеніе будетъ невозможно! вѣдь всѣ угрозы противъ нея направлены, вѣдь они знаютъ, гдѣ искать ее .. Тутъ, сейчасъ, за три комнатѣ ея спальня!“ быстро, быстро мелькало въ головѣ Сергѣя.

Нужно спасти ее, нужно вывести ее изъ спальни, вѣрные швейцарцы хоть на нѣсколько минутъ задержатъ толпу .. А потомъ онъ побѣжитъ къ герцогинѣ.

Онъ вспоминалъ ясно, отчетливо, живо, въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ выходы, всѣ пути къ спасенію. Но не успѣлъ онъ добѣжать и до половины лѣстницы, какъ за нимъ чугунная дверь съ громомъ рухнула и съ крикомъ торжества и дикой радости толпа ворвалась, настигая его. И вотъ онъ уже окруженъ грязными оборванцами, онъ со всѣхъ сторонъ слышитъ вокругъ себя жаркое дыханіе. Страшный, гигантскій звѣрь наваливается на него... Вотъ уже нѣсколько человѣкъ его опередило...

Кровь бросилась ему въ голову, въ ушахъ звенитъ, какой-то туманъ растилается передъ глазами... Онъ оступился, онъ чувствуетъ ударъ въ спину, но снова поднялся и опять бѣжитъ, изо всѣхъ силъ стараясь опередить страшнаго звѣря...

Передъ нимъ красивая, мужественная фигура молодаго Міомандра. Міомандръ говоритъ, обращаясь къ толпѣ:

— Друзья мои, вы любите вашего короля, такъ зачѣмъ же вы безпокоите его во дворцѣ и ночью, зачѣмъ не дадите ему отдохнуть?!.

Дикій ревъ раздался на слова и мгновенно передъ отуманившимися глазами Сергѣя что-то происходитъ. Міомандра уже нѣту, какая-то масса барах-

тается на ступеняхъ лѣстницы... Гигантскій звѣрь снова наступаетъ.

Но Сергѣй уже на верху, у дверей первой пріемной. Дверь на запорѣ и съ ужасомъ онъ понимаетъ что проникнуть въ эту дверь — значитъ пропустить за собою толпу. У этой двери только одинъ товарищъ Міомандра, Варикуръ. Онъ стоитъ съ блѣднымъ лицомъ, съ сверкающими глазами, готовый дорого продать свою жизнь. Сергѣй становится рядомъ съ нимъ, но вѣдь онъ безоруженъ...

Еще мигъ—куча людей у дверей, все перепуталось, смѣшалось. Лампа, задѣтая чьей-то пикой, слетѣла со стѣны, полилось горящее масло. На мгновеніе яркій свѣтъ его озарилъ разъяренныя, искаженныя лица. Потомъ вдругъ все потемнѣло, только слабый отблескъ занимающейся зари глянулъ въ широкія окна. Толпа, на нѣсколько времени остановленная паденіемъ лампы и тушившая горящее масло, снова стала напирать на дверь, раздался выстрѣлъ —это выстрѣлилъ Варикуръ. Онъ сдѣлалъ все что могъ, онъ предупредилъ своимъ выстрѣломъ находившихся въ аппартаментахъ королевы, а самъ въ ту же минуту упалъ передъ защищаемой имъ дверью, оглушенный десятками ударовъ, обливаясь кровью.

На Сергѣя не обращали вниманія. По его костюму его трудно было принять за однаго изъ защитниковъ замка, да и откуда бы онъ могъ взяться, этотъ безоружный защитникъ?.. къ тому же въ этомъ полусумракѣ трудно было разобраться...

Почти не помня себя Сергѣй кого-то ударилъ изо всей силы, потомъ кто-то вдругъ схватилъ его руку и такъ рванулъ что затрещали кости. Но внезап-

ная боль заставила его очнуться, вывела его изъ того тумана, который кружился въ головѣ его. Онъ понялъ, что королева теперь должна быть преду-преждена, а если она ничего не знаетъ, то во всякомъ случаѣ уже поздно; онъ понялъ что драться ему одному и безоружному безполезно—его сейчасъ же убьютъ и кого и что спасетъ онъ этой смертью?! Нужно опять спуститься съ лѣстницы и бѣжать черезъ корридоръ, знакомой дорогой, туда, гдѣ онъ покинулъ Мари... Вѣдь онъ обѣщалъ охранять ея сонъ... ее спасти онъ еще можетъ!..

XI.

6-е Октября.

Съ большимъ трудомъ пробрался Сергѣй внизъ по лѣстницѣ. Будь эта толпа нѣсколько спокойнѣе и будь больше свѣту—конечно на него скоро обратили бы вниманіе и ужь одно то показалось бы страннымъ что онъ бѣжитъ внизъ, назадъ, когда всѣ стремятся впередъ, къ дверямъ королевскихъ комнатъ.

Но толпа была въ сильнѣйшемъ возбужденіи, всѣ рвались выше и выше по лѣстницѣ, всѣ взгляды были устремлены на верхъ къ той двери, которая вотъ, вотъ должна распахнуться. Освирѣпѣвшіе разбойники наступали другъ на друга, толкались и безсмысленно расточали на право и на лѣво удары кулаками. На каждомъ шагу Сергѣя стискивали, отталкивали его и такимъ образомъ часто заставляли

останавливаться; онъ долженъ былъ завоевывать каждую ступеньку. Онъ пустилъ въ ходъ всю свою силу, но скоро увидѣлъ, что можетъ владѣть только правой рукой—лѣвая страшно болѣла, отекла и была почти парализована.

Наконецъ кой какъ онъ добрался до нижнихъ ступеней лѣстницы и проникъ въ корридоръ. Онъ вздохнулъ свободнѣе, увидѣвъ что здѣсь никого нѣту, что ворвавшіеся въ замокъ имѣли одну цѣль—„мраморную лѣстницу“ и искали одну королеву. Онъ бросился бѣгомъ по длинному коридору и задыхаясь отъ усталости и волненія, отворилъ дверь той комнаты, гдѣ оставилъ герцогиню.

Здѣсъ было уже достаточно свѣтло... Слава Богу! —онъ увидѣлъ Мари все на той же кушеткѣ, она очевидно и не просыпалась. Онъ приблизился къ ней, склонился надъ нею, разслышалъ ея ровное дыханіе. На мгновеніе онъ позабылъ все — и страшную минуту, которая привела его сюда, и съ каждой секундой усиливавшуюся боль въ рукѣ и во всѣхъ членахъ. Онъ глядѣлъ, очарованный, на милое лицо герцогини, на ея закрытые глаза, опушенные длинными черными рѣсницами и обведенные легкой тѣнью, на ея полуоткрытыя, влажныя губы, на которыхъ снова играла яркая краска; на маленькую черную мушку, которая въ послѣднее время ежедневно появлялась на этомъ миломъ, капризномъ лицѣ и своимъ условнымъ смысломъ говорила о постоянствѣ.

Сергѣй взялъ маленькую тонкую руку герцогини и сжалъ ее.

Мари открыла глаза широко, изумленно, ничего

еще не понимая, потомъ приподнялась, взглянула на Сергѣя и съ крикомъ къ нему кинулась.

— Serge! Ради Бога! что случилось? ты въ крови?!..

И она схватила его голову, а потомъ дрожащими руками отыскала свой платокъ и приложила къ его лбу —на платкѣ была кровь.

Сергѣй взглянулъ въ зеркало. Это пустое, это царапина, которую онъ и не замѣтилъ! Онъ поспѣшно сталъ передавать герцогинѣ все дѣло.

Она слушала его съ ужасомъ, отчаяніе изобразилось на лицѣ ея. Въ волненіи она схватила его лѣвую руку, онъ невольно вскрикнулъ отъ невыносимой боли. Она увидѣла что вся рука его посинѣла и какъ-то вывернута.

— Боже мой, да вѣдь ты вывихнулъ себѣ руку!

Онъ взглянулъ и только тутъ понялъ что его рука была дѣйствительно вывихнута и отъ этаго онъ не могъ согнуть ее. Герцогиня совсѣмъ растерялась, она уже не думала о томъ что бунтовщики въ замкѣ, о томъ что королева въ опасности и неизвѣстно что съ нею, она видѣла только эту вывихнутую руку.

— Боже мой, что теперь дѣлать, что теперь дѣлать?! отчаяно повторяла она.

— Помоги мнѣ, сказалъ Сергѣй, стискивая зубы отъ боли,—дай платокъ... крѣпче привяжи.. вотъ здѣсь, можетъ быть намъ удастся вправить... я видѣлъ... я помню какъ это дѣлается...

Мари мгновенно осушила слезы; на ея взволнованномъ лицѣ вдругъ появилось сосредоточенное, даже почти спокойное выраженіе и уже не дрожащими, а твердыми руками она искусно ста-

ла завязывать платокъ по указаніямъ Сергѣя. Откуда взялась у нея и сила и ловкость. Она дѣйствовала какъ опытный хирургъ и черезъ двѣ три минуты Сергѣю удалось съ ея помощью вправить локоть. Сильная боль продолжалась, но онъ уже чувствовалъ что рука на мѣстѣ.

— Благодарю тебя, моя дорогая! говорилъ онъ герцогинѣ, прижимая ее къ груди своей. — Теперь забудь объ этой несчастной рукѣ, тутъ нѣтъ ничего опаснаго... Рѣшай же что намъ дѣлать?!

Герцогиня стояла молча, собираясь съ мыслями.

— Ты самъ говоришь, наконецъ прошептала она, что если мы будемъ стараться проникнуть туда, то никого не спасемъ и только сами можемъ погибнуть. Бѣжать изъ замка теперь тоже опасно, да я и не хочу этаго... Я не тронусь съ мѣста, я не уйду отсюда—будемъ ждать...

— Постой, смотри сюда!.. вдругъ воскликнула она, подбѣгая къ окну.

Онъ послѣдовалъ за нею. Передъ ними былъ дворъ быстро наполнявшійся народомъ. Но это была уже не та безобразная толпа, которая рвалась по „мраморной лѣстницѣ“, это были солдаты національной парижской гвардіи. И впереди всѣхъ Сергѣй замѣтилъ высокую фигуру человѣка съ растрепанными, развѣвавшимися длинными волосами—знакомую ему фигуру маркиза Ла-Файета.

— А, вотъ и онъ наконецъ! проговорилъ Сергѣй,—вотъ и онъ со своими солдатами. Дай только Богъ чтобы не было уже поздно!..

— Только тутъ мы ничего не увидимъ, сказала Мари,—пойдемъ скорѣе... вотъ сейчасъ тутъ, напра-

во, по корридору есть комната, изъ которой видна терраса и окна королевы.., пойдемъ!..

И она выбѣжала изъ комнаты, увлекая за собою Сергѣя.

Черезъ минуту они были уже въ небольшой гостиной. Герцогиня приподняла шелковую занавѣску окна и указала Сергѣю.

Онъ увидѣлъ съ одной стороны въ сѣрой утренней мглѣ очертанія деревьевъ парка, бассейны и фонтаны, съ другой рядъ блестящихъ оконъ замка, внизу широкую терассу, заставленную огромными мраморными вазами съ цвѣтами, во второмъ этажѣ нѣсколько легкихъ балконовъ. На террасѣ и кругомъ подъ окнами волновалось море человѣческихъ головъ, раздавались оглушительные крики.

- Королева! подавайте намъ королеву! пусть она къ намъ выйдетъ, мы хотимъ ее видѣть... да, пусть-ка выйдетъ—мы встрѣтимъ ее какъ слѣдуетъ!!

Сергѣй и Мари прильнули къ стеклу.

— Вотъ, вотъ ея окна, а тотъ вотъ балконъ — спальня короля...

Они стали глядѣть не отрываясь, но окна были заперты, въ замкѣ съ этой стороны все повидимому было тихо.

И на эти запертыя окна пристально смотрѣли тысячи мужчинъ и женщинъ. Дикая злоба, ненависть изображались на этихъ грязныхъ, искаженныхъ, по большей части пьяныхъ, лицахъ. Оборванныя торговки, потаскушки, тряпичники, выгнанные лакеи, засучивая рукава, будто приготовляясь къ дракѣ, грозили кулаками. Охрипшіе голоса выкрикивали про-

клятія, угрозы... „Королеву, подавайте намъ королеву!“ ревѣла толпа.

И вдругъ стеклянная дверь одного изъ балконовъ отворилась.

„Боже мой, что же это будетъ?!“—Въ одинъ голосъ, съ замирающимъ сердцемъ, прошептали Сергѣй и Мари. Но больше они ничего не сказали и, прижавшись другъ къ другу, замерли въ ожиданіи, тревогѣ.

На балконѣ показался король. Онъ былъ не причесанъ, лицо его было блѣдно и грустно, но все-же никакого страха не выражалось въ этомъ лицѣ. Онъ облокотился на перила, остановилъ свои усталые глаза на толпѣ... онъ хотѣлъ говорить, но толпа не дала ему вымолвить слова:

— „Королеву, королеву, пусть выйдетъ королева!“

Всѣ бѣсновались, надъ головами мелькали пики, дубины, топоры. Король постоялъ еще нѣсколько мгновеній, но убѣдившись что его не будутъ слушать, что его присутствіе только еще больше разъяряетъ эту обезумѣвшую толпу, онъ слабо махнулъ рукою и скрылся за стеклянной дверью.

— „Королеву!“ изо всѣхъ силъ ревѣла толпа...

— Да вѣдь если она выйдетъ, она погибла, шепнула герцогиня,—эти звѣри...

Но она не договорила и въ ужасѣ всплеснула руками. На балконѣ передъ разъяренной толпою стояла Марія Антуанета, держа за руки дѣтей своихъ. Королева была въ утреннемъ бѣломъ пенюарѣ—спасаясь изъ своей спальни, куда уже врывались, ища ее, она не имѣла даже времени одѣться, — ея длинные блѣдно-пепельные волосы разсыпались по

плечамъ, въ лицѣ не было ни кровинки, ни признака жизни. Это прекрасное горделивое лицо представлялось мраморнымъ изваяніемъ, ни одна черта не дрогнула, все застыло, все превратилось въ камень, только глаза горѣли. И въ этихъ свѣтлыхъ, лучезарныхъ глазахъ, красотой которыхъ еще недавно восхищалась и гордилась Франція, выражалась теперь вся мука наболѣвшаго, разбитаго сердца, ужасъ, негодованіе, тоска и сознаніе невыносимаго, незаслуженнаго позора.

Королева только сжимала своими холодными руками руки дѣтей своихъ, силясь въ этомъ пожатіи почерпнуть для себя новыя силы. Дѣти прижимались къ ней, ея дочь, красавица дѣвочка, будущее подобіе матери, глядѣла на бунтующую толпу большими, изумленными, испуганными глазами, на которыхъ блестѣли слезы. Она уже понимала опасность, она уже многое понимала. Но маленькій дофинъ, котораго разбудили на разсвѣтѣ и принесли въ спальню короля, гдѣ собрались всѣ родные, гдѣ отецъ глядѣлъ такъ печально, гдѣ мать, полуодѣтая, растрепанная, въ отчаяніи ломала руки и плакала, совсѣмъ не понималъ что все это значитъ: зачѣмъ такъ много людей, зачѣмъ они такъ кричатъ и зачѣмъ вотъ теперь мать съ ними вышла на балконъ?

Маленькому дофину было холодно, сырая свѣжесть ранняго утра охватила его, а главное онъ былъ голоденъ. Онъ давно уже просилъ ѣсть, но на его слова не обращали вниманія и теперь его даже начинало тошнить отъ голода. Онъ схватилъ обѣими рученками руку матери и прижимаясь къ ней шепталъ:

— Мама, да право же я очень голоденъ, хоть бы кусочекъ хлѣба мнѣ дали?.. тутъ холодно... пойдемъ скорѣе назадъ и накорми меня!..

— Подожди, подожди, сейчасъ все это кончится! едва слышно вымолвила Марія Антуанета.

— Не надо дѣтей, прочь дѣтей! пусть королева выйдетъ къ намъ одна! вдругъ заревѣла толпа.

Королева скрылась за дверью и черезъ нѣсколько мгновеній появилась снова въ сопровожденіи Ла-Файета. Ея лицо было все также страшно блѣдно и неподвижно, глаза все также блестѣли; но теперь въ нихъ уже не выражалась душевная мука, теперь передъ бунтующей толпою стояла не измученная, оскорбленная женщина, не жена и мать, трепещущая за участь мужа и дѣтей — это была величественная королева, сознающая свои права, свою силу, свое признаніе. Она твердымъ шагомъ подошла къ рѣшеткѣ балкона и обвела толпу сверкающимъ взглядомъ.

Всѣ эти тысячи народа мгновенно затихли и не спускали съ нея глазъ затаивъ дыханіе; этотъ гигантскій тысячеголовый звѣрь чувствовалъ, что передъ нимъ не беззащитная женщина, на которую можно кинуться, которую можно растерзать, онъ чувствовалъ что передъ нимъ какое-то особенное существо, владѣющее высшей, непонятной силой.

Ла-Файетъ—старый любимецъ Парижа, идолъ и герой черни—подошелъ къ королевѣ, склонился передъ нею и почтительно поцѣловалъ у нея руку.

Неподвижная толпа дрогнула и разомъ, тысячами своихъ голосовъ, грянула:

— Да здравствуетъ королева!

Послышались рыданія женщинъ; многіе становились на колѣни.

И въ это же мгновеніе изъ-за деревьевъ парка выглянуло утреннее солнце. Яркіе лучи его озарили бѣлую, неподвижную фигуру королевы. Она стояла все такая же величественная и глядѣла все такимъ же могучимъ взглядомъ. Ни она, ни Ла-Файетъ не проронили ни слова, а между тѣмъ въ толпѣ, начинавшей мало по малу приходить въ себя, начинавшей снова волноваться, но не прежними чувствами, а восторгомъ, то тамъ, то здѣсь шелъ говоръ.

— Слышали что сказалъ Ла-Файетъ?! онъ обѣщаетъ что королева будетъ любить насъ какъ Христосъ любитъ церковь...

— Да, да, онъ сказалъ это, онъ обѣщалъ это отъ имени королевы!..

— Она святая—видите какое кругомъ нея сіяніе! говорили другіе.

Рыданія женщинъ раздавались все громче и громче.

— Да здравствуетъ королева! повторялось то тамъ, то здѣсь, подхватывалось толпою и стояло въ утреннемъ воздухѣ.

Обрывки ночныхъ тучъ быстро уносились, разгоняемые свѣжимъ вѣтромъ. Солнце сіяло, отливаясь и горя на мокрой травѣ, сверкая на зеркалѣ бассейна...

Королева величественно поклонилась народу и изчезла за стеклянной дверью...

— Слава Богу, слава Богу! восторженно повторяла герцогиня.

Радостныя слезы текли по ея щекамъ, она сжимала руку Сергѣя.

— Право можно повѣрить въ чудо, развѣ не чудо совершилось на нашихъ глазахъ?!

— Да, задумчиво отвѣчалъ Сергѣй,—но я боюсь что это только мгновеніе, королевы нѣтъ—и ея обаяніе изчезнетъ...

И, будто въ отвѣтъ на слава эти, крики: „да здравствуетъ королева,!“ замолкли и раздались новые возгласы:

— Король въ Парижъ! Король въ Парижъ!

Въ этомъ новомъ гулѣ опять звучала прежняя нота бѣшенства и раздраженія. Опять слышались угрозы... Снова дверь балкона отворяется, выходитъ Ла-Файетъ, за нимъ виднѣется фигура офицера королевской стражи. Ла-Файетъ жестомъ показываетъ что хочетъ говорить. Толпа прекращаетъ свои крики и слушаетъ.

— Король согласенъ ѣхать въ Парижъ, говоритъ Ла-Файетъ, — король выѣдетъ сегодня же въ сопровожденіи королевы и всего своего семейства.

Крики торжества служатъ отвѣтомъ на слова эти. Но толпа замѣтила офицера королевской стражи.

— Долой королевскую стражу! это измѣнники... не надо ихъ!..

Ла-Файетъ это предвидѣлъ, онъ показываетъ шляпу офицера, на которой красуется трехцвѣтная національная кокарда. Офицеръ торжественно клянется въ вѣрности націи...

— Да здравствуетъ королевская стража! король въ Парижъ! Да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! проносится надъ толпою.

Но вотъ чей то громкій, могучій голосъ, покрывая всѣ эти крики, реветъ:

— Да здравствуетъ нація!

— Да здравствуетъ нація! какъ одинъ человѣкъ подхватываетъ вся толпа.

— Да здравствуетъ нація! доносится въ другой сторонѣ замка, со всѣхъ дворовъ, съ площади d'Armes...

Въ замкѣ движеніе. Всѣ эти придворные кавалеры и дамы, безчисленная прислуга, всѣ притаившіеся по своимъ помѣщеніямъ и неподававшіе голоса въ ожиданіи смерти, теперь снуютъ по всѣмъ комнатамъ, корридорамъ, галлереямъ, мечутся взадъ и впередъ, собираясь къ внезапному отъѣзду.

Ла-Файетъ увѣрилъ короля и королеву, что нельзя медлить ни часу. Король согласенъ, онъ поѣдетъ въ Парижъ, поѣдетъ куда угодно, лишь бы только не разлучали его съ женой и дѣтьми.

Въ королевскихъ конюшняхъ запрягаютъ экипажи. Въ Версали всѣ въ волненіи, тысячи пришлаго люда бѣснуются отъ восторга, площадь d'Armes по прежнему наполнена народомъ и то тамъ то здѣсь, высоко надъ живыми головами, появляются вздернутыя на пикахъ двѣ мертвыя, окровавленныя головы — солдата королевской стражи Дехюта и швейцарца Варикура. Ихъ тѣла свезены въ казармы и туда же принесены тяжело раненые при защитѣ мраморной

лѣстницы и комнатъ королевы—Міомандръ и его товарищи...

Сергѣй дожидался герцогиню, которая отправилась въ аппартаменты королевы. Вотъ она вернулась, вся обливаясь слезами.

— Черезъ часъ ѣдемъ, заговорила она,—я ни минуты здѣсь не останусь послѣ королевы. Пойдемъ сейчасъ ко мнѣ, въ мой отель, я велю приготовить карету, только ради Бога не покидай меня, будь со мною, поѣдемъ вмѣстѣ -- въ каретѣ можетъ помѣститься и твой карликъ...

— Но что же король? что королева? спрашивалъ Сергѣй.

— Короля я не видала, говорятъ онъ какъ всегда спокоенъ. Изъ національнаго собранія явился Мирабо и объявилъ что собраніе единогласно рѣшило вмѣстѣ съ королемъ переѣхать въ Парижъ, объявило себя нераздѣльнымъ съ королемъ. Онъ отвѣчалъ, что съ сердечной признательностью принимаетъ это новое доказательство привязанности собранія... Да, онъ спокоенъ, даже странно спокоенъ, онъ будто не понимаетъ или, вѣрнѣе, не хочетъ понять что значитъ этотъ переѣздъ, что значитъ сегодняшній день!.. За то королева отлично все это понимаетъ и не скрываетъ этого... другъ мой, на нее смотрѣть страшно, я едва тамъ не разрыдалась... А она, о! что это за женщина, она изо всѣхъ силъ старается казаться бодрой, ко всѣмъ относится съ такой добротою, вниманіемъ. Обняла меня, поцѣловала, крѣпко сжала мнѣ руку... Знаешь ли, тамъ носятъ головы убитыхъ и ей объ этомъ сказали! еслибы ты видѣлъ ее въ

эту минуту, я этого лица никогда не забуду... она вздрогнула и проговорила: „насъ заставляютъ ѣхать въ Парижъ, а передъ нами понесутъ головы нашихъ вѣрныхъ защитниковъ“... О, какъ она сказала это!..

Но имъ нельзя было терять времени и они поспѣшили изъ замка черезъ паркъ, избѣгая толпы, которая радостно бушевала на площади.

Около полудня огромная карета съ королевскимъ семействомъ и кареты придворныхъ выѣзжали изъ Версали. Съ герцогиней д'Ориньи ѣхалъ Сергѣй, на переднемъ сидѣньи помѣщался Моська.

Бѣдный карликъ даже какъ-то весь позеленѣлъ отъ ужаса и опасенья за вывихнутую руку своего „Сереженьки“. Онъ успѣлъ уже добыть хирурга, рука Сергѣя была какъ слѣдуетъ перевязана, хирургъ увѣрялъ, что опасаться нечего и при благоразумномъ лѣченьи все пройдетъ въ двѣ, три недѣли. Но Моська все же никакъ не могъ успокоиться, онъ не довѣрялъ басурманскому хирургу, да и вообще онъ слишкомъ много пережилъ за вчерашній вечеръ, за эту долгую, безсонную ночь, когда онъ не зналъ даже, живъ ли его баринъ, увидитъ ли онъ его. Онъ уже думалъ, что придется везти въ Россію только одни косточки...

И потомъ—эта герцогиня! Онъ въ первый разъ ее сегодня видѣлъ. но уже давно объ ней зналъ, вѣдь онъ всегда все зналъ, что касалось до „Сереженьки“, отъ него ничего не могло скрыться... И вотъ они вмѣстѣ ѣдутъ.

Такъ вотъ она какая, ну что въ ней?!. Господи и

неужто онъ промѣнялъ на нее княжну нашу, вѣдь она ей и въ подметки не годится, вѣдь эта что? такъ себѣ вертлявая бабенка, а княжна какъ есть, какъ есть красавица!..

— Охъ, попадись ты мнѣ теперь, дьяволъ Рено! задыхаясь отъ злости думалъ Моська, — задушу я тебя, какъ есть задушу и за грѣхъ считать не буду, и Богъ проститъ! — всему ты причина... Да и что же это наконецъ такое?! нынче же отпишу Льву Александрычу... развѣ можно тутъ жить, за какія это провинности дитю въ тартарары эти проклятые кинули? напишу чтобы немедля приказъ былъ отъ государыни ѣхать во свояси, все отпишу... и про бабенку эту... все“...

„Ишь ты, проклятая,—вертится! продолжалъ онъ свои думы, съ ненавистью поглядывая на герцогиню,—ей видно и ничего, что онъ изъ-за нея искалѣченъ!—улыбается... А глазищами-то, глазищами что выкидываетъ! а еще мужняя жена... Фу ты, срамота какая! Ну да и ты, батюшка, тоже хорошъ, погляжу я на тебя, начиналъ онъ мысленно распекать Сергѣя,—не ждалъ я отъ тебя такихъ дѣловъ... А эти то черти, эти изверги!!.

Онъ выглянулъ въ окошко кареты.

Гудящая толпа заняла его вниманіе. Зрѣлище дѣйствительно было самое необыкновенное.

Шествіе, какъ вѣрно угадала несчастная королева, открывалось ободранной, кричащей, прыгающей и бѣснующейся толпой мужчинъ и женщинъ, съ возвышающимися на пикахъ окровавленными головами. Затѣмъ слѣдовала карета съ королевскимъ семействомъ, кареты придворныхъ и депутатовъ, затѣмъ

баталіоны національной гвардіи, королевская стража, артиллерія. На пушкахъ помѣстились верхомъ женщины, размахивая платками и горланя пѣсни. Наконецъ двигались возы съ мукою, добытою въ Версали. Время отъ времени проносились крики...

Яркое солнце озаряло это безобразное, невѣроятное шествіе.

XII.

В д а л и.

Вѣчный шумъ и волненіе. Расходились народныя страсти, давно приготовлявшаяся гроза наконецъ разразилась и все страшнѣе и страшнѣе ея удары. Мщеніе, слѣпое, безсмысленное мщеніе добирается до своихъ жертвъ и сознаетъ что близокъ часъ стоновъ, крови, смерти. Что-то давящее, мрачное, раздражающее носится въ воздухѣ, стоитъ надъ огромнымъ, прекраснымъ городомъ, въ которомъ еще такъ недавно широко и привольно жилось человѣческому веселью, въ которомъ нужда, горе, заботы прятались по темнымъ угламъ, такъ прятались, что со стороны нельзя даже было подозрѣвать ихъ существованія. Разнообразная жизнь, катившаяся полной волною, внезапно остановилась. Эта жизнь превратилась теперь въ больное и невыносимое существо-

ваніе;—никто не живетъ, всѣ прежніе интересы позабыты, всѣ прежніе планы, разсчеты разрушены. Часъ проходитъ за часомъ, день за днемъ— прошелъ часъ, прошелъ день—и слава Богу, а что завтрашній день скажетъ и придется ли его увидѣть — объ этомъ страшно и подумать! Всѣ глядятъ испуганно и вопросительно, прислушиваются, ждутъ какой нибудь новости—и непремѣнно страшной...

И среди этого ада, среди этой муки трудно, почти невозможно себѣ представить, что гдѣ нибудь жизнь идетъ по прежнему — тихо и спокойно, что гдѣ нибудь люди безъ страха и тревоги думаютъ о завтрашнемъ утрѣ, что есть такіе счастливые люди, которымъ всѣ эти ужасы представляются далекой, непонятной сказкой.

А между тѣмъ вѣдь есть же такіе благословенные, тихіе утолки и есть такіе счастливые люди... Счастливые! — какъ будто забота и горе не проникаютъ въ самый мирный уголъ! вѣдь если и нѣтъ заботы и горя — такъ ужь навѣрное онѣ были или будутъ...

Стоятъ послѣдніе, морозные дни глубокой осени. Давно бы уже пора выпасть снѣгу; давно бы пора стать зимѣ; уже ноябрь въ половинѣ, но снѣгу еще нѣту. Съ деревьевъ свалились послѣдніе желтые листья. Весь Знаменскій паркъ порѣдѣлъ и сквозитъ; недавно грязныя, размытыя осеннимъ дождемъ дорожки высохли будто камень. По отлогимъ берегамъ озера пожолклая трава покрыта морознымъ инеемъ, вода уже застывать стала... Уныло, окруженная сухими кустами и черными деревьями, стоитъ голубая бесѣдка. Холодное солнце, пробравшись изъ-

за деревьевъ, вытянуло свои косые лучи и одинъ изъ нихъ озарилъ внутренность бесѣдки и въ ней неподвижную, грустно склонившуюся надъ раскрытой книгой, княжну Таню.

Такъ все кругомъ тихо, спокойно, такъ безопасно. Миръ и покой и въ Знаменскомъ паркѣ и на разстояніи тысячъ верстъ въ окружности: раскаты чужой грозы сюда не доносятся. Непонятна эта гроза мирнымъ людямъ, занятымъ интересами своей жизни...

Но чего не знаютъ, о чемъ не заботятся и не думаютъ обитатели этаго спокойно дремлющаго края— о томъ уже давно знаетъ и мучительно заботится Таня. И не только забота—глубокая сердечная мука изображаются въ лицѣ ея. Вотъ она уронила съ колѣнъ своихъ позабытую книгу и въ невольномъ порывѣ сжала руками голову.

„Боже мой, что же мнѣ дѣлать!? прошептала она и безсильно, почти въ отчаяніи, опустила руки..

Немного болѣе года прошло съ тѣхъ поръ какъ Таня, въ этой же бесѣдкѣ, слышала признаніе Сергѣя, какъ чары первой юной любви опутали ихъ своей сѣтью. Годъ прошелъ, только годъ, но что значитъ этотъ годъ для Тани и какъ измѣнилъ онъ ее!—тогда она была еще почти ребенокъ, теперь она женщина. Она всегда обѣщала вырости и развиться въ замѣчательную красавицу, только чудилось, что это будетъ крѣпкая, здоровая, румяная красота, какую такъ любитъ русскій народъ, которую онъ такъ картинно изображаетъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ. Но не сбылись эти ожиданія—красота Тани вышла совсѣмъ другая: правда она еще выросла за этотъ послѣдній годъ, правда, ея стройная крѣпкая фигу-

ра говоритъ о здоровьѣ и силѣ, но незамѣтно въ ней излишней полноты, пышности, не блеститъ она излишними яркими красками, поблѣднѣлъ горячій румянецъ ея щекъ; но за то въ этомъ миломъ, всегда такомъ открытомъ и свѣтломъ лицѣ, явилась новая прелесть, прелесть грусти, прелесть мысли серьезной и мучительной, которая не даетъ покоя, которая заставляетъ много и упорно работать и свѣтится въ ея задумчивыхъ глазахъ, въ тихо и слабо, все рѣже и рѣже приходящей улыбкѣ.

Что-же такое случилось съ Таней? что пережила она?

Она писала Сергѣю о своей тоскѣ, о тягости разлуки, она все ждала съ нимъ свиданія, потомъ писала о серьезной болѣзни матери, о какомъ-то большомъ, очень важномъ и трудномъ для нея дѣлѣ. Сергѣй догадывался, какое это дѣло, но какъ оно разрѣшилось, чѣмъ все кончилось — этого онъ не зналъ. Въ послѣднихъ письмахъ въ Парижъ она почти совсѣмъ не писала ему о себѣ, она писала только о немъ, разспрашивала его, тревожилась за него...

Дѣло, которое такъ заботило Таню и приняться за которое она рѣшилась по отъѣздѣ Сергѣя, было мучительное, тайное дѣло. Объ этомъ дѣлѣ Таня стала думать уже давно, съ той самой поры какъ начала понимать окружающее; думала день и ночь— и наконецъ додумалась.

Она рѣшила: вотъ она такъ горячо, такъ нѣжно любитъ Сергѣя, она можетъ быть съ нимъ такъ счастлива всю жизнь; но она приметъ это счастье и будетъ имъ наслаждаться только тогда, когда благопо-

лучно окончитъ свое тяжкое дѣло, а до тѣхъ поръ ей и счастье не въ счастье, и радость не въ радость. Она должна вырвать мать свою изъ подъ позорной, унизительной власти Петра Ѳомича, должна заставить этаго низкаго человѣка навсегда покинуть ихъ домъ, должна однимъ словомъ снова найти мать, имѣть возможность любить ее какъ-бы ей хотѣлось.

Думая объ томъ, что можетъ придти такое счастливое время, она замирала отъ восторга. Она представляла себѣ, какъ все тогда будетъ хорошо, и не для нея одной, а именно прежде всего для матери. Вѣдь она тогда совсѣмъ другая станетъ, развѣ она теперь счастлива, развѣ ей хорошо живется, развѣ она теперь покойна?

Вѣдь Таня, какъ она ни молода, какъ ни неопытна, отлично подмѣчаетъ волненіе княгини, ея неловкость... даже это бѣшенство, эта злоба, обращенная на несчастную прислугу, ничто иное, какъ слѣдствіе душевной муки, душевнаго раздраженія. Таня еще почти ребенокъ, но именно эта мучительная семейная исторія, надъ которой приходилось такъ рано и столько думать, быстро развила ее. Она такъ много перечувствовала и передумала въ уединеніи Знаменскаго, что всякаго пожилаго человѣка могла бы поразить ясностью своихъ мыслей.

И вотъ Таня думала и рѣшала:

„Вѣдь не можетъ-же, не можетъ она любить его, развѣ такого человѣка полюбить можно? вѣдь въ немъ нѣтъ совсѣмъ ничего, что привлекаетъ, что нравится въ мужчинѣ! Развѣ это мужчина?—это какое-то ползучее, гадкое животное, это ябедникъ, сплетникъ, мелкій воришка и трусъ, страшный трусъ!

У него нѣтъ никакого самолюбія, нѣтъ чувства собственнаго достоинства... Такого человѣка полюбить невозможно... Но еслибы даже это и было,—на свѣтѣ, говорятъ, случаются странныя вещи, говорятъ любовь приходитъ какъ буря, затуманиваетъ глаза и представляетъ человѣка совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ, - еслибы мать любила его, несмотря на всѣ его отвратительные недостатки и еслибы это была настоящая любовь, вѣдь тогда она выразилась-бы совсѣмъ иначе. Нельзя любить человѣка и держать его въ такомъ положеніи, нельзя зачастую публично унижать его какъ она это дѣлаетъ. Вѣдь вотъ бываютъ дни, бываютъ цѣлыя недѣли, когда она не можетъ его видѣть, когда ей просто противно его появленіе... Такъ значитъ тутъ нѣтъ никакой сильной привязанности, это просто слабость, это какое-то отвратительное колдовство—и я должна, должна все это уничтожить!..“

Такъ думала Таня, и съ отъѣзда Сергѣя каждый шагъ ея былъ направленъ къ достиженію этой цѣли. Прежде она невольно отдалялась отъ матери, не могла уважать ее, она подавляла въ себѣ даже свою любовь къ ней, она должна была даже бороться съ презрѣніемъ, съ отвращеніемъ, которыя не разъ закрадывались въ ея сердце. Теперь она уже не избѣгала матери, напротивъ, она почти все время проводила съ нею, она выказывала ей такую почтительность, такую ласку, что княгиня не могла этаго не замѣтить. И это новое обхожденіе дочери дѣйствовало на нее мучительно, иногда она совсѣмъ таяла подъ нѣжнымъ взглядомъ Тани, чувствовала себя передъ ней раздавленной, приниженной и въ то же время

благоговѣніе къ этой дочери, благодарность за ея ласки наполняли ея сердце. Дошло до того, что одинъ разъ княгиня вдругъ зарыдала, крѣпко, крѣпко обняла Таню и стала цѣловать ея руки. Но этотъ порывъ скоро прошелъ, злоба и какое-то оскорбленное, невыносимое чувство заговорило въ княгинѣ, ей стало такъ стыдно за свое униженіе, за нравственную высоту дочери, что она готова была ее ненавидѣть.

Когда Таня была мала, ни объ чемъ этомъ княгинѣ совсѣмъ не думалось, теперь Таня выросла, все понимаетъ, теперь поневолѣ приходится думать.

И эта Таня вонъ какая стала! Зачѣмъ-же она мучаетъ? Чего-же она ласкаетъ? вѣдь не можетъ-же она ласкать отъ сердца! Вѣдь вотъ прежде бѣгала, отвертывалась — съ чего-же вдругъ такъ перемѣнилась, чего хочетъ?!..

Дальше этихъ вопросовъ княгиня не шла, ея мысль плохо работала. Она только съ каждымъ днемъ все больше и больше ее раздражала. Таня ее преслѣдовала и днемъ, и ночью. Таня неотлучно стояла передъ нею даже и тогда, когда уходила изъ дому и цѣлые часы бродила въ паркѣ, даже тогда, когда уѣзжала къ Горбатовымъ.

Нѣтъ Тани, но вѣдь вотъ она тутъ, она слышитъ каждое слово, слышитъ каждую мысль, всякій шагъ ей извѣстенъ. И княгиня волнуется, княгиня ни-гдѣ не находитъ себѣ мѣста.

Что-же это за жизнь—это каторга! Чѣмъ это кончится? Что дѣлать?

Тоска и бѣшенство поднимаются къ княгинѣ и она вымѣщаетъ свою злобу на прислугѣ, вымѣща-

етъ ее и на Петрѣ Ѳомичѣ. А между тѣмъ Петръ Ѳомичъ все тутъ и его положеніе не измѣняется.

Проходятъ недѣли, мѣсяцы, княгиня сама на себя не похожа, ее даже спрашиваютъ, что съ ней, не больна-ли она?

Она отвѣчаетъ, что здорова а между тѣмъ сама чувствуетъ, что неладное что-то творится съ нею, что тяжко больна она...

И вотъ наконецъ болѣзнь разразилась. Въ мучительномъ душевномъ состояніи княгинѣ достаточно было малѣйшаго толчка, легкой простуды — открылась жесточайшая горячка съ воспаленіемъ мозга.

Таня ни на минуту не отходила отъ постели матери и при первой-же возможности удаляла всѣхъ, чтобы остаться наединѣ съ больною, которая металась въ забытьи и громко бредила. Танѣ невыносимо было, что посторонніе слышатъ этотъ бредъ, въ которомъ безпорядочно и безобразно, но все-же съ ужасающей, отвратительной ясностью высказывалась тайна княгини, позоръ и муки ея больной души. По цѣлымъ часамъ слушала Таня этотъ страшный бредъ, боролась съ бѣшеными порывами матери, которая вскакивала съ кровати и все хотѣла бѣжать, бѣжать отъ преслѣдовавшаго ее мстителя, который ея затуманенному воображенію представлялся Таней. Дочери, склоненной надъ нею день и ночь, она не узнавала, но передъ нею постоянно была другая дочь, грозящая, негодующая, убивающая ее взглядомъ, рвущая на клочки ея сердце.

— Оставь меня, уйди! задыхаясь стонала и умоляла княгиня,—отвернись, не смотри на меня своими острыми глазами!.. Зачѣмъ ты сверлишь ими

мое сердце?!.. посмотри, что ты со мной сдѣлала!!..

Она хваталась за сердце, изъ груди ея вырывался стонъ.

— Смотри, смотри! раздирающимъ голосомъ кричала она,—вѣдь ты меня погубила... что я теперь буду дѣлать, когда во мнѣ нѣтъ сердца?! куда ты его дѣвала? зачѣмъ его вынула?.. Отдай мнѣ его... я не могу дышать... что ты положила на его мѣсто?.. вѣдь это камень, холодный, огромный камень!.. Онъ давитъ меня, леденитъ...

И она въ изнеможеніи падала на подушки.

Таня глядѣла на нее безъ слезъ, неподвижная, блѣдная. А когда княгиня засыпала, она тихонько отходила отъ ея кровати, въ уголъ спальни, озаренный тихимъ свѣтомъ лампадки и склонялась передъ кіотомъ.

Она всегда была набожна и нѣсколько разъ, когда Сергѣй, уже оторвавшійся отъ прежнихъ вѣрованій и проникнутый новыми взглядами, внушенными воспитателемъ, пробовалъ въ разговорахъ съ нею касаться ея вѣры, онъ встрѣчалъ съ ея стороны рѣшительный отпоръ и строгое запрещеніе говорить объ этомъ предметѣ. Но никогда еще въ жизни Таня такъ не молилась, какъ въ эти тяжелые дни болѣзни матери. Она сознавала, что теперь наступаетъ рѣшительный кризисъ, что мать должна быть спасена, или совсѣмъ погибнуть.

И не о смерти тѣлесной, не о тѣлесномъ спасеніи думала Таня. Она начинала вѣрить, что Богъ ей поможетъ, что если княгиня выздоровѣетъ, то встанетъ съ одра болѣзни обновленная духомъ... Но

выздоровѣетъ-ли она? Бывали нѣсколько дней, когда это казалось крайне сомнительнымъ...

Наконецъ опасность миновала, больная становилась спокойнѣе, бредъ стихалъ, вмѣсто рѣзкихъ движеній, метаній по кровати, порываній встать и бѣжать — появилась слабость, значительный упадокъ силъ. Княгиня по часамъ лежала неподвижно, съ закрытыми глазами. Таня всматривалась въ это осунувшееся, постарѣвшее, блѣдное лицо матери и къ чувству жалости невольно примѣшивалось новое, отрадное чувство. Она замѣчала въ этомъ истомленномъ лицѣ совсѣмъ иное выраженіе, чѣмъ то, которое не покидало его во все время забытья и бреда, чѣмъ то, которое было въ немъ и до болѣзни. Теперь въ этомъ лицѣ не было ни злобы, ни волненія, ни страха; оно сдѣлалось такимъ тихимъ, спокойнымъ и Таня замѣчала даже какъ иногда на мгновеніе, слабая, добрая улыбка скользнетъ по блѣднымъ губамъ и исчезнетъ.

„Только зачѣмъ она лежитъ съ закрытыми глазами, зачѣмъ не хочетъ взглянуть на меня, вѣдь она знаетъ, что я здѣсь, слышитъ мой голосъ?!“ думала Таня.

— Матушка, ты спишь! тихо спрашивала она.

— Не сплю, Танюша! шептала ей въ отвѣтъ какимъ-то страннымъ, новымъ голосомъ княгиня.

А сама все лежитъ, не шевелится и глазъ не открываетъ, а откроетъ ихъ на мгновеніе — такъ все же не взглянетъ на Таню.

Прошло еще три дня. Измученная безсонными ночами, Таня теперь поневолѣ должна была иногда

отходить отъ кровати матери и ложиться спать, но она все же не позволяла себѣ долгаго отдыха. Поспитъ часа три, четыре—и опять вскочитъ, и опять уже на своемъ неизмѣнномъ мѣстѣ и смотритъ на мать, смотритъ не отрываясь, силится прочесть въ этомъ блѣдномъ лицѣ съ закрытыми глазами все, что происходитъ тамъ, глубоко, въ самомъ сердцѣ...

XIII.

Возрожденіе.

Тихій и теплый лѣтній вечеръ. Таня одна у изголовья матери. Изъ дальняго окошка обширной спальни, которое теперь уже открыто, въ комнату врываются широкой полосой лучи заходящаго солнца. И въ этомъ горячемъ живомъ столбѣ лучей кружатся, играютъ и сверкаютъ миріады пылинокъ. Едва слышное дуновеніе доноситъ благоуханіе роскошныхъ цвѣтовъ: махровыхъ розъ, резеды и левкоевъ, во множествѣ распустившихся въ цвѣтникѣ подъ самыми окнами. Съ далекихъ деревьевъ сада слышится тихое птичье щебетанье, — отзвуки той дорогой, волшебной и могучей лѣтней жизни, которую всегда такъ любила Таня, въ созерцаніи которой находила такое блаженство.

Благоуханіе цвѣтовъ и миріады пылинокъ, движущихся въ яркомъ солнечномъ столбѣ, и птичье щебетанье, вызываютъ Таню изъ душной комнаты, туда, на волю, въ глубину любимаго, роднаго парка. Но не слышитъ она этаго манящаго, знакомаго зова, утомилась она отъ своихъ тяжелыхъ мыслей, отъ своихъ ожиданій. Она наклонилась къ матери, прислушивается... дыханіе больной спокойно и ровно— видно заснула. И Танины глаза начинаютъ мало по малу слипаться, и на нее находитъ дремота...

Неясныя, но понятныя сердцу картины проходятъ передъ нею. Раздвигаются стѣны комнаты, сверкаетъ необозримое пространство и въ этомъ безграничномъ пространствѣ мелькаетъ милый образъ. Вотъ онъ снова съ нею, этотъ далекій другъ, котораго она тщетно призываетъ. Онъ говоритъ ей

„Таня! Таня! ты достигла цѣли, забудь же тревоги, забудь свое горе, подумай обо мнѣ, вѣдь ты одного меня любишь, вѣдь во мнѣ одномъ твое счастье и ты можешь, ты имѣешь право теперь любить меня, любить безъ упрековъ — ты купила это право хорошей и дорогой цѣною“...

И простираетъ къ этому милому образу руки счастливая Таня.

„Да, ты мой, теперь ты мой!! восторженно отвѣчаетъ она на его нѣжный шепотъ,—ты мой и никакая сила тебя у меня не отниметъ... Ты мой, но зачѣмъ же такъ долго тебя нѣту?!“.

Дорогой призракъ исчезъ, испарился въ свѣтломъ туманѣ. Таня медленно открыла глаза.

Что это? мать не спитъ, глаза ея не закрыты? Вотъ она приподняла съ подушки голову, глядитъ

на Таню. Какъ глядитъ, какой любовью, какимъ счастіемъ горятъ глаза ея! Она потянулась къ ней, крѣпко, крѣпко охватила ее своими исхудавшими руками и склонившись къ ней на грудь громко зарыдала.

— Матушка, дорогая, что съ тобою? прошептала Таня испуганно и радостно.

Но княгиня ничего не могла отвѣтить, рыданія ее душили, ей нужно было выплакаться.

Проходили минуты и вотъ наконецъ Таня разслышала тихій голосъ:

— Моя дорогая Танюша, моя ненаглядная! прости ты меня, окаянную грѣшницу, прости меня, мой ангелъ хранитель!..

— Матушка! въ счастливомъ горячемъ порывѣ крикнула Таня.

Слезы брызнули изъ глазъ ея. Она покрывала горячими, дочерними поцѣлуями лицо матери, ея руки. Она въ первый разъ въ жизни такъ цѣловала княгиню, она наконецъ нашла мать свою.

А княгиня между тѣмъ говорила:

— Таня, кабы знала ты какіе страшные сны мнѣ снились, кабы знала какія муки адскія я испытала!.. Смерть моя приходила, страшная смерть, лютая, безъ покаянія... Да видно ты, душа святая, за меня Господа Бога умолила—помиловалъ онъ меня, окаянную, не допустилъ умереть въ скверне моей грѣховной... Танюша, дочка моя, сокровище. . Дни здѣсь и ночи лежала я — и все думала, думала... и дано мнѣ было узрѣть весь грѣхъ мой. Молись же за меня, молись! видно твоя чистая молитва угодна Богу, молись, чтобы Онъ простилъ и сама прости меня.

Знаю я, какъ виновата предъ тобою. но только впредь моей вины не будетъ... Танюша моя, вы́холила ты меня, вымолила и отнынѣ вся жизнь моя—въ одной тебѣ—ты мое сокровище, ты моя радость! Учи же меня, Танюша, -- во всемъ тебѣ буду послушна, что прикажешь, то и исполню...

И долго говорила княгиня, пока позволяли ей ея еще неокрѣпшія силы. Все было рѣшено, все было понято. Таня знала, что завѣтная мечта ея превратилась въ дѣйствительность, что теперь новая жизнь начинается, а старое горе, старый позоръ ушли на вѣки.

Когда утомленная чрезмѣрнымъ волненіемъ княгиня заснула, Таня выбѣжала въ садъ. Солнце только что зашло и въ небѣ еще не поблѣднѣли яркія краски заката. И чудилось Танѣ, что въ этой душистой вечерней тишинѣ немолчно раздаются тысячи голосовъ—звонкихъ, ласковыхъ, призывныхъ. И всѣ эти голоса только отвѣчали на счастливый кликъ ея сердца, которое радостно и весело трепетало въ груди ея.

XIV.

Смѣлый шагъ.

Княгиня еще не выходила изъ спальни послѣ своей долгой и тяжкой болѣзни, ее еще никто не видѣлъ, кромѣ двухъ старыхъ, прислуживавшихъ ей горничныхъ и часто навѣщавшей ее Марьи Никитишны Горбатовой, а уже по Знаменскому разнеслась нежданная, негаданная вѣсть: Петръ Ѳомичъ, всесильный Петръ Ѳомичъ, который столько времени корчилъ изъ себя важнаго барина, который только и зналъ, что доносилъ на прислугу и всѣхъ домашнихъ, ябедничалъ, сплетничалъ и былъ главной причиной жестокихъ наказаній, которымъ то и дѣло безвинно подвергались знаменскіе обитатели,—Петръ Ѳомичъ, ненавидимый всѣми, уѣзжаетъ изъ Знаменскаго, совсѣмъ уѣзжаетъ, получаетъ разсчетъ отъ княгини. И между нимъ и княгиней не было даже

никакого объясненія, она даже не захотѣла его видѣть, не впустила его къ себѣ.

Съ нимъ объяснилась Таня. Онъ ужь и самъ замѣчалъ въ послѣднее время что началось что-то неладное, что дѣла его принимаютъ нежданный, дурной оборотъ. Но того, что все это случится такъ скоро, рѣшительно и безповоротно—онъ никакъ не ожидалъ. Таня, эта Таня, на которую онъ сначала не обращалъ вниманія, какъ на ничего незначущую дѣвчонку, которую онъ потомъ возненавидѣлъ и помышлялъ какимъ нибудь способомъ удалить изъ дому, вдругъ объявила ему, что онъ самъ удаленъ и что долженъ немедленно же собрать всѣ свои пожитки и какъ можно скорѣе уѣзжать изъ Знаменскаго. И она говорила ему все это такимъ спокойнымъ и въ то же время властнымъ тономъ, что онъ вдругъ совсѣмъ растерялся передъ нею и струсилъ. Однако, нѣсколько придя въ себя, онъ пробовалъ было потребовать объясненія съ княгиней. Таня, все также спокойно отвѣтила ему, что объ этомъ нечего и думать, что ея мать его никогда не приметъ, что самое лучшее удалиться ему скорѣе и безъ исторій, потому что иначе онъ наживетъ себѣ большихъ непріятностей.

Таня ушла, а онъ стоялъ какъ пораженный громомъ, потомъ поспѣшилъ къ себѣ и сталъ укладываться. Онъ ясно видѣлъ, что теперь уже ничего нельзя исправить, что какъ ни тяжело это и ни невыносимо, а нужно исполнить приказаніе княжны. Онъ сосчиталъ свои деньги — ихъ было достаточно для того, чтобы гдѣ угодно всю жизнь прожить припѣваючи.

На слѣдующій день онъ выѣхалъ изъ Знаменскаго и вслѣдъ за его отъѣздомъ во владѣніяхъ княгини началось великое ликованіе.

„Помогъ Господь нашей княжнѣ, авось теперь лучше житье настанетъ!..“ говорили въ Знаменскомъ.

Между тѣмъ княгиня совсѣмъ поправилась и наконецъ рѣшилась выйти изъ спальни. Въ большой залѣ собралась вся дворня, всѣ приживалки и приживальщики для того, чтобы привѣтствовать хозяйку и выразить ей свою радость по случаю ея выздоровленія. Не смотря на надежды, возбужденныя въ этихъ людяхъ отъѣздомъ Петра Ѳомича, все таки всѣ съ большимъ трепетомъ ожидали появленія грозной и жестокой княгини.

«Кто же знаетъ, думалось многимъ, а вдругъ теперь не то что легче, а еще и тяжелѣе станетъ?! Передъ дочкой не выдержала—прогнала управителя, а на насъ сердце и выместитъ!..»

У всѣхъ духъ захватило когда на порогѣ залы появилась княгиня.

«Создатель, она ли это? совсѣмъ, какъ есть совсѣмъ на себя не похожа!»

И точно, княгиню трудно было узнать; отъ прежней горделивой, властной, молодящейся женщины ничего не осталось; теперь это была почти старуха, съ задумчивымъ и тихимъ лицомъ. Она вошла, опустивъ глаза и опираясь на руку дочери. Таня чувствовала какъ мать слабо вздрагивала и прижималась къ плечу ея.

Зала огласилась привѣтствіями. Княгиня подняла глаза, низко всѣмъ поклонилась и стала здоро-

ваться, ласково подходя къ каждому и каждой, обнимая и цѣлуя старыхъ и вѣрныхъ слугъ, которые, не смотря на всѣ ея жестокости, много лѣтъ безропотно ей повиновались. Никто не могъ придти въ себя отъ изумленія.

Да полно, ужь на яву ли это? когда такое бывало!!

А княгиня, обойдя всѣхъ, сѣла въ кресло,—она еще слабо держалась на ногахъ,—и, не выпуская руку Тани, заговорила тихимъ, но внятнымъ, совсѣмъ новымъ и до глубины души проникающимъ голосомъ:

— Вотъ... выздоровѣла, не захотѣлъ Господь моей смерти, вымолила и выходила меня дочка... Радуюсь, что вижу васъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ...

Она замолчала, ея щеки покрылись мертвенною блѣдностью, грудь ея высоко поднималась. Она очевидно боролась съ сильнымъ волненіемъ. Всѣ, начиная съ Тани, глядѣли на нее, не спуская глазъ и инстинктивно понимая, что передъ ними творится что-то необычайное, что-то торжественное и умилительное.

И вдругъ княгиня поднялась съ своего кресла, изъ глазъ ея полились слезы, но она удержала ихъ и низко, почти земно кланяясь всему этому собравшемуся люду, твердымъ голосомъ проговорила:

— Простите меня, грѣшную! много несправедливостей, много зла я вамъ сдѣлала, врагъ искуситель сидѣлъ во мнѣ и толкалъ на погибель мою душу, но Господь помогъ мнѣ... простите меня, добрые люди...

Она замолкла и безъ силъ упала въ кресло. По-

чти всѣ рыдали, но пуще всѣхъ рыдала Таня, бросившаяся на колѣни передъ матерью, цѣловавшая ея руки, обливавшая ихъ слезами.

И долго потомъ въ Знаменскомъ только и было разговоровъ, что объ этомъ „чудѣ“. Всенародное покаяніе княгини, котораго никто не могъ ожидать, на которое никто не считалъ ее способной, произвело на всѣхъ самое глубокое впечатлѣніе. О „чудѣ съ княгиней Пересвѣтовой“ говорилось далеко за предѣлами Знаменскаго, вѣсть о немъ быстро разнеслась по всей губерніи. Давно уже укоренилась ея репутація жестокой мучительницы, но теперь отъ этой репутаціи и слѣда не осталось. Всѣ вдругъ стали считать ее чуть не святою; Таня-же единогласно была причислена къ лику ангельскому...

Теперь уже въ барскомъ Знаменскомъ домѣ не слышалось ни криковъ, ни стоновъ: тишь да гладь, да Божья благодать воцарились въ немъ. Княгиню мало кто видѣлъ, она все больше сидѣла въ своихъ комнатахъ и молилась. За то Таня была у всѣхъ на глазахъ. Таня являлась теперь дѣятельной, заботливой и справедливой хозяйкой и тутъ-же всѣ замѣтили, что несмотря на всю свою доброту и ласковость, княжна не позволяетъ водить себя за носъ, что ее трудно обмануть, что она вовсе не станетъ потакать безпорядкамъ. До сихъ поръ Таню любили и жалѣли. Любовь къ ней осталась, но жалость перешла въ уваженіе.

И такъ проходили мѣсяцы, прошло лѣто, наступила осень. У Тани было много дѣла по хозяйству, все почти свободное время она посвящала матери, которая теперь только и жила ею, думала ея мыс-

лями, чувствовала ея сердцемъ. Но все-же у Тани оставалось въ день часа два, три, когда она бродила по своему любимому парку, у нея оставалась ночь, и въ это время ей приходилось бесѣдовать съ собою и отвѣчать на вопросы души своей. Таня очень цѣнила это новое счастье, которое посѣтило домъ ихъ и котораго она такъ долго и такъ страстно желала; но теперь она должна была мучительно убѣдиться, что этаго счастья ей все же мало, что жизнь ея не полна, что если ушла одна тоска, то осталась другая и ростетъ съ каждымъ днемъ и не даетъ ей спать спокойно, мѣшаетъ ея работѣ, самовластно врывается въ ея душу.

Таня все яснѣе и яснѣе и все сознательнѣе любила Сергѣя и тосковала въ разлукѣ съ нимъ. Къ этой любви и тоскѣ примѣшивалось еще мучительное за него опасеніе. Она жадно узнавала все, что только можно было узнать, о новостяхъ Франціи; она конечно многаго не знала, не понимала, но и того, что ей становилось извѣстно, было достаточно.

А тутъ вдругъ, въ концѣ осени, она нежданно получила письмо отъ карлика Моськи. Онъ прислалъ это письмо черезъ посольскаго курьера въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Знаменское оно было доставлено вмѣстѣ съ письмами и посылками Марьѣ Никитишнѣ Горбатовой. Отъ Сергѣя давно не было писемъ и это письмо Моськи такъ напугало бѣдную Таню, что она даже долго не рѣшалась его распечатать. Наконецъ, она дрожащими руками сломила печать...

Ея старый другъ Степанычъ своими красивыми,

тщательно выведенными, будто печатными, буквами писалъ ей:

„Княжна наша золотая, Татьяна Владиміровна! не прогнѣвайся на меня стараго, что осмѣливаюсь утруждать твои глазки моимъ письмомъ. Нужда великая и долгъ вѣрной рабской службы внушаютъ мнѣ обратиться къ твоей милости. Совсѣмъ намъ здѣсь у басурмановъ плохо живется, въ городѣ семъ Парижѣ отъ народу безпорядки большіе завелись, да и по всему прочему совсѣмъ тутъ не мѣсто для Сергѣя Борисыча. Того и жди великая бѣда можетъ случиться, да такая бѣда, что и не расхлебаешь. Упроси ты матушку Марью Никитишну, чтобы она не медля ни часу отписала Льву Александровичу Нарышкину и просила дабы указано было Сергѣю Борисычу ради всякихъ неотложныхъ дѣлъ хозяйственныхъ и семейныхъ и паче того ради Марьи Никитишны болѣстей и краткаго вѣку (пошли ей Господь, нашей матушкѣ, добраго здоровья на долгіе годы) отбыть изъ Парижа въ Горбатовское. Отписалъ я и самъ Льву Александрычу, а Марьѣ Никитишнѣ писать о томъ опасаюсь, чтобы сильно не испужалась и не растревожилась. А ты это дѣло, разумная наша золотая боярышня, умненько сдѣлаешь. За симъ нижайше кланяюсь и цѣлую твои княжескія ручки. Вѣрный твой рабъ Моисей Степановъ“.

Убѣжала Таня съ этимъ письмомъ въ глубину знаменскаго парка и долго надъ нимъ думала. Вотъ она сидитъ въ голубой бесѣдкѣ, озаренная холодными лучами ноябрскаго солнца, уронила безсильно книгу, въ которую и не заглядывала и все думаетъ,

вынула изъ кармашка Моськино письмо, опять его перечитала.

„Коли онъ пишетъ, значитъ дѣло не путочное, значитъ и впрямъ большая опасность Сережѣ! Степанычъ старикъ разумный, пугать не любитъ...“

Таня ни одной минуты не сомнѣвалась въ истинномъ значеніи этаго посланія. Она хорошо знала Моську, она знала, что это самый вѣрный, самый преданный человѣкъ Сергѣю, что если онъ такъ пишетъ—значитъ немедленно ей нужно дѣйствовать. Онъ не указываетъ, какія именно опасности, но тѣмъ это и серьезнѣе.

„Сейчасъ-же, сейчасъ къ Марьѣ Никитишнѣ!“

Она бѣгомъ добѣжала до дому, велѣла заложить лошадей и поѣхала въ Горбатовское. Она искусно навела разговоръ съ Марьей Никитишной на Сергѣя, спросила, знаетъ-ли она, что во Франціи происходятъ различные безпорядки?

— Ахъ, Танюша, ужь лучше и не говори, грустно отвѣтила ей Марья Никитишна,—какъ не знать! знаю, слышала... Рѣдкую ночь сплю спокойно, все о Сереженькѣ думается—какъ-то онъ тамъ, голубчикъ!? Совсѣмъ, совсѣмъ ему тамъ не мѣсто, давнобы пора вернуться—больно мы всѣ стосковались, не одна я—вотъ вѣдь ты, голубка... Ну чего краснѣть, вѣдь по глазкамъ вижу!..

Она обняла Таню и нѣжно гладила ее по головкѣ, какъ малаго ребенка.

— Я не отпираюсь тетенька, сказала вспыхнувшая Таня,—конечно стосковалась. Легко-ли вѣдь вотъ уже годъ цѣлый какъ онъ уѣхалъ!.. давно пора вернуться, а особливо въ такое время...

— Что ты мнѣ говоришь, будто я сама дни и ночи объ томъ-же не думаю, давно думаю, Танюша. Съ нарочнымъ письмецо послала Льву Александрычу Нарышкину, всячески умоляла его чтобы упросилъ государыню вернуть Сереженьку.

Таня встрепенулась. Моська опоздалъ—материнское сердце само во время забило тревогу!..

— Ну и что-же... что отвѣтилъ вамъ Нарышкинъ?!..

— А вотъ, читай сама, что онъ мнѣ отвѣтилъ, грустно произнесла Марья Никитишна, порылась въ своемъ ридикюлѣ, вынула письмо и подала его Танѣ.

Таня жадно принялась за чтеніе.

Нарышкинъ писалъ, что несмотря на все свое желаніе, ничего не можетъ сдѣлать. И просилъ государыню—да ничего изъ этаго не вышло... Это было загадочное письмо хитраго вельможи, который не могъ сказать истины, а между тѣмъ все-же намекалъ между строкъ на то, что какія-то важныя обстоятельства мѣшаютъ Сергѣю вернуться въ Петербургъ и что даже теперь для него самаго лучше быть подальше. Онъ успокоивалъ Марью Никитишну, увѣрялъ ее, что никакая опасность не грозитъ ея сыну а въ концѣ концовъ выходило все-таки, что неизвѣстно сколько еще времени придется молодому дипломату пробыть вдали отъ родины.

Таня опустила руки. Марья Никитишна по простотѣ своей многое не поняла изъ этаго письма, но Таня поняла все, она увидѣла, что какая-то бѣда стряслась надъ Сергѣемъ еще въ Петербургѣ. что его пребываніе въ Парижѣ—что-то въ родѣ ссылки. Но что это могло быть, что все это значило?—

она не въ силахъ была придумать, она только съ каждой минутой все яснѣе понимала, что такое положеніе невыносимо, невозможно. Нужно все это узнать, распутать.... нельзя жить съ этой таинственностью, съ этими странными, пугающими намеками, которые вотъ и въ письмѣ Нарышкина и въ письмѣ Моськи, и въ письмахъ Сергѣя...

Вѣдь что это—его послѣднія письма?! будто и не онъ ихъ пишетъ... въ нихъ столько недоговореннаго и, опять таки, таинственнаго и страшнаго.

Таня сидѣла блѣдная, почти въ забытьи. Ея сердце больно и сильно стучало. Вотъ она вздрогнула, подняла голову, взяла Марью Никитишну за руку и сказала:

— Тетенька, знаете что?!—я съ матушкой поѣду въ Парижъ.

Марья Никитишна всплеснула руками.

— Танюша, Богъ съ тобой! очнись, родная! что ты задумала.. статочное ли то дѣло, какъ вы поѣдете?!

— Такъ вотъ и поѣдемъ, тетенька! и лучше вы мнѣ ничего не говорите—я ужь рѣшила... Матушка уже давно совсѣмъ оправилась и всѣ доктора въ одинъ голосъ сказываютъ, что она вдвое еще стала-бы здоровѣе, еслибы подальше проѣхалась, прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ другомъ климатѣ...

— Слышала я это! раздумчиво шептала Марья Никитишна,—да что твои доктора!—врутъ все... Чего это по свѣту-то таскаться... живутъ люди на одномъ мѣстѣ сидючи, а вѣдь живутъ-же... и болѣютъ, и выздоравливаютъ, и до глубокой старости доживаютъ. А тутъ, вишь ты, климатъ! какой тутъ климатъ?!—

будто не хорошо у насъ... Оно-бы конечно—провѣдала-бы ты Сереженьку, узнала, какъ онъ, что, голубчикъ... да нѣтъ, гдѣ-же тамъ! все это пустое, Танюша...

— А вотъ и увидите, что не пустое!

Таня простилась съ Марьей Никитишной и даже не зайдя къ своей пріятельницѣ Еленѣ, поспѣшила домой.

— Ѣхать, ѣхать, скорѣй ѣхать думала она.— Вѣдь такъ жить невозможно, вѣдь нужно-же наконецъ узнать, что все это значитъ!..

Княгиня сначала даже не поняла, чего хочетъ отъ нея дочь, а какъ поняла, то ужаснулась:

— Танюша, да мы живы не вернемся! вѣдь убьютъ насъ, зарѣжутъ на дорогѣ!

Но Таня черезъ силу смѣялась, ласкала мать, упрашивала ее и, конечно скоро побѣдила всѣ ея опасенія. Княгиня была теперь какъ воскъ въ рукахъ ея—не только заграницу, а и въ самый адъ пошла-бы она по слову дочери.

— Дѣлай какъ знаешь, Танюша, сказала она спокойнымъ и покорнымъ голосомъ,—ѣхать такъ ѣхать... оно правда—чего бояться... вездѣ люди, не звѣри-же!...

Таня ожила и принялась за всевозможныя хлопоты, торопя отъѣздъ, съ которымъ нечего было мѣшкать.

XV.

Дни и часы.

Событія шли своимъ путемъ, постепенно расширяя его и уже не имѣя передъ собою никакой преграды. Королевское семейство, по волѣ толпы покинувшее Версаль и переселившееся въ Тюльери, въ самый центръ волнующагося Парижа, уже хорошо сознавало свое настоящее положеніе. Иллюзіи, которыми еще недавно нѣкоторые себя успокоивали, теперь окончательно исчезли—надѣяться было не на что, оставалось только смиренно ждать своей участи.

Представители лучшихъ именъ Франціи наскоро собирали свои деньги и драгоцѣнности и убѣгали въ Германію, Англію, Италію и даже Россію, покидая свои громадныя, но уже почти раззоренныя родовыя помѣстья, свои роскошные отели, покидая прибыльныя должности, теперь не приносившія дохода,

покидая своего короля въ самое страшное для него время. Почти каждый день Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ приходилось прощаться съ людьми, къ которымъ они привыкли, которыхъ еще недавно считали своими преданными и вѣрными слугами. Почти каждый день приносилъ новое разочарованіе, вмѣстѣ съ ужаснымъ сознаніемъ, что все ихъ покидаетъ, все забываетъ и не отъ кого ждать помощи, не на кого положиться.

Королева уже выплакала всѣ свои слезы: теперь ея глаза были сухи, на губахъ ея мелькала тихая и скорбная усмѣшка, когда она прощалась съ этими людьми, которыхъ постоянно осыпала милостями не по заслугамъ, для которыхъ ничего не жалѣла. Это была невыносимая усмѣшка, способная смутить самаго холоднаго человѣка—и многіе смущались, многіе блѣднѣли и опускали глаза передъ королевой, у многихъ являлось сознаніе своего тяжкаго и позорнаго грѣха—неблагодарности. Но это сознаніе скоро засыпало, убаюкиваемое чувствомъ самосохраненія—эмиграція съ каждымъ днемъ усиливалась.

Совершалось нѣчто возмутительное по своей жестокости и роковое: честнаго и добродушнаго короля, прекрасную королеву, покинулъ весь міръ. Врядъ ли Людовикъ и Марія-Антуанета сдѣлали кому либо сознательное зло въ свою жизнь. Когда они были окружены блескомъ и могуществомъ, когда они являлись на самомъ прославленномъ и высокомъ престолѣ Европы—передъ ними всѣ преклонялись, ими восхищались, они не могли внушать къ себѣ ненависти и вражды, въ сосѣднихъ государствахъ у нихъ не могло быть враговъ: они старались поддерживать

дружественныя отношенія со всѣми... Но вотъ блестящій престолъ рухнулъ, добрый король и прекрасная королева въ несчастіи, въ униженіи, на краю гибели—и ни одна дружественная рука не приходитъ къ нимъ на помощь!..

Всѣ бѣгутъ отъ нихъ какъ отъ зачумленныхъ, предоставляютъ ихъ самой страшной участи, которая начинаетъ уже всѣмъ становиться ясной...

Убѣдившись въ неблагодарности, низости и жестокости своихъ близкихъ друзей и слугъ, облагодѣтельствованныхъ ими, они обращаются за помощью къ сосѣдямъ; но сосѣди молчатъ, совсѣмъ отвертываются или глядятъ безучастно, будто не видятъ этаго невѣроятнаго, ужаснаго положенія, будто не слышатъ голоса, зовущаго ихъ на помощь. Европа желаетъ присутствовать спокойной и холодной зрительницей погибели короля и королевы Франціи.

Что должна была перечувствовать въ вынужденномъ уединеніи Тюльерійскаго дворца несчастная Марія-Антуанета?! — Она уже убѣдилась въ жестокой дѣйствительности, уже поняла что никто и ничто не придетъ къ нимъ на помощь, уже перестала вѣрить въ людей, ждать отъ нихъ какого-нибудь чувства. Она только изумлялась, что не всѣ еще разбѣжались, что они все же не совсѣмъ одиноки, что у нихъ остался десятокъ другой старыхъ друзей, которые не хотятъ ихъ покинуть и рѣшились погибнуть вмѣстѣ съ ними.

„Да уходите же, уходите скорѣе!“ говорила она въ минуты отчаянія этимъ друзьямъ;— „оставьте намъ хоть одно утѣшеніе—знать что мы никого не увлекли въ бездну вмѣстѣ съ собою!“...

Но друзья не уходили.

Въ числѣ ихъ была и герцогиня д'Ориньи. Ея отецъ и мать уже выѣхали изъ Франціи. Графъ де-Марси выпросилъ у короля послѣднія подачки, покинулъ свою упраздненную синекуру и рѣшился въ Лондонѣ, гдѣ у него были друзья и связи, выждать тяжелое время. Онъ разсчитывалъ, что все же въ концѣ концовъ дѣло обойдется благополучно и что еще настанутъ лучшія времена, когда можно будетъ вернуться на родину и снова позаботиться объ устройствѣ своихъ денежныхъ и иныхъ обстоятельствъ.

Графиня согласилась ему сопутствовать не изъ страху — она не понимала ясно того, что дѣлается кругомъ, не понимала революціи. Она видѣла только, что Версаль не существуетъ, что въ Парижѣ крайне скучно: прежняя жизнь разрушена, общества почти нѣту. А жить безъ двора, безъ общества, безъ вѣчнаго шума — она не могла, и поэтому естественно стремилась туда, гдѣ предполагала найти ту жизнь, съ которой сроднилась. Она надѣялась еще поблистать въ англійскомъ обществѣ.

Она звала съ собою и дочь; но та на отрѣзъ отказала ей. Графиня не стала настаивать, тѣмъ болѣе что Мари подарила ей довольно значительную сумму денегъ.

Герцогъ д'Ориньи уѣхалъ въ Вѣну—король и королева дали ему порученіе къ императору. Онъ не торопился возвращеніемъ. Мари занимала одна громадный, великолѣпный отель д'Ориньи; но она не знала уединенія—половину своего времени она проводила въ Тюльерійскомъ дворцѣ, а когда возвраща-

лась къ себѣ, то ее уже дожидался Сергѣй Горбатовъ. Съ нимъ она переживала безумные дни страсти.

Сергѣй давно уже свободно владѣлъ своей вывихнутой рукою. Ночь на 6-е октября, всѣ эти нежданныя событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, представлялись ему теперь тяжелымъ сновидѣніемъ. Но въ этомъ ужасномъ и мрачномъ сновидѣніи, въ этомъ кошмарѣ, для него заключалось все же много счастья. Вмѣстѣ со всѣми ужасами, онъ пережилъ въ эту ночь такія блаженныя минуты, какихъ у него еще не было въ жизни.

Уединеніе вдвоемъ съ Мари среди нѣмыхъ, полутемныхъ галлерей Версальскаго замка, ея нѣжныя заботы объ его вывихнутой рукѣ и потомъ этотъ часъ напряженнаго, тревожнаго ожиданія и волненія передъ окномъ, изъ котораго они, прижавшись другъ къ другу, были свидѣтелями величія и мужества королевы!.. Все это сблизило ихъ болѣе нежели могло бы сблизить долгое время общей жизни. Среди тревогъ и волненій наступившаго хаоса, любовь для нихъ являлась еще прекраснѣе — она удаляла ихъ отъ этой искаженной, невыносимой жизни, переносила въ иной лучезарный міръ.

Въ первые дни, вглядываясь долгимъ, горячимъ взоромъ въ глаза Сергѣя, герцогиня часто повторяла:

— Что бы мы стали теперь дѣлать, еслибъ у насъ не было другъ друга?!. Какой-то добрый геній вѣрно сжалился надъ нами!.. Забудемъ же все—пусть тамъ кипитъ эта проклятая жизнь, пусть эти безумные люди бѣснуются—какое намъ до нихъ дѣло! Сюда не проникнутъ ихъ крики... Смотри какъ все здѣсь тихо, уютно... Смотри—я не узнаю эту обстановку,

это не то, что было прежде, къ чему я привыкла!.. здѣсь все новое и волшебное.

И она оглядывалась въ изумленіи, въ экстазѣ.

Блѣдный свѣтъ голубой лампы тихо разливался по кокетливо и граціозно убранному будуару. Сергѣй видѣлъ что Мари права, что дѣйствительно вокругъ нихъ все волшебное и новое. Все, прежде неподвижное и холодное, теперь вдругъ ожило. Развѣ это не живые амуры и нимфы глядятъ на нихъ съ высокаго потолка, готовясь осыпать ихъ душистыми цвѣтами? Въ каждомъ зеркалѣ отражается какая-то невидимая, чудная перспектива, среди которой, поминутно мѣняясь, являются и исчезаютъ обольстительные образы...

— И мы одни! говоритъ герцогиня,—насъ видятъ только эти нимфы и амуры, но они не нарушатъ нашей тайны, они насъ охраняютъ...

Въ первые дни Сергѣй всецѣло отдавался этому вдругъ нахлынувшему на него счастью; онъ спѣшилъ въ этотъ тихій пріютъ какъ въ рай и забывалъ здѣсь все, что прежде его такъ томило, тревожило, мучило. Недѣля, другая прошла въ такомъ сладкомъ забытьи. Нимфы и амуры по прежнему стерегли ихъ тайну, по прежнему готовились осыпать ихъ цвѣтами. Сергѣй чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ только ростетъ и крѣпнетъ его страсть къ Мари.

А между тѣмъ къ блаженству, охватившему его и доведшему его до самозабвенія вдругъ стало примѣшиваться новое мучительное чувство—это была тоска, это было что-то даже хуже тоски, что-то похожее на упрекъ совѣсти.

Мари какъ-то въ разговорѣ упомянула про своего

мужа. Сергѣй вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Она замѣтила это.

— Неужели я тебя смутила? изумленно спросила она,— впередъ я буду осторожнѣе, дѣйствительно намъ нечего говорить о немъ и думать, онъ дальше отъ насъ чѣмъ кто-либо.

— Ахъ, какъ ты заблуждаешься! въ волненіи перебилъ ее Сергѣй,—напротивъ, онъ ближе всѣхъ и эта то близость такъ ужасна для меня! Большое благополучіе что онъ уѣхалъ, я не имѣлъ бы силы съ нимъ встрѣтиться... я ненавижу этого человѣка и въ то же время чувствую себя передъ нимъ виновнымъ, и понимаю что моя ненависть безсмысленна... Его здѣсь нѣтъ, но вѣдь со дня на день онъ можетъ вернуться—что же тогда будетъ?! Я все это время старался объ этомъ не думать, но вотъ ты сама назвала его, мы говоримъ о немъ, такъ дѣлать нечего— нужно же договориться!.. Мари, неужели ты не понимаешь, что такое положеніе ужасно, что оно тяжко, позорно. Мы любимъ другъ друга, наша любовь прекрасна, мы созданы для того, чтобы принести счастіе одинъ другому... Мы не виноваты что встрѣтились, что полюбили—иначе не могло быть... это судьба наша... А между тѣмъ все же, хотя и невольные, мы воры и преступники!..

Мари сидѣла задумчиво опустивъ руки; но при послѣднихъ словахъ его она вдругъ подняла голову и взглянула на него съ улыбкой. Ея оживленное, капризное лицо, ея сверкающіе черные глаза были прелестнѣе чѣмъ когда либо. Сергѣй глядѣлъ на нее съ восторгомъ. Когда она была такая, когда она такъ смотрѣла — она доводила его до безумія. Но зачѣмъ

же на этомъ прелестномъ, соблазнительномъ лицѣ, на этихъ горячихъ губахъ, ждущихъ поцѣлуя, такая странная усмѣшка?! Не то чтобы злое, но нехорошее что-то въ этой усмѣшкѣ.

— Ты опять принимаешься за свои старыя фантазіи, Serge! проговорила, все продолжая усмѣхаться, Мари,—tu manques de logique: „мы не виноваты что встрѣтились, что полюбили—и въ то же время воры и преступники!“ — какъ понимать это?.. нѣтъ, что нибудь одно: или мы правы, или неправы... Я полагаю что мы правы... Конечно, еслибъ я знала что встрѣчусь съ тобою, то не стала бы выходить замужъ за герцога; но вѣдь я не знала этого—и при этомъ, какъ я уже тебѣ говорила, онъ самъ меня нисколько не стѣсняетъ — слѣдовательно я права, а потому и не могу мучиться тѣми вопросами, которые такъ тебя мучаютъ. Совѣтую я тебѣ бросить твою философію—и безъ философіи жизнь теперь стала такой страшной!.. есть одна только возможность забыться и среди всякихъ ужасовъ найти счастье, а ты все отравляешь своей философіей!.. Брось это, мой другъ, пользуйся тѣмъ что даетъ жизнь...

Ея усмѣшка вдругъ исчезла—новое выраженіе, въ которомъ Сергѣй могъ бы подмѣтить, еслибы пристально смотрѣлъ на нее, нѣчто злобное и мрачное, мелькнуло въ ея глазахъ.

— Или можетъ быть, проговорила она,— ты оттого философствовать сталъ, что тебѣ уже надоѣли эти часы? тебѣ скучно со мною!.. такъ скажи мнѣ это прямо... такъ будетъ гораздо лучше!..

— Мари, ты съума сходишь! крикнулъ изумленный, негодующій Сергѣй.—Какое право ты имѣешь

такъ говорить?! У тебя не должно и не можетъ быть подобныхъ мыслей... Если бы эта любовь не была неизбѣжной, если бы въ ней не заключалась судьба моя, если бы я не чувствовалъ, что жить—и не любить тебя—для меня немыслимо, повѣрь, я бы съумѣлъ совладать съ собою и уйти отъ тебя во́ время. Ты не знаешь какую борьбу пришлось мнѣ вынести! но именно потому что я люблю тебя, не могу быть безъ тебя, потому что я вѣрю (что́ бы было со мной, еслибы я не вѣрилъ этому!) что и ты останешься ко мнѣ неимѣнной,—я и думаю о томъ, что намъ необходимо вырваться на свободу, выйти изъ этого позорнаго положенія... Я хочу любить тебя открыто, не таясь, не прячась, не скрывая отъ всѣхъ постороннихъ глазъ мое сокровище. Я не хочу быть воромъ—пойми ты это!..

Она тихо качала головою, сжимая его руки, глядѣла на него горячими глазами и вдругъ привлекла его къ себѣ и стала цѣловать.

— О, я вѣрю, вѣрю что ты меня любишь, говорила она,—такъ позабудь же все мрачное, тяжелое, раздражающее! Жизнь такъ коротка, можетъ быть даже гораздо короче, чѣмъ мы думаемъ... развѣ мы можемъ знать, какая судьба насъ ожидаетъ?! Вотъ сегодня мы здѣсь, вдвоемъ съ тобою, а завтра что будетъ? завтра? кто намъ отвѣтитъ на это?! Такъ будемъ же счастливы пока это возможно!..

Но Сергѣю было мало этого счастья, которое она ему предлагала. Для него это было не счастье, а опьяненіе и онъ уже начиналъ отрезвляться. Она не разогнала своими ласками, своими поцѣлуями тоски его.

Онъ говорилъ ей:

— Постой, подумаемъ, неужели нѣтъ выхода, неужели всю жизнь такое мученье ради твоей невольной ошибки?.. Мари, дорогая моя, ты должна развестись съ своимъ мужемъ—онъ не можетъ имѣть ничего противъ этого, онъ долженъ самъ помочь тебѣ. Я знаю что это трудно, но съ большими связями, съ большими средствами все это можно устроить... Мари, подумай только, ты будешь свободна, я по праву назову тебя своей женой!.. Если захочешь — я увезу тебя въ Россію, ты найдешь тамъ новую родину, найдешь друзей. Если же ты не хочешь этого—останемся здѣсь или уѣдемъ хоть на край свѣта... Скажи слово—и я всюду пойду за тобой, я покончу со всѣмъ и со всѣми, я порву всѣ связи, я буду жить только одной тобою!..

— О! какъ ты фантазируешь! прервала его горячую рѣчь герцогиня,—можетъ быть все это и было бы очень хорошо, но я еще никогда объ этомъ не думала и, мнѣ кажется, все это невозможно. Да знаешь ли ты что?!. нѣтъ, нѣтъ это пожалуй было бы хуже...

— Какъ хуже, что ты говоришь? я тебя не понимаю!...

— А вотъ послушай, право я теперь спокойнѣе, я увѣреннѣе въ любви твоей чѣмъ еслибы исполнилось то, о чемъ ты мечтаешь. Ты такъ еще молодъ... еслибы я была твоей женою, твоей неотъемлемой собственностью, я пожалуй бы скоро тебѣ надоѣла — ты зналъ бы что я никуда не уйду отъ тебя... Если ты философствуешь, позволь и мнѣ послѣдовать твоему примѣру, только моя философія основана на знаніи жизни, на опытѣ. Повѣрь, любовь только тогда

и заключаетъ въ себѣ поэзію и счастье, когда она окружена тайной, когда въ ней борьба. Нѣтъ, я не промѣняю этихъ нашихъ часовъ въ обществѣ нимфъ и амуровъ моего будуара, этихъ встрѣчъ во дворцѣ, когда мы передаемъ другъ другу наши чувства только быстрыми взглядами, только тайнымъ, мгновеннымъ пожатіемъ руки, я не промѣняю этаго на то, что ты мнѣ предлагаешь!...

Сергѣй слушалъ ее въ испугѣ и въ волненіи, тоска давила его все больше и больше.

— Ты сама не знаешь что говоришь, шепталъ онъ, ты на себя клевещешь. Неужели ты хочешь увѣрить меня, что ты такъ меня любишь?! Вѣдь значитъ что же? предполагая что я разлюбилъ бы тебя, еслибъ ты была моей женою, ты заставляешь и меня предполагать, что ты сама бы такъ поступила... что ты была бы способна измѣнить мнѣ! Мари, что же это такое—неужели такъ?!

Она звонко разсмѣялась.

— Можетъ быть и такъ, не знаю... право не знаю! Я знаю только что теперь-то я люблю тебя — и пожалуста оставимъ этотъ разговоръ—мы ни до чего веселаго не договоримся... Пойди лучше сюда, открой крышку клавесина... дай мнѣ вотъ эти ноты — я спою тебѣ хорошенькую пѣсню.

Онъ исполнилъ ея приказаніе. Она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла своимъ небольшимъ, но чистымъ и пріятнымъ голосомъ.

Это былъ средневѣковый романсъ, въ которомъ говорилось о пламенной и чистой любви рыцаря къ своей дамѣ, о любви, которая остается неизмѣнной

среди всѣхъ испытаній и переходитъ даже за предѣлы могилы.

Сергѣй уныло слушалъ. Тихіе, мелодичные звуки, въ которые герцогиня умѣла вложить душу и чувство, западали ему въ сердце невольнымъ упрекомъ. Ему вдругъ вспомнилась Таня. Вѣдь онъ еще такъ недавно считалъ себя ея рыцаремъ, онъ ушелъ отъ нея и обѣщалъ ей, что его чистая любовь останется неизмѣнной посреди всевозможныхъ испытаній.

Таня! бѣдная Таня! что теперь съ нею? предчувствуетъ ли она что онъ измѣнилъ ей, что онъ обманулъ ее и забылъ всѣ свои обѣщанія?!.

И вдругъ его сердце сильно и тревожно забилось, вдругъ ему почудилось, что онъ не переставалъ любить Таню...

Но звуки средневѣковаго романса замолкли, герцогиня начала новую пѣсню. Въ ней опять говорилось о любви, но уже не было ни рыцаря, ни его далекой дамы. Въ пѣснѣ этой кипѣло веселье, жажда наслажденія и жизни. Игривые звуки требовали забвенія всѣхъ тревогъ и заботъ. Солнце свѣтитъ, небо безоблачно, вся природа ликуетъ—будемъ же любить и наслаждаться, пока не найдутъ тучи, пока не грянетъ громъ и не заблеститъ молнія. Пусть приходитъ гроза въ свое время и чѣмъ она ближе, тѣмъ съ большей жадностью нужно ловить свѣтлый мигъ—въ этомъ вся задача...

Но Сергѣй уже не могъ больше слушать. Безумные, страстные звуки увлекли его, затуманили. Онъ видѣлъ только прелестное лицо Мари, длинныя рѣсницы ея полуопущенныхъ глазъ, ея почти дѣтскія,

тонкія руки, ея нѣжные полупрозрачные пальцы, быстро бѣгавшіе по клавишамъ...

Жизнь зоветъ.. гроза близка, нужно ловить послѣднія свѣтлыя мгновенья!—Боже мой, да вѣдь можетъ быть она права—вѣдь это жизнь, это мука и въ этой мукѣ столько блаженства!..

Онъ склонился къ Мари, засматривалъ ей въ глаза.

— Оставь, не пой, я съума схожу отъ твоего пѣнія! Ты сирена... ты волшебница!..

— Говорятъ!.. съ граціозной и кокетливой минкой отвѣтила она, прерывая свою пѣсню и беря послѣдніе аккорды.—Говорятъ, что сирена .. только развѣ это дурно? развѣ ты хотѣлъ бы, чтобы я была другая?..

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу... Будь сиреной, будь вакханкой, будь кѣмъ хочешь, — только люби меня!..

XVI.

Графъ Монтелупо.

Такимъ образомъ страсть Сергѣя, начавшись для него мученіемъ, потомъ давши ему нѣсколько дней безумнаго счастья, скоро опять превратилась въ муку. Онъ снова проводилъ безсонныя ночи, — искалъ исхода изъ своего невыносимаго положенія, томился тѣмъ, что Мари будто не хочетъ понять его.

„Да нѣтъ-же, нѣтъ, успокоивалъ онъ себя, — конечно, она хорошо все это понимаетъ и чувствуетъ, только то рѣшеніе вопроса, которое я нахожу возможнымъ, ей почему-то—по крайней мѣрѣ теперь—представляется труднымъ и она, просто жалѣя себя и меня, старается забыться... Но вѣдь такъ не будетъ-же продолжаться, придетъ время—и она сама увидитъ, что нужно со всѣмъ этимъ кончить!..“

Онъ успокоивалъ себя такими разсужденіями а между тѣмъ тоска его не проходила. Онъ чувствовалъ, не отдавая себѣ даже сознательнаго отчета,— что въ Мари есть что-то странное, что-то такое, чего онъ не хотѣлъ бы въ ней видѣть.

Но какимъ-бы несчастнымъ онъ почелъ себя, еслибы могъ хоть на мигъ одинъ заглянуть въ ея душу! Онъ все-же вѣрилъ въ любовь ея, вѣрилъ, что они сошлись не случайно и не временно...

А между тѣмъ она уже начинала съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствовать, что встрѣча ихъ именно временная, одна изъ тѣхъ встрѣчъ, которыя у нея уже были. Ея обращеніе съ Сергѣемъ не измѣнилось, она была такъ-же нѣжна и ласкова, но эти тихіе вечера уже не доставляли ей такого счастія, какъ въ первое время. Еслибы онъ могъ быть наблюдательнѣе, онъ-бы подмѣтилъ въ ней иногда не то усталость, не то скуку. Среди живого разговора, среди нѣжныхъ словъ и въ особенности въ то время, когда онъ развивалъ передъ нею свои мечты, свои планы, свои надежды, въ которыхъ она, конечно, играла первую роль,—она вдругъ иногда умолкала и сидѣла неподвижно, опустивъ руки. Живыя краски сбѣгали съ лица ея, огонь ея глазъ потухалъ и вся ея красота, заключавшаяся главнымъ образомъ въ этомъ оживленіи, въ веселости, остроуміи, почти исчезала. Она дѣлалась такъ блѣдна, апатична, она вдругъ какъ будто старѣла...

Ей становилось просто скучно, а скука была первымъ врагомъ ея, отъ котораго она бѣжала какъ отъ чумы, котораго прогнать она всегда была готова всякими средствами, всякими даже жертвами...

И какъ-же ей было не скучать! вѣдь это все одно и тоже: Сергѣй остается неизмѣннымъ, онъ только съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе ее любитъ, онъ съ каждымъ днемъ сильнѣе тоскуетъ и мучается... Онъ все увѣряетъ ее въ любви своей... Боже мой, да она сама видитъ, слишкомъ даже видитъ, что онъ ее чрезмѣрно любитъ, только пусть-бы ужь лучше любилъ поменьше, да съумѣлъ-бы прогнать ея скуку!..

Только очень чистыя женщины, стоящія на большой нравственной высотѣ, способны какъ слѣдуетъ оцѣнить любовь человѣка и сильно любить за то, что ихъ сильно любятъ. Большинство-же женщинъ, и въ особенности такихъ женщинъ, какою была герцогиня, не нуждаются въ истинномъ и сильномъ чувствѣ. Чтобы заставить такихъ женщинъ любить себя, чтобы приковать ихъ къ себѣ на долгое время, человѣкъ долженъ отдавать имъ какъ можно меньше своего сердца, получить надъ ними власть и пользоваться ею деспотически.

Сергѣй могъ заинтересовать и увлечь герцогиню своей красотой, своей молодостью и свѣжестью, пріятными сторонами своего ума и характера. Онъ являлся передъ нею совсѣмъ новымъ человѣкомъ, онъ такъ не похожъ былъ на тѣхъ молодыхъ людей, съ которыми она до сихъ поръ встрѣчалась въ Парижѣ и въ Версали. Онъ увлекъ ее сильнѣе, чѣмъ кто либо, но удержать ее не было въ его силахъ. Онъ слишкомъ ей поддавался, слишкомъ былъ послушенъ. Угождать ей, исполнять всѣ ея желанія и капризы было для него потребностью, а собственныхъ желаній и капризовъ передъ нею у него не было.

Потомъ онъ строилъ планы, онъ вотъ хочетъ заставить ее развестись съ мужемъ, надѣлать бездну глупостей. Онъ пожалуй вздумаетъ оторвать ее отъ всего что ей близко, съ чѣмъ она сроднилась, безъ чего жить не можетъ... О, конечно, онъ считаетъ ее своею собственностью, думаетъ, что вся ея жизнь, какъ есть вся жизнь, должна теперь сосредоточиться въ немъ одномъ. Какъ онъ ни нѣженъ, ни послушенъ, ни мягокъ—онъ, конечно, самый смѣшной ревнивецъ! Она еще не успѣла убѣдиться въ этомъ, до сихъ поръ она не подавала ему повода къ ревности, но она не можетъ ошибиться—онъ такъ по дѣтски, такъ глупо любитъ... и потомъ—эти вѣчныя нѣжныя элегическія признанія.

Она любила ихъ въ пятнадцать лѣтъ, когда жила еще въ стѣнахъ монастыря, признанія эти понравились ей и въ немъ, напомнили ей то старое время ея дѣвической наивной жизни.

Но что было хорошо въ первые дни ихъ любви, то вѣдь наконецъ становится и скучнымъ!..

Конечно онъ милъ иногда, онъ такой славный мальчикъ,—совсѣмъ ребенокъ... Мило въ немъ и то, что онъ не знаетъ жизни, что онъ еще не усталъ, не пресытился жизнью какъ всѣ его сверстники. Да вѣдь она то устала, она пресытилась, ей необходимо разнообразіе—а то она умретъ отъ скуки!

Бѣдный Сергѣй! ему стоило только затѣять маленькую игру, стоило начать опаздывать на свиданія съ нею, разъ другой совсѣмъ не явиться, завести какую нибудь легкую, мимолетную интригу, о которой стали-бы говорить, о которой-бы и она узнала,—тогда она перестала-бы скучать, въ ней все-же было

на столько къ нему чувства, чтобы взволноваться этимъ. И еслибы въ объясненіи съ нею онъ выдержалъ характеръ, еслибы онъ успѣлъ доказать ей, что она можетъ легко его лишиться—она ни за что-бы его не выпустила—и чѣмъ больше-бы онъ сталъ пренебрегать ею, тѣмъ больше-бы у него было надъ нею власти.

Но на подобную игру Сергѣй не былъ способенъ. Еслибы какой-нибудь опытный другъ посовѣтовалъ ему все это, онъ почелъ-бы этого друга врагомъ, а благоразумные совѣты—святотатствомъ.

Онъ началъ наконецъ замѣчать въ Мари какую-то странную перемѣну—она уже положительно скучала и не могла скрывать этого.

— Ты блѣдна, ты грустишь?! съ тоскою говорилъ онъ, вглядываясь въ ея потухающіе глаза, Мари, что съ тобою, скажи мнѣ, ради Бога?!.

— Ровно ничего, отвѣчала она, — мнѣ просто скучно...

Скучно!! Онъ совсѣмъ не понималъ этого. Могло быть тяжко, грустно, страшно—но только не скучно! Онъ старался вывести ее изъ этого страннаго настроенія — удвоивалъ къ ней свою нѣжность, свои ласки, всячески доказывалъ ей любовь свою. Но этимъ онъ только вредилъ дѣлу—Мари становилась все страннѣе и страннѣе...

Однажды, подъѣзжая въ обычный часъ къ отелю д'Ориньи, Сергѣй еще съ улицы замѣтилъ свѣтъ въ нѣкоторыхъ окнахъ.

«Что бы это такое могло значить? съ безпокойствомъ подумалъ онъ.—Неужели герцогъ вернулся?!.

Его сердце болѣзненно забилось. Онъ рѣшительно не въ состояніи былъ встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ, котораго зналъ очень мало, который всегда оказывалъ ему самую изысканную любезность. Ненависть охватила его.

«Что-жь такое что она его не любитъ! вѣдь онъ ея мужъ, онъ имѣетъ самыя страшныя права на нее!»...

Но онъ все же можетъ быть какъ нибудь справился бы со своей ненавистью — онъ не могъ справиться съ другимъ чувствомъ, съ сознаніемъ своего унизительнаго положенія передъ этимъ человѣкомъ. Вѣдь онъ долженъ лгать передъ нимъ, безсовѣстно лгать, выказывать ему почтительную любезность...

«Нѣтъ, я не могу съ нимъ встрѣтиться! рѣшилъ Сергѣй, — я не выдержу, у насъ сегодня же плохо кончится... а между тѣмъ, ради Мари, ради ея спокойствія, это невозможно!!».

Онъ уже хотѣлъ ѣхать обратно; но мысль, что, можетъ быть, герцогъ не возвращался, что свѣтъ въ окнахъ имѣетъ какое нибудь другое объясненіе — остановила его. Привратникъ объяснилъ ему, что у герцогини гости. Большая тяжесть спала съ души его и ее замѣнило изумленіе:

«Гости! вѣдь она почти никого не принимала все это время — и въ этотъ часъ она всегда ждала его, всегда бывала одна». .

Съ неопредѣленнымъ, мрачнымъ предчувствіемъ, съ тоскою прошелъ онъ рядъ освѣщенныхъ комнатъ и вошелъ уже не въ будуаръ, а въ одну изъ парадныхъ гостиныхъ. Мари встрѣтила его и сразу поразила: блѣдности, апатіи и скуки послѣднихъ дней

въ ней не было и слѣда. Она снова сіяла красотой и оживленіемъ, она была мила и весела какъ въ то время, когда онъ только что узналъ ее.

Общество, собравшееся въ ея гостиной, было ему знакомо. Почти со всѣми этими лицами онъ уже встрѣчался въ Версали. Это былъ интимный, родственный кружокъ герцогини: два-три дяди ея, еще недавно занимавшіе важныя мѣста и теперь незнавшіе на что рѣшиться: послѣдовать ли примѣру графа де Марси и спѣшить вонъ изъ Парижа или остаться въ ежедневно рѣдѣющемъ кружкѣ Тюльери. Были тутъ двѣ тетки-старушки, кузина, потомъ неизмѣнный членъ великосвѣтской гостиной—изящный аббатъ съ вкрадчивыми манерами и тихимъ голосомъ, съ быстрыми глазами, умѣющими проникать всюду и подмѣчать даже и то, чего никто не видѣлъ.

Но среди этого небольшаго кружка оказалось и новое лицо, которое сразу остановило на себѣ вниманіе Сергѣя. Это былъ человѣкъ уже не молодой, но далеко еще и не старый, хорошо сохранившійся, крѣпко сложенный. Онъ одѣтъ былъ съ изящной простотою, весь въ черное—и этотъ черный костюмъ еще болѣе выдѣлялъ красоту его смуглаго лица съ рѣзкими чертами, съ огненными глубокими глазами, которые не то тревожно, не то пытливо глядѣли изъ подъ густыхъ, почти сросшихся бровей. Это лицо непріятно поразило Сергѣя, онъ замѣтилъ въ немъ что-то отталкивающее, что-то фальшивое. Еще у порога гостинной, гдѣ встрѣтила его хозяйка, онъ спросилъ ее:

— Кто это?

— Это очень интересный человѣкъ, отвѣтила Мари, —меня имъ сильно заинтересовала моя тетка, маркиза. Его зовутъ—графъ Монтелупо, онъ итальянецъ, извѣстный путешественникъ, ученый, докторъ, обладающій многими важными медицинскими секретами, добытыми имъ на востокѣ...

— Я никогда не слыхалъ о немъ, проговорилъ Сергѣй.

Герцогиня даже какъ будто обидѣлась на это его замѣчаніе.

— Мало ли о комъ вы не слыхали, но это не мѣшаетъ ему быть тѣмъ, что онъ есть—а именно очень интереснымъ человѣкомъ.

— Въ это время къ нему подошла старуха маркиза.

— Ah, monsieur Gorbatoff, очень рада васъ видѣть—и этимъ удовольствіемъ я обязана графу Монтелупо—вѣдь вы не имѣете обычая навѣщать такихъ скучныхъ старухъ какъ я. А я все время была очень больна—не могла шевельнуться и если бы не графъ, который самымъ чудеснымъ способомъ спасъ меня, я врядъ ли когда либо была бы въ состояніи появиться въ гостиной моей племянницы... Однако что же мы стоимъ? пойдемте... Мари, познакомь скорѣе monsieur Горбатова!..

Сергѣй и графъ Монтелупо вѣжливо раскланялись другъ передъ другомъ. Старуха маркиза опять заговорила обращаясь къ Сергѣю:

— Да, вотъ, вотъ мой спаситель! не будь его, да я можетъ быть и мѣсяца не прожила бы.

— Чѣмъ же вы были больны, маркиза? почелъ своимъ долгомъ освѣдомиться Сергѣй.

— Ахъ, лучше и не спрашивайте меня! страшно и подумать... я не знаю названія моей болѣзни; но дѣло не въ названіи. У меня вдругъ отнялась нога... и при этомъ боли... боли! ни днемъ ни ночью не имѣла покою... Вдругъ пріѣзжаетъ въ Парижъ графъ; у него было рекомендательное письмо ко мнѣ отъ одной моей пріятельницы. Недвижимая на своей постели я не рѣшилась принять его... тогда онъ мнѣ написалъ, разсказалъ всѣ симптомы моей болѣзни и увѣрялъ что меня вылѣчитъ. Признаюсь, къ большому стыду своему и съ сердечнымъ раскаяніемъ признаюсь, что я сильно сомнѣвалась. Но вотъ графъ явился, сдѣлалъ какую-то смѣсь, обмакнулъ въ эту смѣсь кисточку, нарисовалъ на моей несчастной ногѣ какой-то знакъ, произнесъ при этомъ таинственныя слова—и, какъ видите, я здорова, я хожу, всѣ мои боли, всѣ мои мученія прошли какъ сонъ...

Сергѣй взглянулъ на итальянца,—тотъ сидѣлъ полуопустивъ глаза, на лицѣ его выражалось спокойствіе и чувство собственнаго достоинства.

— Болѣзнь маркизы, произнесъ онъ на ломанномъ французскомъ языкѣ,—хотя и казалась здѣшнимъ докторамъ непонятной и опасной, но для меня она была совершенный пустякъ. Мнѣ удавалось въ одинъ день излѣчивать самыя страшныя болѣзни, признанныя всѣми медицинскими знаменитостями за неизлечимыя.

— Въ такомъ случаѣ вы обладаете самыми могущественными средствами! едва скрывая невольную улыбку замѣтилъ Сергѣй —Но, скажите пожалуйста, причемъ же тутъ таинственныя слова, о которыхъ упомянула маркиза?

Итальянецъ поднялъ на Сергѣя свои черные, пронзительные глаза, и съ едва замѣтной усмѣшкой отвѣтилъ:

— Главная сила моихъ средствъ и заключается въ этихъ словахъ; ту смѣсь, которую я дѣлаю, можно анализировать, ее можетъ приготовить всякій: но безъ знанія необходимыхъ словъ она не произведетъ никакого дѣйствія.

— Мнѣ до сихъ поръ не приходилось встрѣчаться съ подобными чудесами, сказалъ Сергѣй,—и я не полагалъ, чтобы какое нибудь слово могло имѣть исцѣляющую силу; но предъ вашимъ свидѣтельствомъ я конечно, долженъ смолкнуть.

Онъ учтиво и сухо поклонился и отошелъ отъ графа Монтелупо.

«Да вѣдъ это—или сумасшедшій, или самый наглый обманщикъ! подумалъ онъ,—что выжившая изъ ума старушка маркиза поддалась всему этому—немудрено; но какимъ образомъ Мари можетъ имъ интересоваться?»..

А между тѣмъ онъ видѣлъ, что и Мари и всѣ присутствующіе смотрятъ на этого итальянца какъ на какое-то особенное существо, засыпаютъ его любезностями, ловятъ каждое его слово. Только на губахъ изящнаго аббата по временамъ мелькала саркастическая усмѣшка, которую онъ однако тотчасъ же и пряталъ, стараясь представиться такимъ же заинтересованнымъ и восхищеннымъ какъ и всѣ остальные.

Графъ Монтелупо возобновилъ свой разсказъ, прерванный появленіемъ Сергѣя. Онъ отвратительно го-

ворилъ по французски, но очень бойко и обладалъ даромъ слова. Къ тому же онъ разсказывалъ самыя невѣроятныя вещи и увлекалъ не формой разсказа, а его содержаніемъ. По его словамъ онъ недавно вернулся изъ Азіи, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, преимущественно въ Тибетѣ.

— Чему-же изумляться, говорилъ онъ,—если я могу своими средствами возстановить разстроенную функцію какого нибудь органа! Мои познанія могутъ удивлять въ Европѣ; но для Азіи онѣ слишкомъ ничтожны. Я только ученикъ великихъ учителей...

— Но если ученикъ производитъ такія чудеса, съ благоговѣніемъ произнесла старушка маркиза,—то что могутъ сдѣлать учители!?..

— Все, что угодно! торжественно и спокойно отвѣтилъ графъ Монтелупо,—для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Въ Тибетѣ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Далай-Лама, при огромномъ стеченіи народа, кинжаломъ распоролъ себѣ животъ, собственными руками вынулъ всѣ свои внутренности, положилъ ихъ въ большой тазъ съ водою, вымылъ, затѣмъ опять вложилъ на мѣсто, замазалъ громадный, зіяющій разрѣзъ одному ему извѣстнымъ составомъ — и черезъ нѣсколько минутъ не осталось никакого видимаго слѣда отъ этой страшной операціи. Только Далай-Лама казался гораздо бодрѣе. Народъ ликовалъ; вода въ которой Далай-Лама вымылъ свои внутренности, получила цѣлительную силу и каждая ея капля цѣнилась на вѣсъ золота...

— И вы сами, своими глазами все это видѣли! съ волненіемъ въ голосѣ произнесла Мари.

— Конечно! иначе я-бы не сталъ и разсказывать,

герцогиня! я находился въ двухъ шагахъ отъ Далай-Ламы и видѣлъ такія подробности, послѣ которыхъ уже не могъ сомнѣваться въ дѣйствительности происшедшаго... Но и это еще не все — восточные мудрецы способны на большее. Опять таки у меня на глазахъ одинъ изъ нихъ оживилъ мертвеца, пролежавшаго около полугода въ замуравленномъ склепѣ, въ герметически закупоренномъ гробу...

— Это непостижимо! это поразительно! повторяли всѣ и слушали съ открытыми ртами, жадно впиваясь глазами въ разскащика, не смѣя дышать, боясь проронить одно его слово.

И Сергѣй съ изумленіемъ видѣлъ, что болѣе всѣхъ поражена, болѣе всѣхъ возбуждена Мари. Глаза ея сверкали и искрились, на щекахъ то и дѣло вспыхивалъ румянецъ. Она подсѣла ближе къ графу Монтелупо, она глядѣла на него почти съ обожаніемъ.

Сергѣй не могъ выносить этого. Его не такъ возмущалъ самый разсказъ графа—онъ всегда съ удовольствіемъ слушалъ интересныя сказки и даже въ извѣстномъ настроеніи, былъ готовъ почесть самую причудливую сказку за дѣйствительность. Его возмущала не сказка, а сказочникъ, его тонъ, его манера, въ которыхъ онъ все яснѣе и яснѣе подмѣчалъ что-то фальшивое и наглое. Ему еще не случалось встрѣчаться съ шарлатанами авантюристами, которыхъ было такъ много въ теченіи XVIII столѣтія, и которые очень ловко пользовались довѣрчивостью общества и отлично устраивали свои дѣла въ столицахъ Европы, но онъ много слышалъ о подобныхъ людяхъ, и, вглядываясь въ этого итальянца, не сомнѣвался, что онъ принадлежитъ къ числу ихъ.

Но вѣдь Мари не разъ при немъ зло и остроумно смѣялась надъ такими шарлатанами, надъ этими дѣлателями философскаго камня и открывателями универсальныхъ цѣлебныхъ средствъ. Такъ что-же это съ нею? чѣмъ этотъ сказочникъ такъ увлекъ ее, куда дѣвался ея апломбъ, ея остроуміе, ея живой и насмѣшливый умъ? Она какъ глупая дѣвочка слушаетъ эти разсказы и принимаетъ ихъ какъ откровеніе.

Да и полно—что это за графъ Монтелупо?! Тотъ-ли онъ еще, за кого выдаетъ себя?—кто его знаетъ? Въ его манерѣ, въ его обращеніи столько дѣланнаго, онъ такъ не похожъ на человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу...

Сергѣю стало тяжело и скучно, разсказы итальянца его не увлекали. Онъ поднялся и отговариваясь дѣлами сталъ прощаться.

Мари его не удерживала и разсѣянно протянула ему руку. Ихъ взгляды встрѣтились; но въ первый еще разъ онъ не прочелъ въ ея глазахъ ничего, къ чему привыкъ, воспоминаніемъ о чемъ всегда жилъ отъ минуты разлуки до новаго свиданія съ нею.

Она его будто совсѣмъ не видѣла.

XVII.

Нежданная радость Моськи.

Красивый и обширный отель у церкви Магдалины былъ окутанъ вечерними сумерками. Стояла свѣжая и ясная зимняя погода. Безчисленныя звѣзды высыпали на темное небо. А внизу, кругомъ отеля, на бульварахъ шла обычная городская жизнь. Пестрая толпа мѣнялась то и дѣло, мигали ряды зажженныхъ фонарей, огни въ лавочкахъ, магазинахъ и кофейняхъ. Всюду слышался оживленный говоръ, иногда доносились звуки удалой, возбуждающей пѣсни...

Стоило немного прислушаться и приглядѣться— и легко можно было по тому, что дѣлалось и говорилось, въ полчаса какихъ-нибудь, въ часъ, уяснить себѣ настроеніе умовъ и положеніе дѣлъ въ Парижѣ. Несмотря даже на зимнее время и на этотъ, хоть

и ясный, но довольно холодный вечеръ, все-таки вся парижская жизнь была на улицѣ. По домамъ оставались только дѣти да устарѣлые люди, которымъ было не до жизни. И сразу становилось яснымъ, что этотъ Парижъ, вышедшій на улицу не изъ богатыхъ палатъ, а по большей части изъ коморокъ и чердаковъ, находится въ самомъ веселомъ, возбужденномъ настроеніи духа, что онъ чувствуетъ себя хозяиномъ и не боится никакихъ стѣсненій. Но опять-таки въ этой свободѣ, въ этомъ веселіи чувствовалось что-то худшее даже самой неволи, — среди видимой безопасности была самая страшная опасность, опасность безпорядка, безначалія, каприза дикой черни, всѣхъ этихъ безцеремонныхъ, грубыхъ мужчинъ и женщинъ, при встрѣчахъ величавшихъ другъ друга „citoyen“ и „citoyenne“ и въ то-же время не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о своихъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Въ этой атмосферѣ могъ себя хорошо чувствовать только человѣкъ ни надъ чѣмъ незадумывавшійся, не имѣвшій за душой ничего близкаго, ничего дорогаго и святаго...

Толпа сновала взадъ и впередъ. Иные останавливались и безцеремонно усаживались на широкихъ ступеняхъ подъѣзда отеля, въ которомъ жилъ Сергѣй Горбатовъ. Нѣсколько человѣкъ прислуги, вышедшей изъ отеля вступало въ бесѣду съ проходящими и отдыхавшими на подъѣздѣ; только въ числѣ этой прислуги конечно не было ни одного русскаго человѣка. Всѣ люди, привезенные Сергѣемъ изъ Петербурга, а ихъ можно было насчитать около дюжины,—выходили на улицу только въ крайнемъ слу-

чаѣ. Если хозяина не было дома они обыкновенно собирались въ кухнѣ и толковали о своемъ горестномъ положеніи, о томъ, скоро-ли придется вернуться на родину.

Такъ было и теперь. Хозяинъ уѣхалъ,—онъ въ это время въ гостиной герцогини, съ тоскою и изумленіемъ слушалъ розсказни графа Монтелупо,—и его ожидали домой во всякомъ случаѣ не раньше полуночи. Только въ кухнѣ да въ сѣняхъ виднѣлся свѣтъ. Обширные и раскошные покои стояли почти въ полномъ мракѣ, слабо озаряемые едва мелькающимъ отблескомъ уличныхъ фонарей. Впрочемъ въ отелѣ была одна небольшая комната, вблизи отъ спальни Сергѣя, въ которой былъ зажженъ огонь—эту комнату занималъ карликъ Моська.

Грустно проводивъ Сергѣя,—онъ конечно хорошо зналъ куда отправляется «дите» каждый вечеръ — Моська прошелъ въ свою комнату и улегся на свою маленькую кроватку. Сонъ составлялъ теперь его единственное утѣшеніе, но онъ рѣдко могъ пользоваться этимъ утѣшеніемъ—совсѣмъ плохо стало спаться. Вотъ и теперь, какъ ни старался онъ, а все-же никакъ не могъ заснуть, только поворачивался съ боку на бокъ, старался найти какое-нибудь самое удобное положеніе — то нога, то рука помѣшаетъ, то уху почему-то совсѣмъ неловко и даже больно.

— Нѣтъ, не заснешь! нечего валяться! прошепталъ Моська и слѣзъ съ кровати.

— А и стужа въ комнатѣ! продолжалъ онъ свой шепотъ,—думать вслухъ была его старая привычка. —А и стужа-же, оно не мудрено, какъ тамъ ни го-

вори, все-же таки хоть и французская, а вѣдь зима! .. даромъ что снѣгъ пойдетъ и въ ту-же минуту растаетъ... а утренники порядочные стали .. Ну, а въ домѣ вонъ и зимнихъ рамъ нѣту—отъ окошекъ какъ изъ пропасти дуетъ.

Онъ сѣлъ на кроватку и оглядѣлъ комнату. Комната его была небольшая, но уютная, съ двумя свѣтлыми, широкими окнами, съ мягкой, низенькой мебелью, съ каминомъ. Когда Сергѣй Горбатовъ въѣхалъ въ отель и рѣшено было, что карликъ займетъ эту комнату—она ничѣмъ не отличалась отъ подобныхъ-же помѣщеній въ богатыхъ парижскихъ домахъ. Но не прошло и недѣли, какъ внѣшность ея совсѣмъ измѣнилась. Остался только лѣпной, высокій потолокъ, да каминъ съ широкимъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и двумя прекрасными севрскими вазами.

Моська устроилъ себѣ дѣтскую кроватку съ высоко избитыми пуховыми перинами и цѣлымъ десяткомъ подушечекъ малъ мала меньше, возвышавшихся пирамидой у изголовья. Кровать была покрыта ваточнымъ одѣяломъ, состоявшимъ изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ и квадратиковъ всевозможныхъ матерій, очень красиво подобранныхъ и сшитыхъ. Это одѣяльце было сшито въ Горбатовскомъ по приказанію Марьи Никитишны, даже подъ ея личнымъ руководствомъ, и подарено ею Моськѣ въ день его ангела.

Въ правомъ углу комнаты помѣщался кіотикъ съ образами, передъ которыми горѣла неугасимая лампадка. Тутъ-же была воткнута и верба, и тоненькая восковая свѣчка съ налѣпленными на нее двѣнад-

цатью восковыми катышками — эту свѣчку Моська хранилъ отъ послѣдняго великаго Четверга, отъ „двѣнадцати Евангелій“. Въ кіотикѣ-же помѣщалось, вмѣстѣ съ образами, красное пасхальное яичко, два пузырька, заткнутыхъ воскомъ и заключавшихъ въ себѣ—одинъ святое масло, другой—святую воду. Тутъ также лежала и ватка отъ „Иверской“, и колечко отъ святой великомученицы Варвары.

Самое видное мѣсто въ кіотѣ занималъ образъ Преподобнаго Сергія, съ висѣвшимъ на немъ тоненькимъ шелковымъ пояскомъ. На этомъ пояскѣ была выткана молитва угоднику и три раза покоился этотъ поясокъ на мощахъ Преподобнаго.

Моська самъ привезъ его отъ „Сергія-Троицы“ въ послѣдній разъ какъ былъ тамъ. Онъ хотѣлъ было, какъ въ прежнее время, опоясать имъ „Сереженьку“, да тутъ-же и раздумалъ.

„Броситъ дитё неразумное, не станетъ носить святыню... французъ проклятый надругается только!..“

Но никому не подарилъ Моська этого пояса и вотъ теперь аккуратно каждый вечеръ вынималъ его изъ кіоты и незамѣтно клалъ подъ подушку Сергѣю.

По стѣнамъ Моськиной комнаты были развѣшаны, булавками приколотыя къ обоямъ, плохія гравюры библейскаго содержанія и лубочныя картинки, по большей части изображавшія „адскія мученія“. Карликъ чрезвычайно любилъ подобныя картинки или „листы“, какъ онъ называлъ ихъ. Особенно же нравились ему „мученія грѣшниковъ“ и чѣмъ такая лубочная картина была безобразнѣе, тѣмъ болѣе находилъ въ ней прелести Моська. Иногда въ свобод-

ныя минуты, онъ останавливался передъ „адскими мученіями“ и смотрѣлъ на нихъ долго, не отрываясь. Воображеніе его, прицѣпившись къ какой нибудь отвратительной фигурѣ чорта съ хвостомъ и бычачьими рогами, или поджигаемаго грѣшника, похожаго на что угодно только не на человѣка,—рисовало ему грандіозную и страшную картину, и Моська трепеталъ отъ ужаса.

Онъ собиралъ эти листы всю свою жизнь и никогда не разставался съ ними. Уѣзжая куда нибудь онъ снималъ ихъ со стѣны своей комнатки въ Горбатовскомъ, сдувалъ съ нихъ пыль, свертывалъ ихъ въ трубочку и, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ или въ Москву, или вотъ теперь въ Парижъ, прикалывалъ ихъ къ стѣнамъ своего новаго помѣщенія. Картинки были отрепаны, запылены, засижены мухами, но по прежнему милы и дороги Моськѣ.

У окошка на столикѣ стоялъ подносъ, кувшинъ съ квасомъ и опрокинутый стаканчикъ. Моська не могъ жить безъ квасу и первымъ дѣломъ позаботился о томъ, чтобы въ числѣ штата, взятаго изъ Петербурга за границу, находился и одинъ изъ Горбатовскихъ поваровъ, спеціальность котораго была—приготовленіе самаго вкуснаго и почти даже цѣлебнаго квасу. Рецептъ этаго кваса, въ числѣ многихъ другихъ, пріятныхъ и полезныхъ для домашняго обихода секретовъ, принесла съ собою Марья Никитишна въ горбатовское хозяйство.

Посреди комнаты стоялъ другой, довольно большой столъ на коротенькихъ ножкахъ и передъ нимъ маленькое, покойное креслице. На столѣ лежало нѣсколько книгъ, чернильница, перья, бумага. Это

былъ письменный столъ карлика, у котораго онъ работалъ по нѣсколько часовъ въ день, сочиняя письма для прислуги, для поваровъ и лакеевъ, привезенныхъ изъ Петербурга. Они истомились тоской по родинѣ и находили единственную отраду посредствомъ Моськи бесѣдовать со своими присными о „всякихъ здѣшнихъ басурманскихъ мерзостяхъ“.

Дверь въ Моськину комнату всегда стояла на запорѣ. Онъ не любилъ чтобы кто нибудь безъ него входилъ въ его помѣщеніе. Онъ вставалъ всегда чѣмъ свѣтъ и самъ убиралъ и выметалъ свою комнату, а выходя запиралъ ее и ключъ клалъ въ кармашекъ камзола. По этому то въ цѣлые дни запертой Моськиной комнатѣ, какъ въ Горбатовскомъ, въ Петербургѣ, такъ и здѣсь— стоялъ особенный запахъ лампаднаго масла, мятнаго квасу и еще чего-то неуловимаго, но ничуть не противнаго, а пріятнаго даже, однимъ словомъ запахъ монастырской кельи.

Сергѣй съ дѣтства зналъ и любилъ этотъ запахъ. У него всегда какъ-то спокойно и тихо становилось на душѣ какъ только онъ его заслышитъ и поэтому нерѣдко онъ заглядывалъ въ Моськину келью. Заглядывалъ онъ въ нее и теперь, въ это послѣднее время, только ужь Моськинъ воздухъ не производилъ на него прежняго, умиротворяющаго дѣйствія. Слишкомъ шумная и тревожная гроза бушевала въ его сердцѣ...

Моська нѣсколько минутъ просидѣлъ на своей кровати, но холодъ началъ пронимать его. Изъ оконъ дѣйствительно сильно дуло.

— Растопить каминъ, подумалъ Моська,—а то того и жди лихоманку схватишь!

Онъ подошелъ къ камину, растопилъ его и слѣдилъ какъ пламя перебѣгаетъ съ одного полѣшка на другое и вотъ охватило ихъ всѣ и засверкало, и заструилось и помчалось вверхъ, пропадая въ темномъ каминномъ устьѣ. Дерево весело трещало, корчась и пламенѣя. Красный отблескъ обдавалъ крохотную фигуру Моськи, его сморщенное, грустное и значительно похудѣвшее въ послѣднее время личико. Онъ стоялъ повертываясь то однимъ бокомъ то другимъ къ огню и становя то одну, то другую ногу на каминную рѣшетку. Вотъ онъ и совсѣмъ согрѣлся, даже черезъ чуръ жарко стало.

— Ну что въ немъ толку, въ этомъ каминѣ-то, зашепталъ онъ, — согрѣешься, накалишься, а отошелъ,—и опять холодъ... и потомъ, вѣдь никакого тепла не держитъ. И это, говорятъ, умный народъ! нечего сказать—умный! до печки не додумался. Что такое зимнія рамы не знаютъ... дрожатъ, мерзнутъ, плачутся, а какъ пособить горю имъ и не въ домекъ, а ужь чего бы, кажись, легче!.. Эхъ, кабы тутъ да лежаночку!

Ему такъ ясно, ясно вспоминалась его коморка въ Горбатовскомъ съ вѣчно горячей лежанкой, на которой онъ такъ любилъ подремать, свернувшись клубочкомъ.

— Эхъ! кабы тутъ моя лежаночка! грустно повторилъ онъ, отошелъ отъ камина и присѣлъ въ креслицѣ передъ своимъ письменнымъ столикомъ.

Онъ зажегъ двѣ свѣчки въ низенькихъ шандалахъ и принялся за работу: открылъ на замѣченныхъ бумажками страницахъ три книги: первая книга была— Евангеліе на славянскомъ языкѣ, старинная, заса-

ленная, въ толстомъ кожаномъ переплетѣ, съ большими мѣдными застежками, книга. Вторая—новенькое Евангеліе на французскомъ языкѣ, третья французско-русскій словарь.

Моська съ перваго дня какъ увидалъ француза Рено догадался, а потомъ и убѣдился, что это безбожникъ, совсѣмъ безбожникъ, даже хуже идолопоклонника. Но онъ не разъ слышалъ, и Сергѣй ему доказывалъ, что французы хотя и не православные, но все же христіане. Не смотря однако на всѣ доказательства этотъ фактъ оставался не совсѣмъ яснымъ для карлика. А по пріѣздѣ въ Парижъ и навидавшись здѣсь всякихъ ужасовъ, онъ наотрѣзъ отказался ему вѣрить.

— Какой те христіане, говорилъ онъ,—не можетъ того быть. Кабы христіане были развѣ такъ бы жили, развѣ бы такое творили?! Какъ это Сереженька говоритъ что у насъ одно Евангеліе — не могу повѣрить. Навѣрно въ ихнемъ Евангеліи то да не то написано...

И вотъ онъ добылъ французское Евангеліе и въ свободныя минуты принялся сличать его со славянскимъ. Какого слова не пойметъ — сейчасъ въ словарѣ справится, а если все же сомнѣніе осталось, то отмѣтитъ и на бумажку запишетъ, а потомъ при случаѣ, и спроситъ «Сереженьку». Къ величайшему его изумленію до сихъ поръ во французскомъ Евангеліи ошибокъ не находилось; но онъ все-же не измѣнилъ своего убѣжденія и каждый разъ, присаживаясь къ работѣ, ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ и нападетъ на что-нибудь совсѣмъ неподходящее и еретическое...

Какъ не удалось Моськѣ заснуть, такъ не удалось ему и углубиться въ любимую работу. Провѣривъ нѣсколько строкъ и записавъ на бумажкѣ несовсѣмъ понятное ему слово, карликъ отложилъ въ сторону книги и сидѣлъ, подперевъ голову своими крохотными ручонками и тяжело вздыхая. Онъ опять начиналъ громко говорить самъ съ собою:

«И вѣдь кажинный-то вечеръ! Господи, и долго-ли же это такъ будетъ, и чѣмъ оно кончится?!. вѣдь совсѣмъ какъ есть на себя не похожъ сдѣлался... Вѣдь Марья Никитишна кабы увидала, такъ руками-бы всплеснула, меня корить-бы стала: «недоглядѣлъ!...» А мнѣ что-же?—что я тутъ подѣлаю, какъ за нимъ доглядѣть?!..

Моська развелъ руками и опустилъ голову.

«Нѣшто онъ меня послушаетъ!.. вѣдь вонъ намедни завелъ было стороною разговоръ о Горбатовскомъ, о матушкѣ, о княжнѣ нашей—такъ онъ видъ дѣлаетъ ровно не слышитъ, а потомъ осерчалъ—«уходи, говоритъ, Степанычъ, не время мнѣ, дѣлъ много, надо работать...» а какія тамъ дѣла, какая работа! чай и работы да дѣла всѣ свои кинулъ!... Ровно она его околдовала, вѣдьма эта французская! вѣдь узналъ, вѣдь узналъ—всю подноготную про герцогиню эту вывѣдалъ!... совсѣмъ какъ есть непутевая эта бабенка! Онъ, можетъ, думаетъ, что она золото, а того не знаетъ, что не онъ у нея первый, не онъ послѣдній... Много — ея-же люди баютъ! — много у нея перебывало...».

«А вѣдь какъ свертѣла его, сердечнаго! — даже стыда всякаго лишился... и это онъ-то, онъ нашъ голубокъ бѣлоснѣжный, Сереженька!... Давно-ли же

на немъ ни пятнышка не было, ни зазоринки!... думалъ я — такъ его въ чистотѣ и къ вѣнцу представлю, княжнѣ нашей раскрасавицѣ изъ рукъ въ руки передамъ: «на, молъ, бери свое сокровище, уберегъ онъ себя отъ всякаго грѣха и соблазна!...» Такъ вѣдь и думалъ, на то и надѣялся. Мало-ли что въ Питерѣ могло случиться, а вѣдь не случилось же... а эта, эта! на глаза лишь попалась—и все прахомъ пошло!...»

„Да Господи ты мой милосердый! гдѣ-же, говорю глаза-то у людей?! ну что онъ въ ней нашелъ? — вѣдь дохленькая—кости да кожа, въ лицѣ ни кровинки, а ротъ-то какъ раскроетъ, такъ ровно съѣсть хочетъ — и всего то меня, и съ головою, и съ руками и съ ногами проглотить можетъ... ну ужь ротикъ! нечего сказать — красавица! И это послѣ Танички-то, послѣ княжны-то!... Тьфу ты, прости Господи! Заворожила, какъ есть заворожила!...“

Моська всталъ и маленькими, но скорыми шагами началъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

„Одно спасенье, одно спасенье—скорѣе вонъ отсюда, да такъ, чтобы никоимъ манеромъ нельзя было остаться! по приказу государыни!... А проживемъ здѣсь еще мѣсяцъ, другой, такъ онъ ужь тогда не раздѣлается, пропадетъ, ни за что пропадетъ ребенокъ. Да что-же это за муки такія?.. чего они всѣ молчатъ, ровно перемерли — не дай Господи — вѣдь писалъ я Льву Александрычу, писалъ Татьянѣ Владиміровнѣ, кажись писалъ какъ слѣдуетъ. Передъ Львомъ-то Александрычемъ не сталъ запираться, всю какъ есть подноготную выложилъ: спаси, молъ, племянника, коли дружбу старую Бориса Григорьевича

помнишь!... Ну да и княжнѣ тоже хоть прямо и ничего не сказалъ, а пойметъ она, сердечная, что женишка спасать надо. Такъ что-же они?! Чего молчатъ?! О, Господи!!..“

И крохотныя руки карлика поднялись и онъ сталъ загибать пальчикъ за пальчикомъ, считая дни и числа...

„Давнымъ давно тѣ письма получены, давнымъ давно отвѣтъ-бы могъ быть—а ни слуху ни духу—пропасть не могли, объ этомъ и думать нечего. Такъ что-же они?—вѣдь такъ нельзя, нельзя дитю оставлять безъ защиты. И вѣдь гдѣ-же таки видано, чтобъ этакое дѣлалось—услали безъ вины въ адъ кромѣшный и думать позабыли! Пропадай, молъ... Да что онъ имъ такое сдѣлалъ, въ чемъ провинился? И развѣ можно добраго, православнаго человѣка держать въ этомъ проклятомъ Парижѣ?!.. Ну вотъ они присмирѣли теперь,—изверги, да надолго-ли. Вѣдь они теперь всякаго, какъ есть всякаго страху лишились, надъ ними никакого начальства нѣту... Они своего короля въ грошъ мѣдный не ставятъ. Онъ на потѣху дался имъ, играютъ они съ нимъ какъ кошка съ мышью: а повернись, дескать, направо, а пробѣгись влѣво, дѣлай, что мы приказываемъ! А онъ-то исполняетъ, того не вѣдая, что чѣмъ больше ихъ слушается, тѣмъ большаго съ него требовать станутъ, а въ волю натѣшившись имъ, въ конецъ его погубятъ—да одного-ли его? Это что за народъ—это народъ безъ Бога, безъ совѣсти, безъ разума — какъ учнетъ крошить, такъ разбирать не станетъ, кто правъ, кто виноватъ... лишь-бы подъ руку подвернулся... и не остановится пока самъ не подохнетъ!

Звѣрь, какъ есть звѣрь!!. И вотъ у этаго-то звѣря и мы нонѣ въ лапахъ, да еще и другую гадину, піявку поганую при себѣ держимъ, и впрямь она піявка, бабенка эта негодная, всю кровь изъ ребенка высасываетъ!...“

Моська остановился, сморщенное его личико сморщилось еще больше и онъ горько заплакалъ. Онъ былъ теперь ни дать, ни взять малый ребенокъ и жалкое, беззащитное и трогательное слышалось въ его рыданіи, видѣлось въ его не то дѣтскомъ, не то старческомъ личикѣ. Наконецъ онъ удержалъ свои слезы, отеръ глаза маленькимъ платочкомъ и безнадежно махнулъ рукой.

„Нѣтъ, лучше и не думать, прошепталъ онъ, — думами да слезами не пособишь горю. Одна надежда на Бога осталась —неужто-же онъ, Отецъ милосердый, захочетъ нашей погибели!?..“

Моська набожно взглянулъ на кіотъ съ образами, подошелъ къ нему, упалъ на колѣни и долго, и жарко молился. Эта молитва укрѣпила его и успокоила. Онъ опять подошелъ къ своему письменному столику и принялся за Евангеліе. Внимательно работалъ онъ, но все-же никакъ не находилъ ошибокъ во французскомъ текстѣ.

Вдругъ кто-то постучалъ у двери. Моська прислушался: стукъ повторился.

— Кто тамъ? Кто стучитъ? спросилъ онъ.

— Отворите, Моисей Степанычъ, отворите скорѣе, это я—Петръ...

Петръ былъ молодой малый, любимый камердинеръ Сергѣя. Моська тоже благоволилъ къ нему и обучалъ его грамотѣ.

— Что ты, Петръ? Чего тебѣ?

— Да отворите-же, Моисей Степанычъ!

Въ голосѣ Петра слышалась не то тревога, не то что-то совсѣмъ необычное. Моська вздрогнулъ.

— Господи! али что случилось?!

Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ двери и дрожащими рученками повернулъ ключъ.

— Моисей Степанычъ, пожалуйте, наши пріѣхали! проговорилъ Петръ съ радостнымъ и взволнованнымъ лицомъ.

— Что наши, кто такіе наши?

— Деревенскія—княгиня съ княжной!..

Моська отступилъ шагъ, схватился рукой за голову; но потомъ вдругъ громко и съ досадой плюнулъ.

— Тьфу, дуракъ! Это еще что? озорничать вздумалъ со скуки! Что-же я тебѣ посмѣшище, мальчишка дался что-ли?!. Да какъ ты это со мною такія шутки выдумалъ—нѣтъ, любезный, я тебѣ этаго такъ не спущу!... Вотъ постой, ужо вернется Сергѣй Борисычъ, пожалуюсь я, какъ ты на смѣхъ меня поднимаешь, такъ онъ тебя за это не похвалитъ.

И совсѣмъ разобиженный и разсерженный Моська хотѣлъ запереть дверь, но Петръ отвелъ его руку и вошелъ въ комнату.

— Моисей Степанычъ, да Богъ же съ вами, что это вы?! проговорилъ онъ, присаживаясь передъ карликомъ на корточки, какъ всегда это дѣлалъ, когда вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Да неужто же бы я такъ сталъ шутить—вѣрно говорю: княгиня съ княжной пріѣхали!..

Моська вглядѣлся въ лицо Петра и вдругъ по вѣрилъ.

— Не лжешь, не шутишь?! взаправду пріѣхали— Петруха?! взвизгнулъ онъ, хватая его за плечи.

— Да, взаправду же, Господи, ступайте — такъ сами увидите... зовутъ васъ онѣ...

— Пріѣхали! Боже мой, экое счастье! слава тебѣ Господи!!.

Карликъ быстро перекрестился по направленію къ кіоту, выскочилъ изъ комнаты и какъ кубарь помчался вдоль корридора. Петръ едва поспѣвалъ за нимъ, радостно ухмыляясь.

XVIII.

Гости.

Пока Моська катился на своихъ коротенькихъ ножкахъ черезъ корридоръ и рядъ комнатъ до той залы, въ которой по словамъ Петра, находились пріѣзжія, онъ чуть съ ума не сошелъ отъ волненія и сомнѣній.

По лицу Петра онъ долженъ былъ убѣдиться, что тотъ его не обманываетъ, по крайней мѣрѣ не хочетъ обманывать. Но развѣ это возможно, чтобы княгиня Пересвѣтова съ дочерью очутились вдругъ въ Парижѣ. Въ послѣдніе дни онъ ожидалъ чего угодно, онъ мечталъ среди безсонной ночи, поворачиваясь съ боку на бокъ на своей дѣтской кровати — что вотъ-вотъ придетъ письмо отъ Нарышкина или Безбородки, и по приказу государыни Сереженька долженъ будетъ немедля же выѣхать изъ этого кро-

мѣшнаго ада и ѣхать въ Петербургъ еще съ большей скоростью, чѣмъ они сюда пріѣхали. Онъ мечталъ, что, по возвращеніи, на нѣсколько дней отпросится въ Горбатовское и убѣдитъ княжну Таню поспѣшить къ Сергѣю.

„А явится она—и все это колдовство пойдетъ прахомъ! мигомъ позабудетъ дите неразумное французскую вѣдьму“...

Таковъ былъ единственный исходъ, представлявшійся Моськѣ. А тутъ вотъ письма никакого нѣту—а сама Таня въ Парижѣ!

„Вѣдь это же невозможно, вѣдь это ровно въ сказкѣ—такого на свѣтѣ николи не бываетъ!“ повторялъ себѣ Моська.

— Петруха! вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь назадъ къ своему спутнику,—да ты что?! ты мнѣ отвѣть какъ передъ Богомъ,—своими ли глазами видѣлъ княжну съ княгиней?!

— Кабы не видалъ—самъ бы не повѣрилъ, отозвался Петръ.

— И тебѣ не почудилось, не померещилось?!

— Эхъ, Моисей Степанычъ!!.

Петръ махнулъ рукою и засмѣялся.

Наконецъ карликъ добѣжалъ до залы. Нѣсколько свѣчей, зажженныхъ въ канделябрѣ, тускло освѣщали обширную высокую комнату, въ глубинѣ которой на диванѣ виднѣлись двѣ женскія фигуры.

Едва Моська показался у дверей залы какъ одна изъ этихъ фигуръ встала и кинулась къ нему на встрѣчу. Онъ бѣжалъ уже задыхаясь, но она оказалась проворнѣе его — мигомъ была рядомъ съ

нимъ, склонилась къ нему, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Степанычъ, Мосенька голубчикъ, здравствуй! ласково и взволнованно повторялъ надъ нимъ знакомый голосъ.

Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, онъ стоялъ какъ истуканъ, недвижно, съ выпученными глазами, только сердце его шибко билось.

Наконецъ онъ очнулся и радостно взвизгнулъ.

— Княжна! княжна! Она и есть, золотая боярышня! вотъ счастье-то! Охъ, голубка ты моя, охъ, золотое ты наше сокровище!!

Слезы такъ и брызнули изъ глазъ его. Онъ ловилъ и цѣловалъ руки Тани, онъ хваталъ ее за платье, будто все же боясь еще что это сонъ и что вотъ она сейчасъ исчезнетъ, испарится и ничего не останется отъ этой неожиданной радости.

— А вотъ и матушка, Степанычъ, проговорила Таня.

Карликъ мгновенно опомнился, сдержалъ свое волненіе и, подойдя къ дивану, на которомъ сидѣла княгиня, отвѣсилъ ей низкій поклонъ и бережно поцѣловалъ протянутую ему руку.

Минута перваго восторга прошла, теперь онъ снова владѣлъ собою. Онъ ужь съ изумленіемъ вглядывался въ нежданныхъ гостей, переводя глаза съ княжны на княгиню и обратно. Наконецъ онъ всплеснулъ руками.

— Матушка, ваше сіятельство! пропищалъ онъ— да вы ли это сударыня, вѣдь почитай что и узнать нельзя! Да и барышня-то, барышня какъ измѣнилась!!

— Да... ну что же объ этомъ! съ тихой и ласковой, совсѣмъ незнакомой Моськѣ, улыбкой, проговорила княгиня.—А вотъ что, Моська, скажи ты намъ, батюшка, какъ теперь намъ быть, вѣдь мы ровно въ лѣсу, какъ есть никого и ничего не знаемъ. Да и пріѣхали то въ Парижъ на ночь глядя, какъ ни спѣшила, какъ ни упрашивала я добраться до свѣту—ничего не помогло—остановки, осматриваютъ, всѣ пожитки наши перерыли. Нѣтъ ли, вишь ты, чего запретнаго. А что у меня такое запретное можетъ быть?! Ничего, говорю, у меня нѣту—такъ вѣдь поди-жь ты—не вѣрятъ!.. Ну ужь порядки, да и людишки-то здѣсь... грубые!.. Много страху дорогой натерпѣлись... Какъ намъ здѣсь быть? гдѣ устроиться—ничего я того не знаю. Вотъ привезла дочка къ Сережѣ—а захочетъ ли онъ насъ—о томъ мы его и не спросили, и о пріѣздѣ не предупредили его, какъ снѣгъ на голову...

Карликъ замахалъ руками.

— Матушка, ваше сіятельство, да куда бы вамъ было какъ не къ намъ во дворъ?! Вѣдь Сергѣю Борисычу кровная была бы обида, кабы его миновали. А что не извѣстили заранѣе, то ужь это барышнино дѣло—видно знаетъ она зачѣмъ такъ сдѣлала...

— Да меня-то, Татьяна Владиміровна, обратился онъ къ Танѣ, — меня-то зачѣмъ словечкомъ не извѣстила? вѣдь я тутъ какъ есть пропадомъ пропалъ, не получая отъ тебя вѣсточки, а теперь вотъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости. Да не знаю, можетъ и впрямь я не въ своемъ разсудкѣ — вѣрю и не вѣрю что вы передо мною!.. Эхъ, извѣстила бы, сударыня, пожалѣла бы старика Моську...

Таня опять нагнулась къ нему и крѣпко поцѣловала въ сморщенный лобикъ.

— Ну, Мосечька, прости, можетъ и впрямь мнѣ тебя оповѣстить слѣдовало, только у меня тутъ своя мысль была—дай время, все разскажу по порядку...

— Охъ, матушки! засуетился Моська,—и то правда—будетъ время, все узнаемъ—спасибо, золотая боярышня, что надоумила—а я то, старый дуракъ, ошалѣлъ совсѣмъ... Ваше сіятельство, гдѣ же люди? гдѣ поклажа? Да и проголодались вы, я чаю, съ дороги?! Мигомъ, матушка, мигомъ все будетъ... да вотъ позвольте-ка...

Онъ вертѣлся какъ волчокъ, соображалъ, звалъ своимъ пронзительнымъ, звонкимъ голосомъ прислугу. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже все сообразилъ и всѣмъ распорядился.

Совсѣмъ запыхавшись вернулся онъ въ залу, гдѣ все на прежнемъ мѣстѣ сидѣла княгиня съ княжной.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, пожалуйте, барышня! восторженно пищалъ онъ,—пожалуйте въ наши аппартаменты — у насъ слава те Господи мѣста не мало...

Княгиня и Таня послѣдовали за Моськой.

Хотя княгиня и сказала Моськѣ, что вотъ молъ онѣ пріѣхали незваныя и непрошеныя, прямо въ домъ къ Сергѣю Борисычу, но слова эти не имѣли ровно никакого значенія и были сказаны единственно ради соблюденія приличій. Эта фраза показывала только, что княгинѣ извѣстны всѣ тонкости свѣтскаго обхожденія. Моська такъ это и понялъ и конечно ни ему, ни Сергѣю, ни самимъ пріѣзжимъ не могло и въ голову придти, чтобы онѣ могли поступить иначе.

Гдѣ-же бы княгинѣ, очевидно пріѣхавшей на короткое время въ Парижъ, и было остановится какъ не въ домѣ ея родственника. Объѣхавъ его домъ, она нанесла-бы ему, какъ вѣрно выразился Моська, кровную обиду. Странность заключалась только въ томъ, что его не предувѣдомили о пріѣздѣ — но это было уже дѣло Тани и княгиня не хотѣла и не смѣла въ это вмѣшиваться. Разъ подчинившись дочери, она ужь не выходила изъ ея власти и эта власть была для нея счастьемъ. Слѣдить за малѣйшимъ желаніемъ Тани и исполнять его сдѣлалось теперь цѣлью жизни княгини.

А зачѣмъ Таня такъ поступаетъ, зачѣмъ она выдумала эту, почти невѣроятную, поѣздку и такъ быстро ее осуществила—все это княгиня тогда-же еще поняла вдругъ проснувшимся своимъ материнскимъ сердцемъ. Танѣ нечего было и объясняться съ нею. Она только показала ей письмо Моськи, и княгиня, прочтя его, привлекла къ себѣ Таню, нѣжно ее поцѣловала и сказала ей:

— Ну что-же, поѣдемъ, Танечка, поѣдемъ мой ангелъ, навѣстимъ его — провѣдаемъ. Я и сама страсть какъ по Сережѣ соскучилась. А что провѣтриться намъ съ тобою не мѣшаетъ—это правда. Я вотъ почти до старости дожила, а много-ли видѣла—хоть теперь-то посмотрѣть какія такія чужія страны, какъ тамъ живутъ люди.

Таня благодарно глядѣла на мать и цѣловала ея руки.

Марья Никитишна Горбатова, убѣдясь, что Таня не шутитъ, назвала ее огонь-дѣвкой и хотя изумля-

лась ей и въ недоумѣніи качала головой, но была очень рада. Она писала съ ней Сереженькѣ письмо, посылала ему образокъ и успокоилась въ увѣренности, что теперь все пойдетъ лучше.

Поѣхали Пересвѣтовы въ Петербургъ и тамошніе доктора, начиная съ самаго Роджерсона—лейбъ-медика государыни, подтвердили, что большая поѣздка можетъ принести только пользу княгинѣ. Препятствій никакихъ не оказалось, а о томъ, что главная и единственная цѣль ихъ поѣздки—Парижъ—Пересвѣтова никому даже не говорила, да и кому могло придти въ голову, что онѣ стремятся туда, откуда теперь всѣ убѣгаютъ...

Аппартаменты, указанные Моськой, были конечно не только удобны, но даже роскошны.

Карликъ велѣлъ растопить камины, поспѣшить съ ужиномъ, а княгиня объявила, что она все-же чувствуетъ себя немного утомленной и покуда приляжетъ.

У нея въ послѣднее время явился необыкновенный тактъ, тонкое чутье, относительно того, что касалось дочери и она видѣла теперь, что Танѣ очень хочется наединѣ побесѣдовать съ Моськой и именно сейчасъ, безотлагательно, пока не вернулся Сергѣй.

Такъ оно и было. Едва княгиня прошла въ спальню, какъ Таня бросилась къ Моськѣ, взяла его за ручонку, потащила въ уголъ комнаты, усадила рядомъ съ собою на диванчикъ и заговорила:

— Ну что-же Степанычъ, не томи — говори скорѣе, что у васъ такое? Вѣдь ты такое письмо написалъ мнѣ, вѣдь на смерть напугалъ!!

— Ты не пугайся! нѣжно прошепталъ Моська, не пугайся ты золотое дитятко, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ — охъ, какъ милостивъ Онъ, нашъ Батюшка! Вотъ и нонѣ явилъ Онъ свою великую милость. Только скажи ты мнѣ, объясни, вѣдь я одурѣлъ совсѣмъ, какъ вы здѣсь-то, какъ оно могло статься? Да знаешь-ли, родная, вѣдь вотъ и радуюсь я, а и страхъ тоже беретъ. Вѣдь не то что пріѣзжать сюда—а бѣжать всѣмъ отсюда надобно, такое тутъ творится!...

— Ну не пугай меня, Степанычъ, я не изъ трусливыхъ. Самъ говоришь о Божьей милости — оно и вѣрно, коли чего Богъ не попуститъ того и не будетъ. А какъ мы сюда попали — что же тутъ такого. Какъ прочла я твое письмо, да узнала, что государыня не желаетъ возвращенія Сережи въ Петербургъ...

Моська вздрогнулъ и перебилъ ее:

— Какъ не желаетъ!? да что-же это? за что-же? Чѣмъ онъ провинился?!

Таня грустно пожала плечами.

— А ужь этаго я не могу сказать тебѣ, сама не понимаю. Ну такъ вотъ я говорю, какъ узнала, что ему нельзя вернуться, одно мнѣ и оставалось—скорѣе сюда ѣхать. Упросила я матушку и пріѣхала.

— Да княгиня-то, княгиня какъ согласилась?!

Таня положила руку на плечо карлика.

— Молчи, молчи, Мося, потомъ, все потомъ, а теперь, ради Бога, скажи, что тутъ у васъ? Вѣдь не потому только писалъ мнѣ, что здѣсь опасно, что

въ народѣ волненіе. Вѣдь такъ... вѣдь правда, вѣдь я угадала?! Оно конечно, и это все нехорошо, очень нехорошо, вѣдь я понимаю—но нѣтъ, въ твоемъ письмѣ другое было, да, другое... Не мучь, говори скорѣе!?

Моська опустилъ глаза, въ сморщенномъ лицѣ его мелькнуло жалкое и смущенное выраженіе.

— Ахъ, Танюша, охъ, дитятко ты золотое, любилъ я тебя, крѣпко любилъ, а отнынѣ и почитать буду. Великій разумъ далъ тебѣ Господь, силу великую, и коли у тебя ужь такой разумъ, да такая сила, такъ всѣ мои страхи, о которыхъ я писалъ тебѣ, теперь прошли и пропали. Здѣсь ты — ну и слава Богу!

Таня нетерпѣливо пожала плечами.

— Вотъ ты всегда такъ, Степанычъ, досадливо проговорила она,—тебя Христомъ Богомъ просятъ повѣдать всю правду. Вѣдь душа истомилась, вѣдь чего, чего я не передумала, сюда ѣдучи — а ты все тянешь и пугаешь еще больше. Степанычъ, да коли ты такъ написалъ мнѣ, такъ значитъ знаешь же, что мнѣ такое Сережа!?

— Знаю, дитятко, знаю, восторженнымъ голосомъ прошепталъ Моська,—и радуюсь, давно радуюсь и вѣрю, что вы другъ для друга самимъ Богомъ назначены...

— А если такъ, зачѣмъ же ты отъ меня скрываешь, если ты хочешь моего счастья, если ты меня любишь, ты обязанъ сказать мнѣ всю правду — я чувствую, я знаю и вотъ теперь по лицу твоему вижу, что это какая нибудь страшная правда — но

должна же я знать ее, Степанычъ. Ничего, ничего не скрывай отъ меня!!

— Да и не скрою, отвѣтилъ онъ, а только что правда моя страшная, такъ это ты, боярышня, не вѣрно сказала. Можетъ и была страшная, да говорю, коли ты здѣсь сама — ничего страшнаго уже больше нѣтъ. Не пугайся, успокойся и подожди Сереженьку—вѣдь онъ того и гляди вернется. Потолкуешь съ нимъ, сама увидишь каковъ онъ и что тебѣ скажетъ. А ужь потомъ, коли не поймешь чего, и приди ко мнѣ, я тебѣ и объясню все какъ есть, всю нашу жизнь здѣшнюю передъ тобою выложу—а пока больше ни о чемъ меня не спрашивай, нечего мнѣ теперь сказать тебѣ—да и времени нѣту—еще многимъ распорядиться надо.

Карликъ быстро соскочилъ съ дивана и почти выбѣжалъ изъ комнаты. Таня было кинулась за нимъ вслѣдъ.

— Степанычъ, что съ тобой, да вернись, послушай!!.

Но Степанычъ ничего не слышалъ, онъ уже скрылся въ незнакомыхъ ей комнатахъ.

Она остановилась растерянная, не понимая что все это можетъ значить, слѣдуетъ ли ей тревожиться и ожидать чего нибудь слишкомъ страшнаго или можно теперь успокоиться.

А Моська, убѣдясь что она потеряла его изъ виду и теперь не нагонитъ, сталъ тихо пробираться къ подъѣзду съ тѣмъ, чтобы встрѣтить тамъ Сергѣя когда онъ вернется.

„Да, думалъ Моська, вотъ оно дѣла-то какія!...

А что коли я черезъ чуръ поспѣшилъ радоваться, что коли французская вѣдьма свое возьметъ?! Нѣтъ, нѣтъ, быть того не можетъ. Ну, Сергѣй Борисычъ, погляжу я какъ то ты встрѣтишь невѣсту свою красавицу, что то говорить ей станешь. Ахъ Танечка, Танечка—вишь скажи ей сразу все — да нешто это можно?!.. Напередъ нужно знать, что онъ то ей скажетъ!..“

XIX.

Все сказано.

Сергѣй возвращался домой совсѣмъ грустный и разстроенный. Онъ еще ни разу такъ рано не возвращался отъ герцогини, а потому, выйдя изъ отеля д'Ориньи не нашелъ своего экипажа. Но онъ даже былъ радъ этому, — въ томъ томленіи, которое его охватило, ему хотѣлось движенія, хотѣлось бѣжать куда нибудь дальше.

На него дохнуло темнотой и свѣжестью поздняго вечера и онъ спѣшнымъ шагомъ пошелъ по смолкающимъ улицамъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. До церкви Магдалины конецъ ему предстоялъ значительный, но онъ шелъ машинально знакомой дорогой, почти никого и ничего не замѣчая.

Онъ очнулся только передъ самымъ отелемъ; поднялся на крыльцо. Двери передъ нимъ распахну-

лись—его очевидно ждали. Онъ сбросилъ съ себя теплое платье и уже собрался пройти въ свою спальню, какъ вдругъ передъ нимъ очутился Моська.

— Степанычъ, я пѣшкомъ пришелъ, не знаю гдѣ мои лошади... если кучеръ дома такъ чтобы сказали ему что я вернулся. Ну а если нѣтъ его, такъ нужно будетъ послать въ Сентъ-Жерменское предмѣстье, а то лошади тамъ меня будутъ всю ночь дожидаться.

И говоря это онъ не замѣчалъ, что карликъ самъ не свой и глядитъ на него какъ то совсѣмъ необыкновенно.

— Слушаю, батюшка!... Эй ты, Петръ, слышалъ что баринъ приказывали—пойди, узнай скорѣе!... А ты, сударь Сергѣй Борисычъ, пожалуй-ка сюда... дай, я проведу тебя...

Онъ взялъ его за руку и сталъ тянуть. Сергѣй совсѣмъ очнулся.

— Что такое? Куда ты меня тащишь?!

— Нужно, нужно, золотой мой, посмотри-ка что я покажу тебѣ.

— Ахъ, да оставь пожалуйста! раздражительно перебилъ его Сергѣй, отдергивая отъ него руку. Право мнѣ не до твоихъ чудачествъ—у меня голова болитъ... я спать хочу!...

Но карликъ не унимался.

— Никакихъ моихъ чудачествъ тутъ нѣтъ, Сергѣй Борисычъ, а изволь-ка идти со мною; коли говорю—значитъ нужно: слышь ты—по большому дѣлу тебя дожидаются...

— Что такое? Кто тамъ еще... Какое ночью дѣло?!

Между тѣмъ карликъ говорилъ такъ настоятельно

и серьезно, что поневолѣ пришлось за нимъ послѣдовать.

«Изъ посольства что ли?» въ томленіи думалъ Сергѣй проходя черезъ залу.

Онъ чувствовалъ, что тоска его душитъ все сильнѣе и сильнѣе. Все казалось ему такимъ ненужнымъ, противнымъ...

Между тѣмъ онъ прошелъ вслѣдъ за Моськой еще двѣ три комнаты и вошелъ въ маленькую, освѣщенную гостиную.

— Вотъ кто тебя дожидается! торжественно произнесъ Моська, а самъ отошелъ въ сторонку и такъ и впился глазами въ Сергѣя.

Сергѣй взглянулъ:

Кто это?—женщина!... Кто это—Боже мой!?

Она стремительно бросилась къ нему.

— Сережа!?

— Таня, Таня!! безумно повторялъ онъ, не понимая что это такое—спитъ онъ и грезитъ?...

Онъ протянулъ руки и черезъ мгновеніе Таня была въ его объятіяхъ.

Моська не удержался, подпрыгнулъ и радостно хлопнулъ въ ладоши.

„Вѣдь я зналъ, умиленно шепталъ онъ не сводя глазъ съ молодыхъ людей, — вѣдъ я зналъ, что оно такъ и будетъ! Стоитъ ей только показаться—и все колдовство какъ рукой сниметъ...“

Но онъ тутъ же долженъ былъ убѣдиться, что радость его преждевременна.

Первое мгновеніе прошло. Сергѣй начиналъ мало по малу приходить въ себя. Вѣдь онъ готовъ былъ къ чему угодно, но только не къ появленію Тани.

Если бы его предупредили, что она здѣсь, что онъ сейчасъ ее увидитъ, онъ врядъ ли бы даже въ первую минуту рѣшился подойти къ ней. Но онъ увидалъ ее вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, и появленіе ея заключало въ себѣ такъ много не только что нежданнаго, но даже совсѣмъ почти невѣроятнаго, что онъ сразу забылъ всю дѣйствительность, забылъ себя, свое положеніе. Это былъ сонъ и, какъ во снѣ, онъ безъ размышленій отдался первому чувству своего сердца—а это чувство была радость.

Да, увидавъ Таню онъ вдругъ неудержимо ей обрадовался. На него пахнуло давно забытымъ роднымъ воздухомъ. Вмѣстѣ съ ея милымъ образомъ и передъ нимъ снова воскресло все старое, милое и дорогое. Все дѣтство, юность, все о чемъ въ тяжелыя свои минуты безотчетно и мучительно тосковалъ онъ.

Да и она сама, эта Таня, которую онъ зналъ съ дѣтства, всегда, почти съ тѣхъ поръ какъ себя помнилъ, вѣдь онъ такъ давно, такъ привычно любилъ ее—и не могъ не любить.

И вотъ теперь она—сестра, другъ, добрая, милая Таня—здѣсь, передъ нимъ, въ такія тревожныя минуты, когда онъ нигдѣ не находитъ себѣ покоя, когда онъ считаетъ себя такимъ одинокимъ! Какъ же ему не радоваться ея появленію, какъ же не чувствовать, что онъ любитъ ее всѣмъ сердцемъ?...

Но только въ этой любви нѣтъ ничего такого, что волновало его когда то, въ голубой бесѣдкѣ...

— Таня, Таня!! повторялъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.

И въ то же время сознаніе дѣйствительности просыпалось въ немъ.

Это не сонъ, Таня пріѣхала, Таня здѣсь, не сестра, не другъ, а Таня — невѣста, которой онъ поклялся въ любви, которую такъ обманывалъ въ послѣднихъ своихъ письмахъ, не смѣя, не рѣшаясь сказать ей правду. Таня здѣсь! она поборола всѣ препятствія, она сдѣлала почти невозможное, чтобы свидѣться съ нимъ, съ любимымъ и любящимъ ее человѣкомъ, ея женихомъ, ея будущимъ мужемъ!...

И то, что за минуту казалось ему сладкимъ сномъ, что вызвало въ немъ такую горячую радость — теперь, при первомъ же сознаніи дѣйствительности, явилось новымъ ужасомъ, тяжкимъ испытаніемъ:

„Таня здѣсь! Боже мой, что же это будетъ?!“

Онъ чувствовалъ какъ останавливается его сердце, какъ холодъ пробѣгаетъ по его жиламъ.

Послѣдняя краска пропала со щекъ его, онъ невольно отшатнулся отъ Тани и глядѣлъ на нее дикимъ, растерянным взглядомъ.

Это его движеніе, выраженіе его лица, его блѣдность не ускользнули отъ Моськи.

„Вотъ тебѣ разъ! тревожно подумалъ онъ. Какъ же такъ? вѣдь это не ладно что то?!.. Видно, совѣсть заговорила. Оно и точно — чему и быть другому... Какъ онъ ей теперь въ глаза смотрѣть станетъ, вѣдь можетъ меньше часу какъ съ тою, съ вѣдьмой то своею, обнимался—такъ оно и зазорно?! Ну что же, батюшка, и кознись — самъ виноватъ... подѣломъ вору и мука. Да только боязно мнѣ—напугаетъ онъ Татьяну Владиміровну, она и не вѣсть что подумаетъ. Вѣдь какъ ни умна, а все же еще дитё малое...“

И карликъ, подвинувшись ближе и вставъ на цыпочки, тревожно вглядывался то въ Сергѣя, то въ Таню.

Ему было отъ чего тревожиться.

Молодые люди послѣ первыхъ восклицаній еще не сказали другъ другу ни одного слова, а все же таки, между ними ужь велся мучительный, безмолвный разговоръ.

Таня еще раньше Моськи подмѣтила перемѣну, мгновенно происшедшую въ Сергѣѣ, его смущеніе, его блѣдность и дикій взглядъ. Да она только это и видѣла—ей некогда было замѣтить ту радость, которая озарила его въ первое мгновеніе, потому что она сама вмѣстѣ съ нимъ испытывала радость еще сильнѣйшую: вѣдь ей до самой этой минуты все казалось, что она его не увидитъ, что не доживетъ до такого счастья.

„И вотъ это онъ, онъ, живой, съ нею!“

Она все позабыла, она внѣ себя цѣловала его и обнимала. И еслибы онъ даже не отвѣчалъ ей на ея поцѣлуи, она не обратила-бы на это вниманія. Но вотъ она очнулась — и что-же: онъ блѣдный, почти неузнаваемый, глядитъ на нее безумнымъ, непонятнымъ взглядомъ.

Боже, какъ онъ измѣнился! Онъ-ли это? Отчего ей вдругъ показалось, что онъ какой-то чужой, другой совсѣмъ, не прежній Сережа?! Да вѣдь и онъ смотритъ на нее какъ на чужую, и онъ не узнаетъ ее!

Таня слабо вскрикнула, и все продолжая, не отрываясь, глядѣть на него, схватилась за голову. Ей казалось, что случилось что-то страшное, невыносимое. У нея упало сердце, тоска стала душить ее.

Она ничего не знаетъ, не понимаетъ, только чувствуетъ, что всѣ страхи, тревоги теперь кончены; но они разрѣшились не успокоеніемъ, не радостью, не счастіемъ—а тяжкимъ горемъ. Какое это горе, что все это значитъ, она уже не спрашивала себя объ этомъ, она только чувствовала всю тяжесть этаго непонятнаго, но уже разразившагося горя.

„Но вѣдь онъ долженъ-же сейчасъ, сію минуту сказать всю правду! зачѣмъ онъ молчитъ, зачѣмъ онъ меня такъ терзаетъ?!“ думала Таня.

Между тѣмъ ей не суждено было такъ скоро узнать рѣшеніе своей участи—въ гостиную вошла княгиня, задремавшая было, но проснувшаяся, заслышавъ голосъ Сергѣя. Впрочемъ ея появленіе принесло не малую пользу молодымъ людямъ: они совсѣмъ пришли въ себя и поневолѣ должны были сдержаться и хоть нѣсколько отойти отъ своихъ мучительныхъ ощущеній.

Сергѣй по крайней мѣрѣ, при взглядѣ на княгиню, позабылъ весь ужасъ своего положенія—такъ поразила его перемѣна, происшедшая въ этой женщинѣ; онъ почти не узналъ ее, и совсѣмъ не потому, что она постарѣла: она глядѣла совсѣмъ иначе, совсѣмъ иначе говорила...

Сергѣй и въ Петербургѣ, и даже здѣсь, въ Парижѣ, въ первое время не мало думалъ о „дѣлѣ Тани“, о намекахъ на это дѣло, встрѣчавшихся въ ея письмахъ. Онъ зналъ, какое это „дѣло“ и теперь понялъ, что Таня привела его къ благополучному окончанію, что она вернула себѣ мать свою. Но конечно онъ никогда не былъ въ состояніи и представить себѣ, чтобы съ человѣкомъ могла произойти

такая перемѣна, какую онъ съ каждой минутой, съ каждымъ новымъ словомъ видѣлъ теперь въ княгинѣ...

И потомъ—какъ-же, наконецъ, онѣ пріѣхали, какъ могло случиться все это?! Сергѣй съ безсознательной радостью ухватился за распросы, какъ преступникъ, который хотя и понимаетъ неизбѣжность казни, но хватается за каждый предлогъ, чтобы отдалить минуту ея исполненія...

Но вотъ все объяснено, на всѣ вопросы получены отвѣты. Княгиня начинаетъ разсказывать о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, о приключеніяхъ, бывшихъ съ ними въ дорогѣ.

Таня сидитъ грустная и блѣдная, изрѣдка и разсѣянно вставляя свое слово.

И опять тоска охватываетъ Сергѣя. Теперь ему все ясно, да впрочемъ вѣдь и съ первой-же минуты онъ почти понималъ, какъ и зачѣмъ онѣ пріѣхали.

„Что-же теперь я буду дѣлать?! отчаянно думалъ онъ, и что я надѣлалъ?!—вѣдь никакого оправданія для меня нѣту... О, позорное малодушіе! Зачѣмъ я давно и прямо не написалъ ей, а теперь!—вѣдь это мало того что жестокость, вѣдь я долженъ нанести ей, здѣсь, въ своемъ домѣ, самое страшное и незамолимое оскорбленіе—и ей, ей—этой Танѣ!!. Нѣтъ, я не долженъ, я не смѣю этого сдѣлать!..“

Онъ уже почти рѣшался скрыть отъ Тани свою любовь, свои отношенія къ герцогинѣ, рѣшался отказаться отъ этой любви.

„Пусть она ничего не знаетъ, пусть мое счастье, моя жизнь будутъ разбиты — вѣдь онѣ все равно и такъ уже разбиты если я чувствую себя почти убій-

цей... Да, я уйду отъ Мари, я никогда больше не увижусь съ ней... пускай беретъ меня Таня! Я стану ее обманывать—покрайней мѣрѣ она будетъ счастлива“...

И вотъ, когда ему казалось, что онъ уже рѣшилъ все это и что рѣшеніе его неизмѣнно, передъ нимъ вставалъ образъ герцогини, и представлялась она ему не такою, какой была въ этотъ вечеръ, а любящей, довѣрчивой, полной нѣжности и страстной, горячей ласки... „Я твоя!“ вспоминалъ онъ ея замирающій голосъ,—„о, какъ люблю я тебя!..“ Жгучее, мучительное и сладкое чувство наполняло его и онъ понималъ, что не можетъ уйти отъ нея, не можетъ разстаться съ нею...

Онъ слушалъ и не слышалъ того, что разсказывала ему княгиня, онъ отвѣчалъ невпопадъ на ея вопросы.

Моська, незамѣтно скрывшійся изъ гостиной, снова появился и пропищалъ, что готовъ ужинъ. Какой это былъ печальный ужинъ!—одна только княгиня, давно проголодавшаяся, кушала съ аппетитомъ. Но вотъ и ужинъ убрали со стола. Время далеко уже за полночь. Княгиня простилась съ Сергѣемъ и прошла въ спальню. Пошла за нею и Таня, да тотчасъ-же и вернулась — она не въ силахъ была больше себя сдерживать.

Она быстро оглядѣлась — въ комнатѣ никого не было, только Сергѣй стоялъ неподвижно, съ опущенной головой, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ за минуту передъ тѣмъ онѣ съ нимъ простились.

— Сережа! проговорила Таня, кладя ему на плечо руку.

Онъ вздрогнулъ и печально, растерянно взглянулъ на нее.

— Сережа! повторила она, едва выговаривая слова,—скажи мнѣ, не томи, скажи, что такое случилось?!.

— О чемъ ты, Таня? Ничего не случилось... постой... успокойся, отдохни—завтра успѣемъ поговорить... дрожа какъ въ лихорадкѣ, отвѣтилъ онъ.

— Завтра! да развѣ я могу... я съ ума сойду... ради Бога пожалѣй-же меня—говори!..

Но онъ не находилъ словъ,—онъ молчалъ.

— Такъ я сама тебѣ скажу, что случилось, вдругъ произнесла она и такъ и впилась въ него страстно и мучительно засверкавшими глазами.—Я скажу тебѣ—ты меня не любишь, ты любишь другую...

Онъ вздрогнулъ и все-же ничего не могъ ей отвѣтить.

— Да? правда? я угадала?! это правда?

Она схватилась за сердце. Онъ взглянулъ на нее и какъ безумный бросился изъ комнаты.

Она угадала, она по имени назвала свое горе; но все это совершилось внезапно, потому что до самой послѣдней минуты она еще сомнѣвалась и отгоняла отъ себя ненавистную мысль, что у нея есть соперница; но теперь уже не можетъ быть сомнѣнія—своимъ страшнымъ молчаніемъ, своимъ видомъ онъ сказалъ ей все, онъ во всемъ ей признался...

Такъ вотъ что значили его странныя письма! Вотъ о какой бѣдѣ извѣщалъ ее карликъ, вотъ зачѣмъ она пріѣхала въ Парижъ, для того, чтобы узнать о своей

участи, для того, чтобы узнать, что она ему чужая, что ему тяжело и непріятно ея появленіе!... Зачѣмъ онъ не написалъ ей прямо, зачѣмъ онъ долженъ былъ подвергнуть ее этому унизительному положенію?! О, какъ это жестоко!!. Бѣжать, бѣжать скорѣе отсюда!!..

Она-бы не медлила ни минуты, но вѣдь она не одна, она съ матерью, которую эгоистично заставила слѣдовать за собою, которая хоть и здорова въ послѣднее время, но все-же сильно утомилась отъ этой поѣздки. И какъ она ей скажетъ, что она жестоко ошиблась, что она только подвергла и ее, и себя незаслуженному оскорбленію?!..

Но всѣ эти мысли едва мелькнули и тотчасъ-же пропали, уступая мѣсто жгучему горю, тоскѣ невыносимой.

Вѣдь она любила его, вѣдь она въ него вѣрила, такъ долго и терпѣливо ждала его. Она привыкла полагать въ немъ счастье всей своей жизни, безъ него она и представить себѣ не могла жизнь эту— и вотъ онъ уходитъ, уходитъ навсегда, уже ушелъ, его нѣту!...

«Онъ любитъ другую! кто-же она, кто? кто у меня его отнялъ?!..»

Въ сердцѣ ея всесильно поднялись, уничтожая все остальное, два чувства: любовь къ нему и ненависть къ неизвѣстной соперницѣ. И Таня уже не роптала на него, ни въ чемъ его не винила. Она только чувствовала, съ какой силой его любитъ, какъ невыносима для нея мысль объ этой новой и уже вѣчной разлукѣ.

«Гдѣ-же она? кто она? По какому праву разбила она мое счастье?!» почти громко воскликнула Таня и загорѣлись глаза ея гнѣвомъ и страстью. Приливъ никогда неиспытанной злобы охватилъ ее. Она готова была бѣжать и искать эту ненавистную женщину и уничтожить ее, не боясь грѣха, чувствуя себя правой. Но это было лишь мгновеніе. Таня очнулась, въ ней заговорилъ другой голосъ:

«Да чѣмъ-же она виновата, вѣдь она меня не знаетъ, вѣрно не знаетъ даже о моемъ существованіи... И потомъ развѣ кто-нибудь могъ-бы его отнять у меня, еслибы онъ любилъ меня. Боже мой, да вѣдь приди весь свѣтъ, соберись всѣ самые умные, самые красивые люди въ мірѣ, чтобы заставить меня разлюбить его, измѣнить ему—вѣдь никто-же ничего со мною не сдѣлаетъ! Вѣдь вотъ и теперь, когда онъ такъ жестоко поступилъ со мною, когда онъ отъ меня уходитъ,—вѣдь я-же не въ силахъ разлюбить его, вѣдь я люблю его еще больше, еще больше... Ахъ, я несчастная!!...»

Бѣдная Таня упала въ кресло и залилась слезами. И эти горячія, обильныя слезы производили свое благотворное дѣйствіе,— эти слезы были ея спасеніемъ. Въ Танѣ было слишкомъ много молодости, силы и здоровья, горе не могло подломить ее, и глядя на нее незачѣмъ еще было приходить въ отчаяніе.

Такъ думалъ и Моська, незамѣтно пробравшійся опять въ гостиную и подошедшій къ креслу Тани. Онъ глядѣлъ на нее растроганный и печальный.

— Плачь, дитятко, плачь, выплачешься — легче

будетъ! шепталъ онъ какъ старая няня, гладя Таню по головкѣ, — дай волю слезкамъ, а какъ выльются онѣ—мы и потолкуемъ съ тобою!..

И Таня все плакала, склонившись къ карлику. Его тихій, дѣтскій голосокъ, прикосновеніе его крохотной руки дѣйствовали на нее успокоительно—жгучая боль сердца и тоска нѣсколько стихли. Она отерла глаза, подняла свое заплаканное, блѣдное лицо и вдругъ бодрымъ голосомъ, какого онъ даже и не ожидалъ отъ нея, сказала карлику:

— Да, Степанычъ, потолкуемъ. Вотъ ты ничего не хотѣлъ сказать мнѣ, теперь я все знаю.

— Что знаешь? Откуда? Неужто онъ сказалъ тебѣ? Что-же онъ сказалъ такое?!

— Все знаю, сама догадалась, а онъ не могъ притворяться. Какъ-же это, кто она? вѣдь ты обѣщалъ сказать мнѣ всю правду!

— Да и скажу, голубка, ужь коли такъ, коли самъ онъ не посовѣстился, безстыдникъ этакой, такъ скрывать тутъ нечего. Попался нашъ Сергѣй Борисычъ, по глупости своей, да по Божьему попущенію, въ лапы вѣдьмы одной здѣшней французской...

Моська разсказалъ все, что зналъ про герцогиню.

Таня слушала его внимательно, едва переводя дыханіе. Снова ненависть и негодованіе закипали въ ея сердцѣ.

— Замужняя женщина! шептала она,—но какъ-же онъ можетъ ей вѣрить? вѣдь если одного обманула, такъ обманетъ и другаго, и его обманетъ...

— Такъ, такъ, золотая!.. говорилъ, одобрительно

кивая головою, Моська, — вотъ и я думаю тоже самое...

— Да вѣдь отъ этого не легче! отчаянно перебила его она,—ну что-же: ну обманетъ она его, будетъ онъ несчастный—а мнѣ отъ этаго легче что-ли станетъ? вѣдь еще тяжелѣе. Я не хочу его несчастья—Богъ съ нимъ! ужь коли онъ принесъ мнѣ такое горе, такъ самъ-то, самъ-то хоть пусть будетъ счастливъ...

— Нѣтъ, ты не жалѣй его, матушка, вдругъ строго произнесъ карликъ и даже погрозился кулачкомъ,—не стоитъ онъ того, чтобы ты его жалѣла, да и сама не убивайся — все перемелется — мука будетъ!

— Ахъ, Степанычъ, не утѣшай ты меня, а посовѣтуй лучше, какъ мнѣ такъ сдѣлать, чтобы скорѣе, какъ можно скорѣе уѣхать отсюда и не очень встревожить матушку—у меня въ головѣ мыслей совсѣмъ нѣту, сама ничего не могу придумать...

— Уѣхать? Зачѣмъ тебѣ уѣзжать?! Боже сохрани тебя и помилуй... Нѣтъ, золотая моя, коли ужь пріѣхала, такъ дѣло надо сдѣлать. Жалѣть ты его не жалѣй — говорю не стоитъ онъ этого, а простить— прости, ежели хорошенько прощенія попросить.

Таня въ изумленіи взглянула на Моську, она не понимала, что такое говоритъ онъ. Но онъ внушительно продолжалъ:

— Вѣрно говорю, не долго этой вѣдьмѣ теперь тѣшиться. Ей-ли устоять передъ тобою!.. только не уѣзжай и будетъ на нашей улицѣ праздникъ. Броситъ онъ ее, броситъ, либо онъ, либо она его. Развѣ

это что? развѣ изъ этаго можетъ что-нибудь выйти?!— грѣхъ одинъ только. А ты вотъ и избавь его отъ грѣха-то. Уѣзжать! что ты, что ты, окстись, золотая боярышня! уѣдешь, ну тогда точно карачунъ ему, тогда и Богъ отъ него отступится...

— Такъ чего-же ты хочешь?! отчаянно и изумленно произнесла Таня—какъ мнѣ здѣсь оставаться? вѣдь я не иначе себя понимала, какъ его невѣстой, а теперь, послѣ этого горя, послѣ этой обиды, мнѣ зазорно и быть въ его домѣ, коли я не нужна ему, такъ нечего мнѣ и здѣсь оставаться—вѣдь я только для него одного и пріѣхала. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, я не стану мѣшать ему и не мое ужь теперь дѣло... мнѣ стыдно и страшно!..

Она въ волненіи поднялась и снова заплакала. Моська суетился вокругъ нея, не зная, какъ и чѣмъ ее успокоить.

„Эхъ, Сергѣй Борисычъ, шепталъ онъ, — хорошихъ дѣловъ ты понадѣлалъ! И точно что стыдно и зазорно нашей бѣлой голубкѣ въ такія дѣла мѣшаться. Эхъ, Сергѣй Борисычъ, стоишь ты того, чтобы взять тебя да бросить.

— А какъ тутъ бросишь! вдругъ забывая свои угрозы и свое негодованіе, взвизгнулъ карликъ,— спасать дитю надо, а то и впрямь пропадетъ-пропадомъ. Успокойся, золотая, обратился онъ къ Танѣ, —пойди прилягъ, усни. Помнишь, сказки-то я сказывалъ: «утро вечера мудренѣе...» до утра надумаемся и потолкуемъ. А объ этомъ, чтобы ѣхать— лучше и не думай, никакъ нельзя тебѣ уѣхать и насъ такъ бросить, не затѣмъ ты пріѣхала!..

— Не затѣмъ пріѣхала! безсознательно повторила

Таня слова карлика и, удерживая слезы, тихо прошла въ спальню.

Моська потушилъ лампу и сталъ пробираться въ потьмахъ.

— Нѣтъ, не выпущу я ее, ни за что не выпущу, думалъ онъ,—а коли съ ней не полажу, дѣлать нечего, потолкую съ княгиней... Княгиня-то вишь ровно совсѣмъ другая стала—можетъ и выслушаетъ Моську...

XX.

Старая исторія.

Прошло нѣсколько дней. Моська сдѣлалъ свое дѣло — онъ убѣдилъ Таню отказаться отъ мысли о немедленномъ отъѣздѣ. Онъ представилъ ей любовь Сергѣя къ герцогинѣ просто дьявольскимъ навожденіемъ, избавить отъ котораго можетъ только Таня.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, съ такою увѣренностью, что несчастная дѣвушка, у которой дѣйствительно мысли путались отъ нежданнаго горя, мало по малу поддалась и ухватилась за эту соломенку.

Достигнувъ съ этой стороны желаемаго результата, карликъ обратился въ другую сторону, то-есть, къ самому Сергѣю. Теперь онъ уже не боялся, что его заставятъ молчать и станутъ отговариваться дѣ-

лами. Онъ видѣлъ, что неразумное „дитё“ совсѣмъ растерялось и само ищетъ опоры.

Сергѣй былъ слишкомъ молодъ и въ такомъ тяжеломъ положеніи ему дѣйствительно необходимъ былъ человѣкъ, съ которымъ можно было-бы сказать откровенное слово. Такой человѣкъ былъ у него прежде, человѣкъ знавшій его характеръ, понимавшій малѣйшее движеніе души его и всегда умѣвшій подать во́ время добрый совѣтъ; но этого человѣка теперь ужь не существовало.

Гдѣ Рено! Что съ нимъ? Сергѣй не зналъ.

Рено затерялся въ безднѣ волнующагося Парижа и не подавалъ о себѣ вѣсти. Да вѣдь все равно и безъ этого, послѣ послѣдняго свиданія и разговора, Сергѣй почувствовалъ, что прежняго Рено нѣту, онъ похоронилъ его и оплакалъ его погибель. Оставался одинъ вѣрный, испытанный человѣкъ — карликъ Моська и онъ не могъ обойтись безъ него въ эти дни, когда сознавалъ себя такимъ беззащитнымъ.

Но Моська не въ силахъ былъ его успокоить, хоть сразу, какъ только Сергѣй заговорилъ съ нимъ о Танѣ, онъ представилъ ему самую опредѣленную и ясную программу дѣйствій.

— А ты-бы, сударь, прежде объ этомъ подумалъ, строго и грустно началъ карликъ,—и ужь не ждалъ, не ждалъ я отъ тебя такого. Ну тамъ коли грѣхъ попуталъ—оно хоть и не ладно, а все-же таки Богъ проститъ и быль молодцу не укоръ. Да какъ это ты барышню-то княжну въ такое дѣло впуталъ — стыдно, батюшка, очень стыдно. Скрыть тебѣ отъ отъ нея все слѣдовало, не слѣдъ ей про такія дѣла

знать. А кабы ты самъ не бухнулъ — я что-ли бы проболтался?!—она бы и не знала.

— Совсѣмъ ты ничего не понимаешь! отчаянно перебилъ его Сергѣй.

— Это я-то не понимаю? Нѣтъ, сударь мой, все хорошо понимаю. И коли ты самъ объ этомъ со мною рѣчь завелъ, такъ послушайся ты меня старика — худому учить не стану. Брось ты всю эту дурь, ни ногой теперь туда, слышь, ни ногой, будто тебя тамъ никогда и не было. Твое мѣсто не тамъ, а здѣсь, около княжны. Она добрая, сердечко у нея золотое, коли захочешь, заслужишь у нея прощенія. Слышь—къ ней иди, она проститъ, да и помолись тоже усерднѣе, чтобы Господь былъ милостивъ—ну и все будетъ ладно.

Сергѣй безнадежно заломилъ руки.

— Ахъ, Степанычъ, вѣдь я и самъ такъ думалъ, да нѣтъ, силъ моихъ не хватитъ — вѣдь я люблю ее—понимаешь, ту люблю, я не могу ее бросить, я не могу жить безъ нея.

Моська выпучилъ глаза, лицо его вспыхнуло, онъ весь даже задрожалъ. Онъ окончательно забылъ даже о томъ почтеніи, которое, несмотря на всю фамильярность, онъ соблюдалъ всегда въ разговорахъ съ Сергѣемъ, и громко отплюнулся.

— Тьфу, не тебѣ-бы говорить, не мнѣ-бы слушать... Тьфу, срамъ какой... да Бога ты побойся, Сергѣй Борисычъ! И какъ это языкъ у тебя повернулся сказать слова такія. Ее любишь, безъ нея жить не можешь...—а барышня-то наша что-же? на нее наплевать что-ли? Ее бросить, да кто-же ты послѣ этаго, вѣдь это самый послѣдній, самый какъ

есть послѣдній человѣкъ не сдѣлаетъ такъ-то, Сергѣй Борисычъ!.. Не ты это сказалъ мнѣ, не слышалъ я ничего и впредь не услышу и слушать не стану... очнись, одумайся!..

Моська зажалъ уши и выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ Сергѣя въ крайнемъ смущеніи и отчаяніи.

Но этотъ разговоръ не прошелъ безслѣдно. Вѣдь карликъ не сказалъ ничего новаго, вѣдь все это не разъ Сергѣй самъ повторялъ себѣ. Конечно подло, позорно бросить Таню, но вѣдь все это уже сдѣлано и безповоротно. Онъ можетъ быть нашелъ-бы въ себѣ силы скрыть отъ Тани и затѣмъ поступить такъ, какъ совѣтовалъ Моська, но она сама догадалась, она сама вырвала отъ него невольное, молчаливое признаніе—теперь все отъ нея зависитъ, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ. Она сама его не захочетъ, зная, что онъ любитъ другую.

И въ то же время онъ невольно слѣдовалъ совѣту Моськи—въ теченіи четырехъ дней не видалъ онъ герцогини. Приходилъ вечеръ и онъ отказывался отъ привычнаго свиданія къ величайшей радости Моськи, онъ игралъ тяжелую, мучительную роль, обманывалъ себя и Таню, представлялся любезнымъ и внимательнымъ хозяиномъ, показывалъ Парижъ своимъ гостямъ и въ то же время чувствовалъ что нельзя же такъ долго тянуть, что должно же это чѣмъ нибудь разрѣшиться и разрѣшиться скоро. Онъ ждалъ что вотъ вотъ заговоритъ Таня — но Таня молчала.

И странное дѣло—молчала не одна она, молчала и герцогиня. Ему случалось и прежде раза два, за спѣшными дѣлами, не явиться на свиданіе въ отель

д'Ориньи, но тогда рано утромъ его уже будила записка Мари. Она съ тревогою спрашивала что съ нимъ такое, здоровъ ли онъ, отчего онъ небылъ?

А вотъ теперь прошло четыре дня, а герцогиня не присылаетъ.

Сергѣй задыхался, онъ едва дожилъ до пятаго вечера и, не сказавшись Танѣ, какъ преступникъ, тихомолкомъ выбѣжалъ изъ своего дома, сѣлъ въ первую попавшуюся извощичью карету и велѣлъ кучеру ѣхать въ Сентъ-Жерменское предмѣстье.

Остановившись у отеля д'Ориньи, онъ, по своему обыкновенію, вошелъ не съ главнаго подъѣзда, а черезъ маленькую дверь во дворѣ, которая вела прямо въ отдѣленіе герцогини. Здѣсь его встрѣчали или старый слуга, или любимая камеръ-юнгфера герцогини, Сильвія. Сильвія и теперь попалась ему на встрѣчу въ корридорѣ. Это была молоденькая и очень хорошенькая итальянка, привезенная герцогиней изъ ея послѣдняго путешествія въ Италію. Сильвія была не послѣднее лицо въ домѣ. Ея родные принадлежали къ порядочному обществу въ Болоньѣ, но въ какой-то неудачной спекуляціи обѣднѣли и Сильвія предложила свои услуги герцогинѣ. Всегда веселая, кокетливая, остроумная, быстро выучившаяся хорошо говорить по французски, она понравилась Мари и пользовалась ея милостями, мало по малу устраивая свои денежныя дѣла и помышляя года черезъ два, три вернуться на родину съ порядочнымъ приданымъ. Самъ герцогъ даже обратилъ свое благосклонное вниманіе на Сильвію. Но та покуда ухитрялась держать его на почтительномъ разстояніи и въ то же

время никогда не отказывалась отъ его щедрыхъ подарковъ.

Съ появленіемъ Сергѣя ея дѣла пошли было еще лучше. Нимфъ и амуровъ будуара оказалось недостаточно,—необходимо было посвятить въ тайну живое существо, которое бы охраняло спокойствіе влюбленныхъ. Такой повѣренной явилась Сильвія, но неожиданно для себя самой молодая дѣвушка скоро стала тяготиться этой ролью — она сама влюбилась въ Сергѣя и страшно ревновала его къ герцогинѣ. Она готова была на все чтобы обратить на себя вниманіе молодого русскаго вельможи и въ то же время отлично сознавала, что это для нея невозможно, что онъ, не смотря на свою доброту и любезность, относится къ ней какъ къ существу, безконечно ниже его стоящему. Онъ выказываетъ ей благодарность за ея услуги и въ то же время, конечно, презираетъ ее, полагая что она служитъ ради денегъ...

Эта мысль очень мучила бѣдную Сильвію и она ухватилась за единственное средство возвысить себя въ глазахъ Сергѣя, — перестала принимать его подарки. Онъ очень изумлялся этому, но въ концѣ концовъ цѣль Сильвіи была достигнута — онъ началъ больше обращать на нее вниманія, смотрѣлъ на нее не просто какъ на горничную, которой платятъ деньги, а почти какъ на друга.

Иногда, явившись слишкомъ рано и поджидая герцогиню, Сергѣй охотно бесѣдовалъ и шутилъ съ Сильвіей и конечно не подозрѣвалъ, какое счастье и какое мученье заключалось для нея въ этихъ минутахъ. Если бы онъ не былъ такъ страстно увлеченъ герцогиней, ему не трудно было бы замѣтить краснорѣ-

чивые взгляды дѣвушки, краску, вспыхивавшую на ея щекахъ отъ всякаго его ласковаго слова, онъ замѣтилъ бы можетъ быть и красоту ея. Теперь онъ ничего этого не видѣлъ, онъ всецѣло былъ поглощенъ своею любовью къ ея госпожѣ...

— Дома герцогиня? спросилъ онъ Сильвію, здороваясь съ нею.

Сильвія, какъ и всегда, вдругъ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и съ изумленіемъ и тревогой стала вглядываться въ лицо его.

— Дома, дома, проговорила она,—и я сейчасъ проведу васъ къ ней, только прежде мнѣ нужно кой-что сказать вамъ...

— Что такое? я васъ слушаю, милая Сильвія.

— Но прежде... нѣтъ, скажите вы мнѣ сударь, что такое съ вами? вы такой блѣдный, вы вѣрно больны? Вотъ уже пять дней какъ мы васъ не видѣли—я очень тревожилась...

— Да, я нездоровъ, но дѣло не въ этомъ, это пустое. Что такое вы хотѣли сказать мнѣ?

— Къ сожалѣнію въ моихъ словахъ будетъ очень мало для васъ пріятнаго, но я не должна молчать. Вотъ васъ пять дней не было и вы ничего не знаете... А между тѣмъ вамъ слѣдуетъ знать, что всѣ эти вечера у насъ проводитъ какой-то графъ Монтелупо...

Сергѣй вздрогнулъ.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ? Вѣдь это шарлатанъ.

— Да шарлатанъ, перебила его Сильвія, и можетъ быть даже гораздо хуже. Дѣло въ томъ, что какъ я его увидала, такъ сейчасъ же и поняла что

тутъ не ладно. И начать съ того, что я почти головою могу ручаться, что онъ вовсе не графъ Монтелупо... Лѣтъ пять тому назадъ я встрѣчала въ Болоньѣ одного синьора Бринчини, который какъ двѣ капли воды былъ похожъ на него. Этотъ Бринчини пользовался самой дурной репутаціей, онъ нѣсколько разъ попадался въ какихъ-то неприличныхъ исторіяхъ и былъ уличенъ въ плутовствѣ за картами... Кончилось тѣмъ, что онъ бѣжалъ изъ Болоньи. Конечно, иногда встрѣчаются люди очень похожіе другъ на друга, но такого сходства я никогда еще не видала да и врядъ ли оно можетъ быть,—только этотъ господинъ постарѣлъ немного и научился лучшимъ манерамъ... Но этаго мало, въ Италіи никто никогда не слыхалъ имени графовъ Монтелупо, а не далеко отъ Болоньи, по дорогѣ во Флоренцію, есть только гора, которая носитъ это названіе...

— Все что вы говорите, Сильвія. очень важно, въ волненіи произнесъ Сергѣй. Я какъ только увидалъ этого человѣка, замѣтилъ въ немъ много фальшиваго, я самъ думалъ, что это самозванецъ; но вѣдь у меня, кромѣ моего впечатлѣнія, не было никакихъ данныхъ чтобы утверждать это—а вотъ у васъ есть и данныя. Вы должны были тотчасъ же разсказать все это герцогинѣ.

— Я такъ и сдѣлала, отвѣчала Сильвія.

— Ну и что же? Что она?

— Она на меня разсердилась и приказала мнѣ молчать. О! я никогда еще не видала герцогиню такой сердитой, она даже топнула ногой: „Какъ вамъ не стыдно, говоритъ, клеветать на человѣка, вы и сходство это, и свою гору Монтелупо во снѣ видѣ-

ли! Графа всѣ знаютъ за самаго почтеннаго и интереснаго человѣка—это великій ученый.

Сергѣй слушалъ, грустно опустивъ голову.

Сильвія продолжала:

— Можетъ быть и правда, что онъ великій ученый и колдунъ, потому что сразу заколдовалъ герцогиню—она только объ немъ и говоритъ эти дни, только имъ и бредитъ. И знаете-ли, вчера сама повезла его въ Тюльери представить его королевѣ, вернулась такая радостная, а къ вечеру онъ опять явился.

Сергѣй не зналъ куда дѣваться отъ тоски и самыхъ мрачныхъ предчувствій.

„Такъ вотъ отчего она въ эти пять дней не поинтересовалась узнать, что съ нимъ такое, вотъ почему не писала ему ни строчки—ей некогда было думать о немъ, такъ она занята своимъ новымъ знакомымъ.

— Можетъ быть и теперь онъ тамъ? спросилъ Сергѣй Сильвію.

— Пока его еще нѣтъ, пожалуйте, но я не могу поручиться, что онъ не явится вслѣдъ за вами.

Сергѣй прошелъ въ будуаръ и очутился передъ герцогиней. Она даже не замѣтила его появленія, она была погружена въ чтеніе какой-то книги.

— Мари! прошепталъ Сергѣй.

Она подняла голову и взглянула на него равнодушными, холодными глазами. Такимъ взглядомъ она простилась съ нимъ въ послѣдній разъ и такимъ же взглядомъ теперь его встрѣчала.

— А, Serge, это вы, наконецъ-то, а я думала что васъ уже нѣтъ въ Парижѣ...

— Но вы не поинтересовались узнать, что со мною?

— Я каждую минуту ждала, что вы сами меня извѣстите объ этомъ.

— Мари, что это такое? съ мученіемъ произнесъ Сергѣй. Что за тонъ—я не узнаю тебя, развѣ когда-нибудь прежде ты меня такъ встрѣчала? Ты не знаешь, что было со мной въ эти дни, да и знать не хочешь. Что же это такое? И если ты на меня за что нибудь сердишься, скажи прямо.

— Я ни на что не сержусь, равнодушно проговорила герцогиня, стараясь улыбнуться. Но ея улыбка вышла такой дѣланной, такой блѣдной.

— Но въ такомъ случаѣ какъ мнѣ понимать все это? Сейчасъ, сейчасъ говори, отчего ты такая?

Она пожала плечами.

— Я такая же какъ и всегда, а если ты для того пріѣхалъ чтобы вести такіе непріятные разговоры и дѣлать сцены, то право и пріѣзжать не стоило. Я сказала что не сержусь... Нѣтъ, я солгала, я сержусь на тебя, да и какъ же мнѣ не сердиться, вѣдь это наконецъ Богъ знаетъ что такое—ты начинаешь преслѣдовать меня упреками, ты вѣчно недоволенъ, все во мнѣ тебѣ не нравится съ нѣкотораго времени. Это нужно оставить мой милый.

Сергѣй многое могъ бы ей отвѣтить, но онъ удержался, онъ рѣшился прямо приступить къ дѣлу.

— Правда-ли, что у тебя постоянно этотъ графъ Монтелупо? Правда ли что ты вчера представляла его королевѣ?

— Конечно правда, но что же изъ этого? А ты вздумалъ ревновать его?

— Я надѣюсь что покуда не имѣю никакихъ для этого основаній, повидимому спокойнымъ голосомъ произнесъ Сергѣй, — я слишкомъ тебя уважаю и считаю благородной женщиной, а потому и не осмѣлюсь ревновать тебя къ неизвѣстному человѣку, котораго ты совсѣмъ не знаешь, котораго увидала пять дней тому назадъ. Но если я спрашиваю тебя объ этомъ человѣкѣ, то для того, чтобы подать тебѣ совѣтъ.

— Совѣтъ? любопытно какой совѣтъ, я слушаю.

— А вотъ что, блѣднѣя и едва сдерживая накипѣвшую злобу, сказалъ Сергѣй, это обманщикъ, это самозванецъ и я совѣтую тебѣ, я прошу тебя перестать принимать его.

Герцогиня вспыхнула и нервно поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла.

— Что такое?! Давно ли ты считаешь себя вправѣ вмѣшиваться въ мои дѣла? Я должна оскорбить человѣка достойнаго всякаго уваженія только потому, что онъ не имѣетъ чести тебѣ нравиться. И ты еще говоришь, что ты не ревнуешь. Что же это такое, какъ не самая глупая ревность? Но въ такомъ случаѣ лучше разъ на всегда объяснимся, чтобы впредь не было никакихъ недоразумѣній между нами. Ты меня не первый день знаешь и ты долженъ знать, что я не настолько безхарактерна, не на столько ребенокъ, чтобы безъ разсужденій исполнять чужіе капризы. Или приди въ себя и будь какъ слѣдуетъ, не мучь меня упреками, мрачными предчувствіями, прописной моралью, однимъ словомъ не разыгрывай въ этомъ будуарѣ драму, не мѣшайся въ мои дѣла, предоставь мнѣ принимать кого я хочу и интересоваться

кѣмъ мнѣ угодно или лучше разойдемся. Я не намѣрена выносить подобнаго деспотизма и никакая любовь не устоитъ противъ всѣхъ этихъ непріятностей.

Онъ слушалъ ее, не вѣря ушамъ своимъ. Она стояла передъ нимъ негодующая, холодная. Какъ ни всматривался онъ въ нее, не могъ подмѣтить въ ней ничего прежняго.

— Ты меня не любишь!? отчаянно и съ ужасомъ крикнулъ онъ.

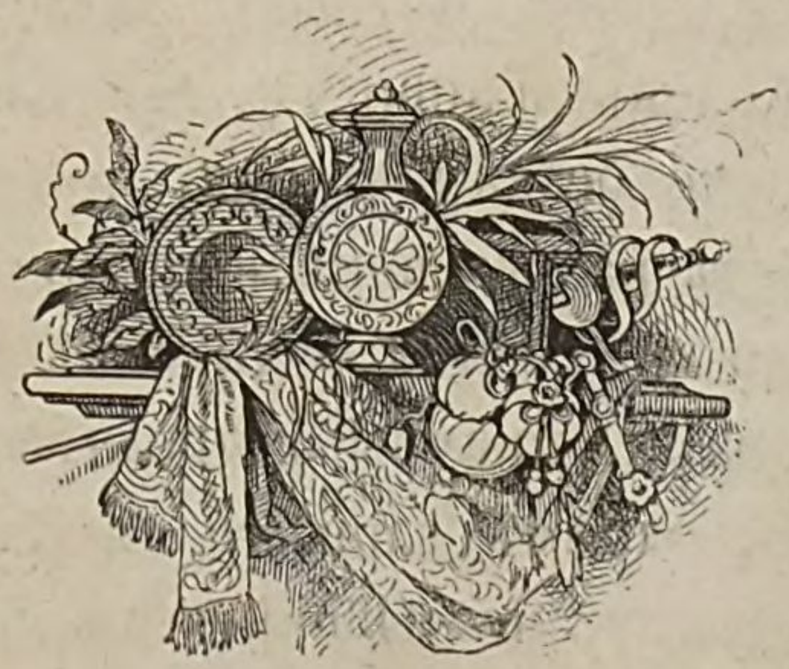
— Ахъ, опять драма, опять трагедія! Боже, какъ все это скучно!!

И она отошла отъ него и взялась за книгу.

Онъ простоялъ еще нѣсколько мгновеній, не говоря ни слова и не спуская съ нея изумленнаго взгляда.

— Прощай! наконецъ прошепталъ онъ не своимъ голосомъ и шатаясь вышелъ изъ комнаты.

Она взглянула ему вслѣдъ, но не тронулась съ мѣста и продолжала свое чтеніе.



XXI.

На улицѣ.

Достигнувъ конца красивой, широкой галлереи, увѣшанной картинами, заставленной китайскими вазами, озаренной мягкимъ свѣтомъ матовыхъ лампъ, Сергѣй невольно остановился. Здѣсь, у этой двери, онъ обыкновенно прощался съ герцогиней, она доводила его сюда и, разставаясь, нѣжно шептала ему:

„Такъ завтра-же?! завтра!—и помни, что если назначенное время приходитъ и тебя еще нѣтъ, мнѣ каждая минута кажется вѣкомъ, мнѣ все чудится, что съ тобою что-нибудь случилось и я мучаюсь, я чувствую себя совсѣмъ несчастной... Помни-же это и не опоздай ни минуты!..“

И онъ конечно всегда обѣщалъ не опоздать и долго не могъ разстаться съ нею, покрывая ея руки поцѣлуями.

Вотъ и теперь ему смутно казалось, что сейчасъ, сейчасъ дверь ея будуара отворится и она поспѣшитъ за нимъ, и вернетъ его, и все будетъ забыто...

Но въ галлереѣ было тихо. Прошли двѣ три минуты,—вдругъ недалеко гдѣ-то скрипнула, пріотворилась дверь.

Сергѣй вздрогнулъ, оглянулся—это она?!

Но нѣтъ, не дверь будуара отворилась, а другая и на порогѣ показалась Сильвія. Она замѣтила Сергѣя и въ изумленіи къ нему подбѣжала.

— Вы уже уходите? Что это значитъ? Боже мой, какъ вы глядите, постойте, куда вы?!

— Прощайте, Сильвія, проговорилъ онъ, протягивая ей руку,—прощайте, мы врядъ-ли еще съ вами встрѣтимся!!

Она вздрогнула отъ прикосновенія руки и тихо улыбнулась.

— Ахъ, что такое вы говорите, послушать васъ, такъ право станетъ страшно!... Я надѣюсь, что мы встрѣтимся завтра-же, потому что я буду дожидаться васъ весь вечеръ и встрѣчу въ этой галлереѣ...

— Нѣтъ, Сильвія, я не вернусь сюда!

— Да перестаньте-же monsieur Serge! — иногда она позволяла себѣ такъ называть его, видя что онъ никогда за это не сердится,—перестаньте, теперь я понимаю, что вы поссорились съ герцогиней, но эта ссора не надолго... Ну, если не завтра, такъ черезъ два дня, а все же вѣдь не утерпите и придете, и будете просить прощенія и васъ простятъ конечно!...

Сергѣй все крѣпче и крѣпче сжималъ ея руку.

— Нѣтъ... слышите... какъ тихо!... она не зоветъ меня! шепталъ онъ прерывающимся голосомъ, — ей

до меня нѣтъ дѣла!... Она могла, она должна была вернуть меня и не сдѣлала этаго. Сильвія, вы добрая дѣвушка, пойдите, пойдите къ ней... я подожду здѣсь, вы сами мнѣ скажете тогда: навсегда-ли я ухожу отсюда!..

Онъ почти упалъ на табуретку, стоявшую около двери, а Сильвія, своей неслышной, легкой походкой поспѣшила въ будуаръ герцогини.

Недолго пришлось ждать Сергѣю. Вотъ Сильвія показалась опять въ галлереѣ и медленно подошла къ нему. Ея лицо было задумчиво, а глаза блестѣли. Онъ схватилъ ее за руки и едва слышно шепталъ.

— Ну что? Только, ради Бога, ничего отъ меня не скрывайте!... Вы понимаете, что мнѣ нужно слышать правду, одну правду—какова-бы она ни была...

— О, я ничего отъ васъ не скрою, отвѣтила Сильвія и въ ея голосѣ послышалась рѣзкая и рѣшительная нота, — я застала герцогиню за чтеніемъ. Это какая-то итальянская книга, кажется медицинская, ее вчера принесъ Мантелупо. Герцогиня читала очень внимательно. Увидѣвъ меня, она видимо разсердилась, сказала, чтобы я ей не мѣшала и прибавила: «Распорядитесь, чтобы никого не было, слышите—никого ко мнѣ не пускайте... меня нѣтъ дома, я сейчасъ уѣхала... я дома только для графа Монтелупо.

Сергѣй поднялся въ страшномъ негодованіи, которое мгновенно заглушило въ немъ всѣ другія чувства.

— Она сказала это? Такъ и сказала? Кто-же бы пріѣхалъ, кого не принимать?... «Сейчасъ уѣхала!»

—вѣдь это она боится, что я вернусь!... Ну, такъ скажите-же ей, Сильвія, что я никогда, никогда не вернусь къ ней, что я ее презираю такъ-же, какъ и того шарлатана, для котораго она теперь дома!...

Сильвія опустила голову, но въ ея лицѣ мелькнуло что-то неуловимое, какъ будто даже радость. Да, она была довольна и она передастъ герцогинѣ слова его, передастъ, что онъ ее презираетъ!

— Прощайте, Сильвія, будьте счастливы!

Радость дѣвушки мгновенно пропала.

Вѣдь онъ прощается, и правда теперь, что онъ прощается навсегда! О, онъ гордъ, она ужь замѣчала это, онъ не вернется; такъ что-же ей въ томъ, если даже и кончено все между нимъ и герцогиней?! Вѣдь было одно счастье — мелькомъ увидать его, услышать его голосъ, а теперь и это счастье... Ахъ, зачѣмъ она ему сказала... онъ можетъ быть и вернулся-бы...

Она схватила его руку, она хотѣла хоть на минуту еще удержать его. Но онъ рѣзкимъ движеніемъ отстранился отъ нея и вышелъ изъ галлереи.

Сильвія опустилась на скамейку, на которой за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ онъ, и горько заплакала...

И вотъ снова, какъ и пять дней тому назадъ, Сергѣй на улицахъ Парижа, пѣшкомъ, въ неурочный для него часъ. И опять онъ не замѣчаетъ темнаго, вечерняго неба, огней людnаго города, толпы, снующей взадъ и впередъ по тротуарамъ. Но тогда онъ шелъ въ неясной тоскѣ, неясныя мысли бродили въ головѣ его и, какъ ни тяжело ему было, все-же представлялась ему возможность исхода изъ этого

невыносимаго положенія, изъ этаго окутавшаго его тумана. Теперь туманъ разсѣялся, неясныя тоскливыя опасенія превратились въ дѣйствительность.

Все кончено, она его не любитъ, она измѣняетъ ему самымъ недостойнымъ образомъ!... Онъ-бы убилъ того человѣка, который сказалъ-бы ему, что она способна на это! И вотъ все это совершилось — и онъ уничтоженъ, раздавленъ... Въ немъ нѣтъ уже тоски, въ немъ жгучая, острая боль разбитаго, опозореннаго чувства и негодованіе, и ужасъ.

И вдругъ Сергѣй остановился и громко засмѣялся, какъ сумасшедшій. Онъ вспомнилъ Таню.

„Зачѣмъ я пеняю, зачѣмъ я негодую, зачѣмъ считаю Мари преступной? — вѣдь я первый поступилъ такъ, какъ она, и не мнѣ возмущаться!...“

Онъ съ какой-то мучительной радостью схватился за эту мысль. Онъ такъ высоко цѣнилъ герцогиню, онъ такъ вѣрилъ въ любовь ея!... Но развѣ Таня меньше ему довѣряла, развѣ она не была въ немъ увѣрена, какъ въ самой себѣ? — вѣдь она доказала это своимъ пріѣздомъ!... Нѣтъ, онъ безконечно преступнѣе—онъ скрывалъ, онъ тянулъ, онъ поставилъ любящую его дѣвушку въ невыносимое положеніе, а отъ него по крайней мѣрѣ не скрывали, не тянули, его заставили сразу догадаться.

„Вотъ и наказаніе! бѣшено думалъ онъ,—кто это сказалъ, гдѣ это я читалъ, что всякій дурной поступокъ человѣка, всякое преступленіе въ самомъ себѣ носитъ свою кару, что избѣгающій людскаго правосудія, не можетъ убѣжать отъ другаго, непонятнаго правосудія, дѣйствующаго во внутренней жизни человѣка?!... Вотъ и наказаніе, и иначе и быть не мо-

гло, и я долженъ былъ знать это!... да вѣдь я и зналъ, вѣдь наказаніе мое началось не сегодня!... Развѣ не наказаніе было это время, эти муки, эта тоска, эта невыносимая жизнь?!. Ну и пусть я до конца все это вынесу, пусть меня всѣ бросятъ — я самъ оттолкнулъ одну, другая меня оттолкнула!..“

Жизнь показалась ему такой отвратительной, такой безсмысленной, что ему безумно захотѣлось разомъ покончить съ нею.

„Мигъ одинъ. подумалъ онъ, — и все кончено!... Зачѣмъ не убили меня тогда, на ступеняхъ версальской лѣстницы?! О, какое-бы это было счастье! — тогда и она погоревала-бы о моей смерти, тогда она еще любила... да и Таня вѣдь... вѣдь я не былъ-бы преступнымъ, недостойнымъ въ глазахъ ея, я не нанесъ-бы ей этого ужаснаго оскорбленія... Убить себя, уничтожить!—вѣдь я имѣю на это право... Матушка! — но она можетъ никогда и не узнать о причинѣ моей смерти, она перенесетъ это горе — станетъ молиться и успокоится... Я никому не нуженъ и никто мнѣ не нуженъ, и ничего нѣтъ у меня впереди...“

Мысль о самоубійствѣ, внезапно блеснувшая въ головѣ Сергѣя, съ каждой минутой казалась ему все заманчивѣе. Старые уроки Рено, отнявшіе у него Бога, теперь приносили плодъ свой. И если онъ все-же отошелъ отъ своего безумнаго рѣшенія, то единственно потому, что ему тяжело было сознаться въ своей трусости и слабости.

„Пусть я преступникъ, думалъ онъ, — и теперь лучшее, что я могу сдѣлать—это покончить съ ненавистной жизнью... мнѣ легко рѣшиться — смерть

для меня высшее благо... Но вѣдь тогда я буду не только преступникомъ, а и жалкимъ трусомъ, который испугался заслуженнаго наказанія... Нѣтъ, я долженъ жить, я долженъ вынести всѣ эти муки, весь этотъ позоръ... вотъ я вернусь домой, меня встрѣтитъ Таня — я не знаю, что она станетъ говорить, она все молчитъ, невыносимо молчитъ, но вѣдь заговоритъ-же! и я не знаю, что буду отвѣчать ей... Это пытка—и я долженъ ее выдержать до конца...“

Онъ шелъ дальше и дальше, не замѣчая дороги, не замѣчая, что идетъ совсѣмъ не въ ту сторону, не къ церкви Магдалины. Иногда казалось ему, что все это неправда, что ничего этаго не было и не будетъ—развѣ возможно это? развѣ мыслимо, что онъ никогда больше не увидитъ Мари?... Но послѣдняя сцена приходила ему на память во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; онъ видѣлъ это блѣдное, холодное лицо, безучастный взглядъ, презрительную усмѣшку... И потомъ слова ея, сказанныя Сильвіи: «я сейчасъ уѣхала!...» Онъ старался придать словамъ этимъ другое значеніе, онъ Богъ знаетъ что-бы далъ за возможность найти имъ хоть какое-нибудь объясненіе... Но это было невозможно, ея слова говорили ясно, безпощадно ясно, и Сильвія не могла солгать. О, еслибъ она солгала, онъ почувствовалъ-бы это, но она не солгала—онъ знаетъ, мучительно знаетъ, что не солгала!

«Такъ вотъ кто! Монтелупо или какъ тамъ его... шуллеръ, шарлатанъ, видимый обманщикъ, негодяй, плохо притворяющійся порядочно воспитаннымъ человѣкомъ!... Да какъ она могла имъ плѣниться, какъ она, при ея умѣ и знаніи свѣта, не догадалась сра-

зу съ кѣмъ имѣетъ дѣло? Чѣмъ онъ ослѣпилъ ее. Что это такое?—или онъ въ самомъ дѣлѣ колдунъ и приворожилъ ее колдовскими чарами?...»

И Сергѣй, потерявшій вѣру въ живаго Бога, которому когда-то горячо молился, Сергѣй, не съумѣвшій прилѣпиться и къ новому богу своихъ любимыхъ философовъ, потому что этотъ новый богъ всегда казался ему такимъ далекимъ и холоднымъ — готовъ былъ повѣрить старой Моськиной сказкѣ о силѣ приворотнаго зелья. Какъ Моська вѣрилъ, что «французская вѣдьма приворожила «дитю», такъ и это привороженное дитё, этотъ ученикъ философовъ-энциклопедистовъ, жадно хватался за соломенку суевѣрія, чтобы какъ-нибудь объяснить слишкомъ оскорбительный для него поступокъ женщины, которая была его божествомъ, его сокровищемъ.

Но соломенка пропадала, мысли останавливались, Сергѣй не разсуждалъ больше и оставался только съ своими тяжкими ощущеніями. Ненависть закипала въ немъ.

„Я найду его! бѣшено шепталъ онъ,—я заставлю его снять маску и убью какъ собаку!... Убью!... а она? вѣдь я не вернусь къ ней... я потерялъ ее навѣки!...“

Страсть охватывала его. Онъ испытывалъ снова все обаяніе этой женщины, первой женщины, съ которой онъ сошелся, которая любила его не робкой, стыдливой дѣвической любовью, а заставляла его пережить все безуміе горячей, ничѣмъ не сдерживаемой страсти. Онъ вспоминалъ живо, живо, до мельчайшихъ подробностей тихіе, таинственные часы въ кокетливомъ будуарѣ, когда дѣйствительность уходи-

ла такъ далеко, когда время не то останавливалось, не то мчалось съ неимовѣрной быстротою, когда полуслова, вздохи и улыбки составляли ихъ единственную, многозначущую и краснорѣчивую бесѣду.

Онъ вспоминалъ это милое, дорогое лицо, но не то, которое показалось ему совсѣмъ новымъ и незнакомымъ а прежнее дорогое лицо, въ которомъ для него гармонически сливалась вся красота земли и неба.

Вотъ они — эти глубокіе черные глаза. О, какъ они глядѣли, какимъ счастьемъ наполняли его! вотъ эти сверкающіе зубы, которые такъ ослѣпительно блестѣли при каждой улыбкѣ, эти хрупкія дѣтскія руки, холодѣвшія отъ прилива страсти и обвивавшія его такъ крѣпко, что разлука казалась немыслимой, невозможной.

И ничего этого теперь нѣтъ, и ничего этого онъ никогда больше не увидитъ! ..

«Да развѣ это возможно? о, пусть она порочна! отчаянно думалъ онъ хватаясь за голову, — пусть она измѣняетъ мнѣ, только-бы мнѣ еще ее увидѣть, только-бы обнять ее и почувствовать ея поцѣлуи, услышать ея ласковый голосъ...»

Онъ припоминалъ многіе ихъ разговоры, наводившіе на него тоску, такъ его мучившіе. Какія мысли она высказывала, какъ обо всемъ судила. То, что было для него важно, въ чемъ онъ видѣлъ самые страшные, насущные вопросы, то казалось ей такимъ пустымъ, легкимъ...

„Да, она испорчена, она видѣла столько дурныхъ примѣровъ! и почемъ знать, ахъ, Боже мой, почемъ знать — можетъ быть онъ не первый, съ которымъ

она измѣняла своему мужу. Да онъ почти увѣренъ теперь въ этомъ, теперь онъ понимаетъ нѣкоторыя слова ея, которыя прежде пропускалъ безъ внимания. Но что-же изъ этаго!? — вѣдь она все та-же, она также прелестна и обольстительна!...“

И онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ примирился съ ея порочностью, онъ готовъ былъ простить ей все, даже графа Монтелупо. Онъ любилъ ее такую, какова она есть, онъ, самъ не замѣчая этого, рѣшался, несмотря на все, на оскорбленіе, имъ перенесенное, на ея пренебреженіе, бѣжать къ ней и молить ее о прощеніи, цѣловать ея ноги.

Онъ шелъ въ лихорадкѣ, съ горящей головою, не замѣчая, что какой-то человѣкъ, попавшій ему навстрѣчу, пристально оглядѣлъ его и вдругъ повернулъ, пошелъ за нимъ, и вотъ уже нѣсколько минутъ идетъ рядомъ и заглядываетъ въ лицо его.

Наконецъ этотъ пристальный, странный взглядъ заставилъ себя почувствовать. Сергѣй очнулся и самъ сталъ съ изумленіемъ всматриваться въ идущаго рядомъ съ нимъ человѣка.

Было довольно темно, но черезъ нѣсколько шаговъ свѣтъ фонаря достаточно озарилъ ихъ лица.

— Рено! изумленно крикнулъ Сергѣй, останавливаясь и хватая за руку своего бывшаго воспитателя.—Рено, другъ мой—вы ли это?

И онъ съ невольной и быстро охватившей его радостью, такъ и прильнулъ къ Рено и не выпускалъ его, будто боясь что онъ вырвется и исчезнетъ. Но Рено очевидно не намѣренъ былъ исчезнуть: онъ старымъ, привычнымъ движеніемъ, какъ бывало, въ Горбатовскомъ, взялъ Сергѣя подъ руку и пошелъ

съ нимъ въ ногу, все продолжая изумленно и грустно глядѣть на него.

— Serge, Serge! говорилъ онъ прежнимъ ласковымъ голосомъ, — что такое съ вами, я почти не узналъ васъ — вы такъ измѣнились!.. Вѣдь вы ничего не видите! Я столько времени шелъ рядомъ съ вами... знаете-ли — вы даже почти громко говорили, но я только не могъ разобрать словъ вашихъ... Serge, дорогой мой, дитя мое, другъ мой — вы напугали меня, я чувствую, что съ вами случилось что нибудь тяжелое, какое нибудь горе...

— Да, горе, можетъ быть хуже чѣмъ горе! проговорилъ Сергѣй;—но развѣ вамъ нужно знать его?! вѣдь вы ушли отъ меня Рено, и сами говорили, что разошлись наши дороги...

— Да, это правда, но я тоже говорилъ вамъ, что вы навсегда будете мнѣ дороги, что если я когда-нибудь и чѣмъ нибудь могу помочь вамъ, то сдѣлаю все, что только въ моихъ силахъ.

— О, вы ничѣмъ не можете помочь мнѣ!...

Но въ то же время Сергѣй чувствовалъ, что Рено помогаетъ ему однимъ уже своимъ присутствіемъ. Онъ забылъ все, что оттолкнуло его отъ этаго человѣка, забылъ свое негодованіе на него и то тяжелое чувство, съ которымъ онъ признавался себѣ, что Рено не прежній уже человѣкъ, имѣвшій надъ нимъ такое вліяніе, казавшійся ему такимъ высокимъ. Теперь онъ забылъ все это, онъ помнилъ только далекіе годы, когда онъ душа въ душу жилъ съ нимъ, онъ чувствовалъ, что не смотря на все, по прежнему это вѣрный другъ его, который его любитъ. А ему такъ нужно было такого человѣка.

И Рено, въ свою очередь, позабылъ многое, и онъ перенесся душою въ прежнюю жизнь, не замѣчалъ новой жизни, всецѣло охватившей его въ послѣднее время, не замѣчалъ этаго шумнаго, роднаго ему Парижа. Ему казалось, что они снова въ Горбатовскомъ и „дорогой мальчикъ“ нуждается въ его помощи. Онъ думалъ теперь только объ этомъ „дорогомъ мальчикѣ“.

„Что съ нимъ такое, что съ нимъ? какъ могъ, какъ смѣлъ я его выпустить! да, я безобразно, гадко виноватъ передъ нимъ... Вотъ я ушелъ, а съ нимъ и случилось несчастье! Но какое?“...

— Serge, не томите меня, скажите мнѣ всю правду!

Въ этихъ словахъ прозвучало такъ много чувства, что Сергѣй, прижавшись къ Рено и сжимая его руку, отрывисто, горячо, едва справляясь со своимъ волненіемъ, разсказалъ ему все и про герцогиню, и про Таню.

— Княжна здѣсь?! ma petite fée!.. гдѣ она, гдѣ?.. Хоть на минуту взглянуть на нее! крикнулъ Рено почти съ дѣтской радостью; но тутъ и замолкъ, грустно опустивъ голову. Не до радости было, — разсказъ Сергѣя сильно его опечалилъ и встревожилъ.

— Мнѣ очень тяжело васъ слушать, Serge, говорилъ онъ,—и я больше чѣмъ кто либо могу понять ваше положеніе, мнѣ такъ вотъ и кажется, что снова вернулась моя молодость и я опять переживаю свое старое горе... Да, это мука, и отъ такой муки разрывается сердце; но, другъ мой, не надо приходить въ отчаяніе, нужно собраться съ силами, нужно быть бодрымъ — и время все залечитъ... Вы такъ

молоды, вѣдь вся жизнь впереди, все, что кажется теперь такимъ страшнымъ и роковымъ — забудется, вы еще будете счастливы—я вамъ ручаюсь въ этомъ...

— Ахъ, Рено, вѣдь это слова, только слова, и отъ нихъ мало утѣшенія, перебилъ его Сергѣй, — я знаю что вы пережили то, что я переживаю; но вотъ—вы сулите мнѣ счастье и я не могу вамъ вѣрить уже потому, что сами то вы развѣ были счастливы послѣ своего горя?! Не вы ли говорили мнѣ, что ваша жизнь разбита и что старое никогда не забывается... А между тѣмъ ваше горе было меньше моего—у васъ не оставалось упрека совѣсти, если васъ обманули и оскорбили, если ваше сердце разбили, то вы-то не разбили ничьего сердца... А я!.. подумайте о Танѣ!..

Рено совсѣмъ оживился — онъ вдругъ почувствовалъ подъ собою почву.

— Я и думаю объ ней! горячо заговорилъ онъ,— и потому-то и предсказываю вамъ счастье. Когда я былъ обманутъ, когда недостойная женщина жестоко надругалась надъ моимъ чувствомъ—я остался одинъ на всемъ свѣтѣ, оплеванный, безъ вѣры, безъ надежды, я никому не былъ нуженъ, никто не любилъ меня, я былъ одинокимъ въ полномъ смыслѣ этого слова—и вотъ въ чемъ заключалось мое несчастье, и вотъ что разбило мою жизнь... я все, всѣ силы, всего себя отдалъ той, которая меня обманула и надругалась надо мною, — у меня ничего не осталось. Еслибъ вы находились теперь въ такомъ же положеніи — мнѣ было бы трудно утѣшить васъ, я не посмѣлъ бы говорить вамъ о счастьи; но вы совсѣмъ другое дѣло—у васъ столько друзей, родныхъ, близ-

кихъ, искренно васъ любящихъ... да тутъ совсѣмъ и не они... у васъ Таня! вотъ вся ваша будущность, ваше счастье и спасенье!..

— Но между нами все кончено, она все знаетъ! и какъ могу я вернуться къ ней, когда, несмотря на всѣ ея достоинства, я уже не люблю ее попрежнему, когда я безумно люблю другую?!.

— Пустое! маленькая фея васъ излечитъ, не даромъ же она—фея... о, я ее знаю, я въ нее вѣрю!.. это сама судьба прислала ее сюда для вашего спасенія!

Но Сергѣй грустно, почти безнадежно качалъ головою.

— Вы ошибаетесь, Рено, повторялъ онъ

— Не ошибаюсь, не могу ошибиться, только вы не падайте духомъ, будьте мужчиной и, повѣрьте, все устроится какъ нельзя лучше—вы такъ молоды, у васъ любящее сердце, а княжна! да это лучшее существо, какое только встрѣтилось мнѣ въ жизни,—такъ ей ли не излечить васъ!? она еще разъ побѣдитъ васъ, и уже окончательно, навсегда; иначе мнѣ пришлось бы сознаться, что я васъ не знаю и не зналъ, что я въ васъ жестоко ошибался... Ободритесь же, мой другъ, ободритесь!..

И онъ самъ, говоря это, былъ такъ живъ и бодръ, такъ вдругъ переродился, что его оживленіе сообщилось и Сергѣю, съ котораго вдругъ будто скатилась давящая тяжесть. Онъ могъ теперь, хоть на короткое время, хоть на нѣсколько мгновеній, оторваться отъ мучительной, раздражающей мысли о Мари, хоть не на долго отогнать ея образъ. Передъ нимъ уже не мелькала ея обольстительная улыбка, не горѣли

ея глаза, не звучалъ ея голосъ. Онъ видѣлъ теперь все, что его окружало. Близость Рено, этаго стараго, вновь найденнаго друга, наполнила его сердце новымъ и теплымъ чувствомъ.

Ему вдругъ тяжело стало подумать о разлукѣ съ этимъ другомъ. Вотъ сейчасъ уйдетъ онъ — и съ нимъ вмѣстѣ исчезнетъ этотъ проблескъ, это оживленіе, этотъ лучъ невольной, неясной еще, но отрадной надежды.

— Ну что же, Рено?! сказалъ онъ тономъ упрека,—вотъ мы случайно встрѣтились благодаря тому, что я, незамѣчая дороги, заблудился на парижскихъ улицахъ, а теперь вы меня опять оставите!? — вы вѣрно спѣшите куда нибудь, къ вашимъ новымъ друзьямъ, по вашему новому дѣлу...

— Да, я спѣшу, задумчиво отвѣтилъ Рено, — но только теперь я васъ не оставлю... Послушайте — вамъ необходимо какое нибудь развлеченіе, какое нибудь волненіе—все равно какое! лишь бы оно отвлекло васъ отъ вредныхъ мыслей... Я ручаюсь за васъ какъ за себя самаго, и я рѣшаюсь предложить вамъ провести васъ туда, куда спѣшу... тамъ вы увидите много интереснаго.

— Сергѣй и самъ чувствовалъ потребность забыться.

— Я пойду за вами, сказалъ онъ, — только куда это?

— Въ мѣсто, противъ котораго вы вѣроятно ужь предубѣждены—и не безъ основанія... слышите—не безъ основанія!—это я говорю вамъ... Я введу васъ подъ своей отвѣтственностью туда, куда проникнуть довольно трудно—въ нашъ клубъ.

— Вашъ клубъ?! Какой, Рено? постойте... неужели вы—членъ якобинскаго клуба? неужели вы туда меня ведете?

— Да, вы угадали.

Сергѣй задумался.

— Идемте! наконецъ проговорилъ онъ, — это во всякомъ случаѣ интересно!

XXII.

Якобинцы.

Рено взялъ Сергѣя подъ руку и они пошли по направленію къ улицѣ Saint-Honoré.

Рено рѣшился употребить всѣ усилія чтобы такъ или иначе заставить своего бывшаго воспитанника хоть нѣсколько забыться. Это оказалось легче чѣмъ онъ думалъ, потому что, не смотря на все свое горе, Сергѣй не могъ вполнѣ равнодушно относиться къ вопросамъ, которые они затронули.

— Да, проговорилъ онъ,—я съ большимъ интересомъ посмотрю что дѣлается у васъ въ клубѣ, но прежде всего познакомьте меня съ его дѣятельностью, скажите вы мнѣ что это такое? потому что я слышалъ самые разнорѣчивые толки о якобинцахъ: одни считаютъ это общество ничтожнымъ и безсильнымъ, но большинство боится васъ и разсказываетъ про васъ

всякіе ужасы. Вы конечно можете быть увѣрены, что я не злоупотреблю вашимъ довѣріемъ и не пожелаю нанести вамъ какой нибудь вредъ; но мое обязательство можетъ относиться только къ Парижу и я предупреждаю васъ что, очень можетъ быть, сочту своимъ долгомъ немедленно же разсказать все мною видѣнное и слышанное въ письмѣ въ Петербургъ—это моя прямая обязанность... Если вы противъ этого что нибудь имѣете, то лучше оставьте меня и я не пойду съ вами.

Рено задумался; но потомъ съ какой-то странной улыбкой обернулся къ Сергѣю.

— Пишите кому хотите! не только письмомъ въ Петербургъ, но даже и вашими разсказами здѣсь, въ Парижѣ, вы не можете повредить якобинскому клубу... Вы можете повредить развѣ только лично мнѣ— но это ужь ваше дѣло... А что такое нашъ клубъ, что такое якобинцы — это я вамъ сейчасъ объясню. Тѣ, которые считаютъ якобинцевъ ничтожными и безсильными—очень ошибаются, тѣ которые ихъ боятся—совершенно правы, потому что это новая сила, у которой скоро все очутится въ рукахъ къ несчастью! Да, мой милый другъ, съ тѣхъ поръ какъ мы не видались, я прошелъ черезъ многое, я по прежнему врагъ стараго порядка и въ этомъ отношеніи не могу измѣниться, но становлюсь также и врагомъ новаго порядка, который теперь вырабатывается, почти уже выработался, и который создаютъ главнымъ образомъ якобинцы.

— Я очень радъ это отъ васъ слышать, Рено сказалъ Сергѣй, — еслибы вы знали какъ мнѣ тяжело было видѣть васъ исполненнымъ только злобы и не-

нависти, но я не долженъ былъ отчаяваться, я долженъ былъ понимать—зная васъ—что рано или поздно вы отречетесь отъ всѣхъ крайностей.

— Да, да, раздумчиво говорилъ Рено,—негодованіе наше законно, слишкомъ много накопилось... Такъ не можетъ продолжаться, но къ несчастью видно правдивости не ужиться на этомъ свѣтѣ! Я вижу теперь ясно какъ изъ одной неправды мы попадаемъ въ другую. На моихъ глазахъ произошла никакъ нежданная мною и страшная метаморфоза... Вы спрашиваете что такое якобинцы и нашъ клубъ? Онъ учреждался на самомъ разумномъ основаніи. Сначала это было просто собраніе нѣсколькихъ депутатовъ, главнымъ образомъ изъ Бретани, которые, для того чтобы имъ было удобнѣе толковать о дѣлахъ, наняли для своихъ засѣданій залу въ якобинскомъ монастырѣ, въ улицѣ Saint-Honoré. На эти совѣщанія рѣшено было принимать только почтенныхъ и извѣстныхъ всѣмъ людей: писателей, артистовъ, ораторовъ. Членами были: Кондорсе, Лагарпъ, Шенье, Шамфоръ, Давидъ, Тальма. Я считалъ за особую честь когда и меня допустили и записали въ члены клуба. Но вотъ много ли съ тѣхъ поръ прошло времени — и все измѣнилось. Сначала мы толковали дѣйствительно о самыхъ насущныхъ дѣлахъ; послѣ переѣзда королевскаго семейства изъ Версаля въ Парижъ мы убѣдились, что со стороны короля не можетъ быть никакихъ затрудненій, слѣдовательно, нужно было серьезно разобраться въ настоящемъ положеніи Франціи, уяснить себѣ всѣ ея нужды, опредѣлить всѣ ея болѣзни и общими силами найти для нихъ лекарство. Этому мы и рѣшились посвятить

себя — и что же?! — Прошелъ какой нибудь мѣсяцъ, другой — и нашъ клубъ превратился въ громадное сборище никому неизвѣстныхъ крикуновъ, подстрекателей толпы, всякихъ двухсмысленныхъ, темныхъ людей, цѣль которыхъ—торжество произвола. Основатели клуба почти всѣ исчезли, превратились изъ хозяевъ или въ простыхъ гостей, или даже въ изгнанниковъ. Мы не успѣли оглянуться какъ къ намъ ворвался весь Палэ-Рояль, такъ называемыя Патріотическія общества Палэ-Рояля...

— Палэ-Рояль, перебилъ Сергѣй,—да не вы ли же сами находили что тамошніе дѣятели правы, вспомните нашу встрѣчу! Теперь вы, славу Богу, согласны со мною...

— Да, это были первыя минуты, горячо продолжалъ Рено,—и я, признаюсь, жестоко заблуждался, но теперь то мнѣ все ясно: Палэ-Рояль погубитъ Францію...

— Какъ же могли вы допустить этихъ людей и общества въ вашъ клубъ? мнѣ кажется вы сами виноваты.

— Вѣроятно, но, знаете, есть одна сила, передъ которой ничто не можетъ устоять, которая, если не возьметъ своего открыто, то всегда съумѣетъ найти окольные пути. Эта сила — деньги. Среди порядочныхъ людей, первыхъ якобинцевъ, нашлись все-же и такіе, которые польстились на золото, выходящее изъ сундуковъ Филиппа Орлеанскаго, другіе были просто одурачены—и такимъ образомъ клубъ наполнился новыми членами, которые въ скоромъ времени стали огромнымъ большинствомъ и, какъ подавляю-

щее большинство, завладѣли клубомъ... Я уже рѣшилъ теперь, что мнѣ надо искать новаго убѣжища, каждое засѣданіе доказываетъ мнѣ, что при такомъ оборотѣ носить названіе якобинца становится позорнымъ. Я вовсе не желаю возбуждать къ себѣ ужасъ въ порядочныхъ людяхъ. Нужно постараться противупоставить якобинцамъ новую и серьезную организацію... Только врядъ ли это удастся... О, какъ мало настоящихъ людей! Если вы и встрѣчаете честнаго человѣка, то почти всегда окажется, что у него не хватаетъ гражданскаго мужества... Всѣ теперь по норамъ прячутся, боятся носъ высунуть на воздухъ, потому что въ воздухѣ гроза! Да вѣдь когда же и работать, когда же и жертвовать собою какъ не теперь!... Конечно, я сдѣлаю все что могу... я собралъ нѣсколько одномыслящихъ людей, мы задумали попробовать устроить общество, цѣль котораго была бы—противодѣйствіе всякой несправедливости, всякой неправдѣ, изъ какого бы лагеря она не выходила. У меня и сегодня дѣло въ клубѣ: я намѣренъ наконецъ потребовать отчета—по какому праву патріотическія общества Палэ-Рояля, забывъ о заявленныхъ ими цѣляхъ, позволяютъ себѣ именемъ народа возмутительныя безчинства. У меня въ рукахъ фактъ такого безчинства, совершившагося на дняхъ — и я заставлю себя выслушать. Я увижу настроеніе большинства якобинцевъ — по крайней мѣрѣ положеніе окончательно выяснится. Будьте и вы свидѣтелемъ того, что произойдетъ, только прошу васъ не вмѣшиваться въ пренія и быть молчаливымъ слушателемъ... Обѣщаете ли вы мнѣ это Serge?

— Обѣщаю, машинально отвѣтилъ Сергѣй.

Его возбужденіе уже прошло и онъ снова чувствовалъ свою сердечную муку.

Между тѣмъ въ это время они были уже на улицѣ Saint-Honoré и подходили къ мрачному зданію стараго монастыря. Рено очевидно хорошо зналъ всѣ ходы и выходы. Онъ взялъ Сергѣя за руку и сталъ вести его почти въ совершенной темнотѣ. Сначала они шли по длинному корридору, въ которомъ глухо раздавались ихъ шаги, гдѣ пахло сыростью старыхъ, заплѣсневѣвшихъ камней.

Но вотъ блеснулъ свѣтъ фонаря — они поднялись по каменной лѣстницѣ и вступили въ рядъ сводчатыхъ комнатъ, освѣщенныхъ лампами, наполненныхъ густой толпой народа.

Вокругъ стѣнъ стояли скамьи; передъ скамьями маленькіе столики, массивные кожаные стулья съ высокими спинками. На этихъ скамьяхъ и стульяхъ размѣстились, непринужденно разговаривая и перебивая другъ друга, люди разныхъ возрастовъ и, судя по разнообразію костюмовъ, различныхъ общественныхъ положеній. Кому недоставало мѣста на скамьяхъ и стульяхъ—тѣ собирались группами и то медленно прохаживались, то останавливались по большей части жарко споря и жестикулируя.

Кое-гдѣ мелькали одинокія фигуры. Все это были очень молодые люди съ блѣдными, изнуренными лицами, небрежно, иногда даже бѣдно одѣтые съ фанатическимъ и въ то же время тупымъ выраженіемъ въ лицѣ. Глаза ихъ лихорадочно горѣли; они то мрачно сдвигали брови, то какъ-то зло усмѣхались, а нѣкоторые изъ нихъ такъ даже шептали сами

съ собою, измѣряя комнаты большими, неровными шагами.

Рено указалъ Сергѣю на двухъ — трехъ такихъ молодыхъ людей.

— Вотъ—смотрите! сказалъ онъ,—вотъ они, эти герои, вотъ новые якобинцы!.. Это маньяки, больные изверги—и ничего больше... И пожалѣйте меня! —вѣдь я еще въ Россіи мечталъ объ этой молодежи, объ этихъ новыхъ, непочатыхъ силахъ, которымъ суждено спасти Францію отъ всѣхъ бѣдъ.... Какъ жестоко я обманутъ, какъ я одураченъ! Теперь я хорошо познакомился съ этимъ типомъ, ихъ много, они явились изо всѣхъ угловъ Франціи. . они не вожаки, но первые исполнители всякаго безчинства... они разсуждать не умѣютъ, неспособны... они глухи и слѣпы! Но кричать могутъ и кричатъ отчаянно. Ихъ отравили красивыми фразами и, заучивши эти фразы, они только и мечтаютъ стать палачами.

— Однако, прибавилъ онъ, поспѣшимъ въ залу засѣданія, вотъ вамъ входной билетъ—я чуть было не забылъ, что безъ билета васъ бы не впустили и по счастью у меня два въ карманѣ.

Онъ незамѣтно передалъ Сергѣю карточку.

Пройдя двѣ комнаты Рено и Сергѣй остановились передъ запертой дверью. У этой двери расхаживали два человѣка, на плечахъ которыхъ красовались три цвѣтныя какарды.

Взглянувъ на одного изъ нихъ Сергѣй не могъ подавить въ себѣ изумленія. Это былъ изящный юноша, рѣзко выдѣлявшійся среди разнообразнаго и смѣшаннаго общества своей внѣшностью и манерами. Сергѣй узналъ въ немъ молодого герцога

Шартрскаго—сына Филиппа Орлеанскаго. Сергѣй не былъ представленъ герцогу, но нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ въ Парижѣ.

— Вотъ какъ! шепнулъ Рено,—этаго еще не доставало. Если герцогъ можетъ васъ узнать, то, мнѣ кажется, вамъ уже лучше сейчасъ же удалиться... а то могутъ быть мнѣ большія непріятности и я пожалуй лишусь возможности сказать съ трибуны то, что непремѣнно долженъ сказать сегодня же... Я, право, никакъ не ожидалъ, хотя, конечно, удивляться нечему...

— Нѣтъ, онъ меня не знаетъ, не тревожьтесь, такъ же тихо отвѣчалъ Сергѣй.

Въ это мгновеніе молодой герцогъ былъ уже возлѣ нихъ.

— Citoyens, vos cartes d'entrée, s'il vous plait! съ легкимъ полупоклономъ и любезной улыбкой проговорилъ онъ, обращаясь сначала къ Рено, а потомъ къ Сергѣю.

Они передали ему билеты и прошли въ залу.

Это была обширная, высокая и даже величественная комната—монастырская библіотека. По стѣнамъ стояли шкафы съ старинными фоліантами, озаренная висячими лампами, возвышалась трибуна, рядами шли скамьи, почти всѣ занятыя слушателями. Рено, однако, подавъ знакъ Сергѣю за нимъ слѣдовать, сталъ пробираться между скамьями къ трибунѣ.

Имъ удалось найти два свободныхъ мѣста. Рено усадилъ Сергѣя, но самъ не сѣлъ—онъ увидѣлъ что трибуна пуста. Кругомъ раздавались громкіе голоса, споры, почти крики, очевидно вызванные рѣчью

только что говорившаго оратора. Рено поспѣшилъ къ трибунѣ, желая воспользоваться минутой. Ему удалось раньше другихъ взобраться на ступеньки и занять ораторское мѣсто.

Онъ обвелъ блиставшими глазами всю залу, увидѣлъ десятки, сотни знакомыхъ лицъ—всѣхъ обычныхъ посѣтителей клуба, но еще болѣе было лицъ совсѣмъ ему неизвѣстныхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ первый разъ. Онъ нерѣдко говорилъ съ этой трибуны, говорилъ всегда краснорѣчиво, увлекательно и до сихъ поръ пользовался значительной популярностью. Его появленіе было и теперь встрѣчено довольно дружными рукоплесканіями, раздавшимися во многихъ мѣстахъ залы и онъ зналъ что стоитъ ему заговорить, какъ говорилъ онъ прежде—горячими, красивыми фразами, пышными общими мѣстами—и эти рукоплесканія только усилятся.

Но въ послѣднее время въ немъ произошла большая перемѣна, онъ очнулся отъ своего опьяненія, отрѣшился отъ своихъ мечаній, онъ уже не вѣрилъ въ ту новую эру, которая мерещилась ему еще такъ недавно. Революція, представлявшаяся ему грозной и великой Немезидой, съ каждымъ днемъ выставляла передъ нимъ свои отвратительныя стороны—и онъ былъ слишкомъ честнымъ человѣкомъ, чтобы продолжать служить тому, во что пересталъ вѣрить. Онъ могъ быть увлеченнымъ, обманутымъ, но не могъ быть сознательнымъ обманщикомъ. Онъ стыдился теперь тѣхъ фразъ, тѣхъ красивыхъ, но въ сущности ничего незначущихъ восклицаній, которыя онъ расточалъ съ этой трибуны. Въ немъ явилась неодолимая потребность снова говорить; но говорить совсѣмъ иначе и

высказать прямо и открыто все, что накипѣло въ немъ.

— Граждане! началъ онъ дрогнувшимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.—Я прошу вашего вниманія и позволенія поставить нѣсколько вопросовъ.

Крики и споры умолкли. Вся зала стала внимательно слушать.

— Граждане! продолжалъ Рено, — скажите мнѣ, дѣйствительно ли мы, всѣ здѣсь собравшіеся, стоимъ подъ однимъ общимъ знаменемъ, на которомъ начертаны великія слова: „свобода и равенство?“ Вотъ первый вопросъ, на который я жду отвѣта.

Движеніе прошло по залѣ.

— Да, да! конечно!.. какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе?!. Что вы хотите сказать этимъ вопросомъ, гражданинъ Рено?.. объяснитесь, мы слушаемъ!.. раздались отовсюду голоса.

— Вы отвѣтили утвердительно, заговорилъ Рено,— значитъ каждый изъ насъ свободенъ и равенъ одинъ другому, но эта свобода и это равенство—составляетъ ли только нашу привиллегію или это—признаваемое нами право всѣхъ безъ исключенія гражданъ Франціи? Вотъ второй вопросъ мой!

Онъ остановился и пристально вглядывался въ своихъ слушателей.

По залѣ снова пронесся гулъ. Но если въ первый разъ въ отвѣтѣ слушателей слышались только недоумѣніе и любопытство, то теперь въ отрывистыхъ словахъ: „конечно!.. къ чему же говорить объ этомъ?.. что за праздные вопросы?!.“ начинало слышаться

уже раздраженіе. Въ двухъ трехъ мѣстахъ раздалось, хоть и тотчасъ же смолкнувшее шиканье.

— Праздные вопросы! рѣзко крикнулъ Рено, выпрямляясь и вдругъ какъ бы выростая на трибунѣ,— нѣтъ, это не праздные вопросы, потому что люди, служащіе извѣстному принципу, должны быть послѣдовательны и справедливы—иначе они плохіе бойцы и не защитятъ принципа, которому желаютъ служить... Нѣсколько дней тому назадъ совершился фактъ, разъясненіе котораго на мой взглядъ совершенно необходимо. Къ редактору распространенной и уважаемой газеты, гражданину Малло, явилась депутація отъ нашего клуба...

— Ну такъ что же изъ этого? мы принадлежали къ этой депутаціи! крикнули, поднимаясь, нѣсколько человѣкъ,—мы какъ слѣдуетъ поговорили съ этимъ журналистомъ и можно надѣяться, что онъ насъ понялъ и впредь не будетъ себѣ позволять того, что до сей поры позволялъ!..

— Что же онъ себѣ позволилъ? въ негодованіи крикнулъ Рено. — Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ Мало извѣстенъ за независимаго, честнаго писателя, всегда искренно высказывавшаго свои убѣжденія, стоящаго на почвѣ законности, защищающаго свободу и общественный порядокъ.

— А, такъ вы за одно съ Мало, гражданинъ Рено, сколько онъ заплатилъ вамъ за вашу адвокатскую защиту?! раздался насмѣшливый голосъ.

Но Рено рѣшился оставить эту насмѣшку безъ вниманія.

— Мы можемъ быть несогласными съ нѣкоторыми

взглядами Мало, говорилъ онъ,—но каждый искренній и честный человѣкъ достоинъ уваженія. И вотъ депутація якобинцевъ врывается въ кабинетъ такого человѣка и требуетъ отъ него чтобы онъ измѣнилъ свои убѣжденія и говорилъ только то, что пріятно клубу и патріотическимъ обществамъ Палэ-Рояля. Если же онъ этого не исполнитъ, то ему объявляютъ, что онъ будетъ подвергнутъ всевозможнымъ насиліямъ. Скажите мнѣ, правда ли это? вѣрно ли это мнѣ передано?

— Конечно правда, какъ же иначе и говорить съ подобными господами!?

— Я надѣялся услышать опроверженіе, но теперь вижу что переданный мнѣ разсказъ вѣренъ. Мало отвѣчалъ что онъ признаетъ только авторитетъ закона, который долженъ быть авторитетомъ и для якобинцевъ, и для всѣхъ гражданъ Франціи. Не признавать авторитета закона—значитъ служить плохую службу родинѣ, измѣнять ей... И что же вы ему отвѣчали? вы отвѣчали что вы—представители народа и выражаете приказаніе націи, котораго онъ долженъ слушаться...

— Да, конечно, и если онъ не исполнитъ нашего требованія, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ измѣнникомъ, какъ съ ослушникомъ воли народа!

Фигура Рено вовсе не была такъ создана, чтобы обращать на него всеобщее вниманіе;—онъ не могъ ею импонировать. Очень небольшаго роста, сутуловатый и хотя подвижной, но довольно неловкій въ своихъ движеніяхъ, онъ съ перваго взгляда производилъ даже почти комическое впечатлѣніе. Его носъ

былъ черезчуръ длиненъ, ротъ какъ-то странно и нервно кривился; только глаза его и прекрасный открытый лобъ скрашивали это неправильное, угловатое лицо и заставляли забывать его некрасивость.

На высокой кафедрѣ онъ въ первую минуту показался очень смѣшнымъ. При этомъ еще у него былъ довольно слабый голосъ и желая говорить громко, такъ чтобы слова его слышны были по всѣмъ угламъ залы, онъ невольно доходилъ до рѣзкихъ, крикливыхъ нотъ, что тоже, конечно, не могло способствовать благопріятному впечатлѣнію.

Внѣшность оратора, звукъ его голоса, его манера говорить — великое дѣло, и самыя пустыя слова. самые неудачные парадоксы, высказанные съ кафедры человѣкомъ, обладающимъ красивойи симпатичной наружностью и звучнымъ голосомъ, часто наэлектризовываетъ слушателей несравненно сильнѣе чѣмъ великія истины, глубокія мысли, выкрикнутыя некрасивымъ человѣкомъ. Трибуна и кафедра — во всякомъ случаѣ та же сцена и нужно прежде всего быть искуснымъ актеромъ для того чтобы дѣйствовать на аудиторію и вызывать ея рукоплесканія.

Рено вовсе не думалъ объ этомъ, но, самъ того не замѣчая, онъ преображался съ каждой минутой. Страстная искренность, съ которой говорилъ онъ. горячее возмущенное чувство, наполнявшее его—положили отпечатокъ на его лицо. Глаза его горѣли и искрились, вся невзрачная фигура вдругъ выросла и приняла выраженіе смѣлости и гордой рѣшимости. Онъ не трепеталъ передъ этой тысячной аудиторіей, не ждалъ ея одобренія, не боялся ея свист-

ковъ. Онъ рѣшился принять на себя всѣ послѣдствія смѣлой рѣчи и говорилъ потому, что ему уже давно необходимо было высказаться, потому что вѣрилъ въ истину каждаго своего слова.

— „Ваше требованіе!“ говорилъ онъ, — „и воля народа!“—я понимаю что *вы* можете требовать чего вамъ угодно; но причемъ тутъ воля народа — этаго я не понимаю! Докажите мнѣ, что вы уполномочены народомъ, что вы дѣйствительно воплощаете въ себѣ выраженіе его желаній, его воли — и тогда, если я буду спорить, — то уже съ народомъ а не съ вами... Но дѣло въ томъ, что народъ вовсе никогда не думалъ уполномочивать васъ и не можетъ уполномочить на тотъ способъ дѣйствій, который вы избрали теперь!...

„Вы давно позабыли о народѣ, да, вѣроятно, никогда о немъ и не думали, вамъ онъ ненуженъ, вамъ нужно только его имя какъ благовидный предлогъ, какъ ширма, за которою вы прячетесь когда вамъ нечего отвѣтить, нечѣмъ оправдать сдѣланную вами несправедливость: „воля народа! такова воля народа!“ кричите вы и думаете этимъ зажать всѣмъ рты и одурачить. Но вѣдь вы сами же хорошо понимаете, что только клевещете на народъ и что онъ хочетъ вовсе не того, чего вы хотите и добиваетесь!.. Прикрываясь волей націи, вы творите только свою волю!..

«Проклиная прежнюю и теперь уже безсильную тиранію, вы создаете тиранію новую, деспотизмъ неслыханный, которому подобнаго еще никогда не бывало. Ваша цѣль—заставить всѣхъ слѣдовать за вами; но не въ силу убѣжденія, не въ силу правоты

вашей, а просто изъ страха передъ вами—вы хотите запугать всѣхъ, навести на всѣхъ ужасъ... Позвольте же сказать вамъ, что правое дѣло во всякомъ случаѣ не нуждается въ такихъ средствахъ!..

«Крича о свободѣ и равенствѣ, вы требуете свободы только для себя и для тѣхъ, кто поддакиваетъ вамъ во всемъ, что бы вы ни говорили и ни дѣлали. Всякаго же человѣка, осмѣлившагося имѣть свое собственное мнѣніе, какъ бы искренно и какъ бы даже справедливо оно ни было, вы немедленно же лишаете человѣческаго достоинства, вы тотчасъ же хотите закабалить его, превратить въ вашего раба—и вы называете это свободой и равенствомъ!?. Нѣтъ, у васъ другой девизъ, другое знамя: «трепещи, умирай или—думай какъ я!»—вотъ слова начертанныя на вашемъ знамени! Вы считаете себя обновителями, спасителями Франціи—жестокое заблужденіе!—не вы ее спасете, вы можете только удесятерить ея бѣды, только погубить ее!»...

Рено почти задыхался отъ волненія. Онъ замолчалъ, отеръ дрожащей рукой холодный потъ, выступившій на лбу его и обвелъ залу сверкающимъ, негодующимъ взглядомъ.

Его слова были такъ неожиданны, онѣ были произнесены такъ вдохновенно, съ такой силой, наконецъ, въ нихъ было столько правды, невольно сознаваемой каждымъ изъ слушателей, что вся зала будто замерла. Всѣ эти люди, для большинства которыхъ не существовало никакихъ приличій, которыхъ самымъ любимымъ ихъ ораторамъ не удавалось заставить себя выслушивать до конца спокойно и въ

молчаніи—теперь сидѣли будто окаменѣвъ, съ изумленіемъ и почти со страхомъ глядя на смѣлаго и вдохновеннаго Рено.

Но онъ замолчалъ—и обаяніе его горячей рѣчи исчезло.

Вся зала точно вдругъ проснулась. Со всѣхъ сторонъ поднялось волненіе.

XXIII.

Въ клубѣ.

Занявъ мѣсто на скамьѣ недалеко отъ трибуны Сергѣй машинально оглядывалъ залу и скоро сталъ изумляться, зачѣмъ это онъ пришелъ сюда. Онъ чувствовалъ что ему нѣтъ ровно никакого дѣла до того что здѣсь происходитъ. Онъ безучастно всматривался въ окружавшія его лица, ловилъ раздававшіяся кругомъ фразы и въ то-же время сердце его безумно ныло, хотѣлось ему бѣжать куда нибудь дальше, все равно куда, только бы какъ нибудь скрыться отъ настигавшихъ и томившихъ его мучительныхъ мыслей. Но онъ хорошо зналъ что ему идти некуда, что нигдѣ не будетъ лучше—и впадалъ въ какое то тихое отчаянье, и сидѣлъ неподвижно.

Замѣтя какъ Рено стремительно пробирается къ

трибунѣ, онъ изумился, глядя на его взволнованное и озабоченное лицо.

«Ну, чего онъ, зачѣмъ? подумалось ему. Что онъ будетъ говорить такое? Неужели онъ можетъ интересоваться этимъ?! Вѣдь все равно чтобы онъ ни сказалъ, онъ ничѣмъ не поможетъ—глупость и подлость останутся неизмѣнны»...

Но едва Рено заговорилъ, какъ Сергѣй вышелъ изъ своего равнодушія.

Если нежданная, горячая рѣчь Рено производила сильное впечатлѣніе на всѣхъ слушателей, то на Сергѣя она произвела еще сильнѣйшее впечатлѣніе. Внезапно позабывъ себя, онъ всѣмъ сердцемъ отозвался на слова своего воспитателя; онъ радостно ловилъ ихъ. Ему такъ тяжело было лишиться Рено—и вотъ Рено опять найденъ, опять вернулся, неизмѣнный, такой же точно какаго Сергѣй зналъ, любилъ и уважалъ.

Снова пахнуло на него обаяніе старыхъ дней, горячихъ, задушевныхъ разговоровъ, во время которыхъ Рено воодушевлялся также какъ и теперь и весь кипѣлъ возмущеннымъ чувствомъ, благороднымъ негодованіемъ. Онъ умѣлъ тогда передать это чувство, это негодованіе и воспитаннику и Сергѣй самъ проникался ими. Тоже самое случилось и теперь.

Когда Рено замолчалъ и прошла первая минута, Сергѣй прежде всѣхъ крикнулъ ему «браво!» и громко захлопалъ въ ладоши. Такіе-же крики поднялись и въ разныхъ мѣстахъ залы, но скоро они были заглушены дружнымъ шиканіемъ огромнаго большинства.

Началась всеобщая сумятица. Нѣсколько десят-

ковъ людей, толкаясь и перескакивая черезъ скамьи, устремились къ трибунѣ, на которой еще виднѣлась фигура Рено, очевидно утомленнаго волненіемъ и растерянаго.

Едва наступало мгновеніе сравнительной тишины какъ снова прорывались рукоплесканія и тотчасъ же ихъ заглушали неистовые свистки и шиканье.

Рено пробовалъ сойти съ кафедры, но это оказалось невозможно, — толпа обступила его со всѣхъ сторонъ и не пропускала.

„Браво, гражданинъ Рено!“ раздавалось то тамъ, то здѣсь“.

„Рено, прочь съ кафедры! намъ ненужно проповѣдниковъ! ненужно измѣнниковъ!“ Тотчасъ-же подхватывали десятки голосовъ.

„Рено, спасибо!“ горячо пожимая оратору руку, шептали пробравшіеся къ нему друзья и единомышленники. — „Давно было пора все это имъ высказать, къ тому же если эти средства, которыя теперь практикуются, были мыслимы въ виду ожидавшагося сопротивленія и насилій съ той стороны, то теперь, когда сопротивленія ни откуда не предвидится, когда все соединяется и возможна дружная и честная работа, такія средства только подлость и ничего больше!

Вы правы — это не сторонники и не представители народа—это первые и смертельные враги его!..“

Такъ шептали друзья Рено, но ихъ шепотъ былъ слышенъ только ему одному и не нашлось ни одного человѣка, который рѣшился бы громко повторить только что ими сказанное.

Между тѣмъ волненіе въ залѣ все усиливалось. Нѣсколько крикуновъ, не скупившихся давать Рено

наименованія „измѣнника“ и „отступника“, подзадоривали болѣе спокойныхъ. Теперь уже ясно слышались угрозы.

„Кто не съ нами, тотъ противъ насъ! Что онъ такое толкуетъ о мягкихъ средствахъ, объ убѣжденіяхъ—не время воспитывать людей, убѣждать, уговаривать и упрашивать! Если человѣкъ не понимаетъ, тѣмъ хуже для него, съ дураками какіе разговоры... ихъ бить нужно, и будемъ бить всѣхъ, кто станетъ говорить и дѣйствовать противъ насъ!..

Да о чемъ же тутъ, чего ждать?! Вотъ уже въ нашемъ клубѣ появляется измѣна. Этого Рено нужно наказать, пусть его примѣръ послужитъ и для другихъ урокомъ...

Да, проучимъ его хорошенько, авось тогда перестанетъ храбриться и смущать своей болтовней. Смотрите, не упускайте его изъ виду!..“

Ни Рено, ни Сергѣй не слышали однако этихъ угрозъ. Рено наконецъ удалось сойти съ кафедры и онъ помѣстился рядомъ съ Сергѣемъ, который въ волненіи жалъ его руки.

Они рѣшились уйти изъ клуба, на пока для этого не представлялось никакой возможности—такая была давка. Къ тому же на кафедру взошелъ уже новый ораторъ, одинъ изъ растрепанныхъ и разгорячен-ныхъ молодыхъ людей, на которыхъ Рено раньше еще указывалъ Сергѣю.

Появленіе такого оратора гдѣ нибудь на улицѣ, среди пьяной, безсмысленной черни было еще понятно. Чернь могла аплодировать пьяному голосу, дерзкой брани, энергичному жесту. Но въ этой обширной монастырской библіотекѣ собралась все же

не чернь, а люди, которые считали себя способными руководить общественнымъ мнѣніемъ. И странно было видѣть что пьяный ораторъ, не смотря даже на волненіе, вызванное рѣчью Рено, успѣлъ собрать вокругъ кафедры достаточное число слушателей, которые прерывали его знаками одобренія и восторженнымъ „браво“.

А между тѣмъ что такое говорилъ онъ?! Выкативъ глаза, то и дѣло стуча кулаками о пюпитръ, онъ разражался одними лишь отрывистыми фразами, въ которыхъ заключались только ругательства и ничего больше. Это былъ какой то безумный призывъ ко всеобщему разрушенію, за которымъ долженъ былъ послѣдовать безобразнѣйшій хаосъ.

Если полупьяная, раздраженная толпа черни, кинувшаяся въ Версаль, производила на Сергѣя впечатлѣніе звѣринаго стада, то теперь ему казалось, что онъ находится въ домѣ умалишенныхъ. И онъ ясно видѣлъ что умалишенные эти безнадежны, что нѣтъ никакой силы, способной заставить ихъ очнуться...

Но помѣшанныхъ въ этой залѣ было во всякомъ случаѣ несравненно менѣе чѣмъ людей, пользующихся ихъ помѣшательствомъ для достиженія ясно поставленныхъ цѣлей.

Не далеко отъ трибуны, у стѣны, почти совсѣмъ скрытый за книжными шкафами, сидѣлъ неподвижно, не обращая на себя ничьего вниманія, скромно, но прилично одѣтый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ былъ, повидимому, довольно равнодушнымъ зрителемъ и слушателемъ. Когда, послѣ рѣчи Рено, вся зала волновалась, аплодировала или шикала, онъ оста-

вался все такимъ же безучастнымъ и даже почти ни разу не измѣнилъ позы. Но вглядѣвшись внимательно въ его сухое лицо съ рѣзкими чертами и быстрымъ острымъ взглядомъ легко было догадаться что это спокойствіе и равнодушіе только маска. Спокойный и какъ будто даже уставшій, человѣкъ этотъ не проронилъ ни одного слова изъ того что говорилось, онъ отлично замѣтилъ всѣхъ кто отнесся сочувственно къ рѣчи Рено. Теперь онъ сидѣлъ также неподвижно, время отъ времени закрывая глаза и съ едва замѣтной, презрительной усмѣшкой слушалъ безумныя фразы, раздавшіяся съ кафедры.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что у входной двери, остававшейся запертой во все время засѣданія, показался новый посѣтитель. Человѣкъ этотъ не снялъ своей шляпы, какъ впрочемъ и большинство находившихся въ залѣ,—при этомъ онъ былъ закутанъ плащемъ, который скрывалъ всю нижнюю часть лица его. Такимъ образомъ различить можно было только его глаза и онъ смѣло могъ встрѣтиться съ знакомыми съ нимъ людьми, и не быть ими узнаннымъ еслибы только не захотѣлъ этого. Но неподвижно сидѣвшій за книжными шкафами человѣкъ очевидно все же узналъ его. Онъ съ нѣкоторой досадой покачалъ головой и прошепталъ.

„Ну зачѣмъ онъ является сюда, да еще въ такомъ видѣ?!. не достаетъ только чтобы онъ надѣлъ маску и этимъ еще больше обратилъ на себя вниманіе... Хорошо вѣдь знаетъ что и безъ него все будетъ сдѣлано, такъ нѣтъ, не терпится... интересно... порисоваться нужно!.. И онъ самъ себя увѣряетъ что безъ него никто ничего не съумѣетъ сдѣлать — что онъ —

все... Ну да впрочемъ пускай себѣ забавляется, какъ придетъ время и ему будетъ указано его настоящее мѣсто!...“

Между тѣмъ закутанный человѣкъ былъ уже близко. Онъ въ свою очередь замѣтилъ узнавшаго его и, сдѣлавъ ему легкій знакъ рукой, сталъ къ нему пробираться. Тотъ всталъ, уступивъ ему свое мѣсто, и они заговорили.

Закутанный человѣкъ былъ владѣлецъ Палэ-Рояля, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, а молчаливый наблюдатель со спокойнымъ лицомъ и быстрыми глазами —его довѣренный, его фактотумъ Лакло.

Кто не зналъ близко Лакло, а близко знали его очень немногіе, тому и въ голову не могло придти какимъ могуществомъ обладаетъ этотъ человѣкъ, какая сила сосредоточивается въ рукахъ его. Повидимому онъ игралъ очень незначительную роль и не обладалъ качествами, съ помощью которыхъ люди пробиваются впередъ и занимаютъ видныя мѣста. Онъ держалъ себя всегда очень скромно, не отличался краснорѣчіемъ и всегда молчалъ, когда говорили другіе. Единственный видимый талантъ его былъ — красивый почеркъ и вотъ этотъ то почеркъ далъ ему первыя занятія при герцогѣ Орлеанскомъ.

Прошло не много времени и Лакло самымъ незамѣтнымъ образомъ вкрался въ довѣріе горцога и мало по малу сдѣлался нужнымъ для него человѣкомъ, безъ котораго онъ не могъ уже ступить шагу.

Оставаясь все тѣмъ же скромнымъ и молчаливымъ переписчикомъ, Лакло забралъ въ руки и герцога, и весь Пале-Рояль. Онъ вставалъ рано и поздно ложился, весь день былъ на ногахъ: молчаливый, по-

стоянно ступевываясь, являлся то тамъ, то здѣсь, во всѣхъ углахъ Парижа и неустанно работалъ. Надъ чѣмъ? Надъ всякой интригой, какова бы ни была она. Интрига была его стихія и въ этомъ дѣлѣ онъ оказывался истиннымъ, даже великимъ артистомъ. Онъ ненавидѣлъ всѣхъ и все и ко всему роду человѣческому относился съ величайшимъ презрѣніемъ. Способствовать несчастью какъ можно бо́льшаго числа людей, вызывать всюду борьбу, сѣять раздоръ, доставлять торжество одному, съ тѣмъ чтобы вслѣдъ за этимъ и его одурачить, ставить людей то въ смѣшное, то въ трагическое положеніе, а самому оставаться въ сторонѣ и любоваться дѣломъ рукъ своихъ—такова была цѣль его жизни.

Въ прежніе годы, до революціоннаго движенія, онъ былъ неизмѣннымъ пособникомъ Филиппа Орлеанскаго въ разнообразныхъ его любовныхъ похожденіяхъ. Но цѣня его услуги и щедро ихъ награждая, герцогъ не подозрѣвалъ что онъ обязанъ Лакло далеко не одними удовольствіями, а также и всевозможными непріятностями и часто большими затрудненіями, въ которыхъ онъ оказывался. Теперь, въ послѣдніе годы, когда властолюбіе герцога и всѣ его дурные инстинкты увлекли его въ революціонную дѣятельность, Лакло опять оказался его ближайшимъ пособникомъ. Но и тутъ онъ работалъ вовсе не ради выгодъ своего довѣрителя — онъ готовилъ ему неизбѣжную гибель и, между прочимъ, велъ его къ быстрому раззоренію. Въ его рукахъ оказались всѣ денежныя средства Орлеанскаго и ужь не говоря о томъ, что Лакло прежде всего обогащалъ себя самого, онъ расточалъ деньги герцога часто именно

тѣмъ людямъ, которые были и оставались его врагами. Одну только услугу оказалъ Лакло своему герцогу: скрываясь за нимъ и выставляя его имя во главѣ цѣлаго ряда хитросплетенныхъ интригъ и всевозможныхъ махинацій, онъ поставилъ его на нѣкоторый пьедесталъ и образъ Филиппа „Egalité“ долгое время являлся окруженнымъ какимъ-то мрачнымъ и таинственнымъ ореоломъ, ореоломъ злаго генія Франціи въ революціонную эпоху. Но туманъ все больше и больше разсѣевается и „Egalité“ начинаетъ представляться довольно жалкой фигурой легкомысленнаго и одураченнаго честолюбца, заплатившаго дорогой цѣною—цѣною тревожной, лихорадочно-мучительной жизни и позорной смерти, за свои пороки и легкомысліе. Изъ за выставленной на показъ статуи ясно выглядываютъ живые люди, приводившіе ее въ движеніе и на первомъ мѣстѣ между ними является Лакло, которому безспорно должна принадлежать печальная извѣстность одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ воротилъ французской революціи...

— Что за шумъ такой сегодня? вполголоса спрашивалъ герцогъ Орлеанскій, усаживаясь за стулъ и картинно драпируясь своимъ плащемъ, — я вообще замѣчаю что здѣшнія собранія становятся все болѣе и болѣе шумными. Сначала все было такъ согласно... неужели являются серьезныя разногласія?!.

— Никакихъ разногласій нѣтъ и быть не можетъ, ваше королевское высочество, отвѣчалъ Лакло,—все идетъ какъ нельзя лучше, наши агенты вербуютъ достаточное количество подходящихъ людей, наши денежныя средства даютъ намъ возможность раски-

нуть якобинскую сѣть по всей Франціи и недалеко то время когда вся рыба попадетъ въ наши руки. А шумъ... это хорошо! это, видите ли, одинъ изъ *прежнихъ* членовъ, Рено, вздумалъ читать мораль и объявлять дѣйствія нашихъ—произволомъ и насиліемъ... ну вотъ и поднялся крикъ!...

— И что-же, у этого Рено много оказалось сторонниковъ? озабоченно спросилъ Орлеанскій.

— Почти никого, но все же я нѣкоторыхъ отмѣтилъ и готовъ принести гражданину Рено мою сердечную благодарность. По истинѣ — мы ему очень обязаны; если-бъ онъ молчалъ, ему пожалуй бы дали какое нибудь порученіе, отправили бы въ провинцію и тамъ онъ, хоть и не особенно конечно, но все же могъ бы повредить дѣлу. Теперь же никакой ошибки быть не можетъ...

— Но, мнѣ помнится, этотъ Рено имѣлъ нѣкоторое вліяніе, онъ хорошо говоритъ, а главное, онъ многое знаетъ и можетъ пожалуй, повредить дѣлу— подумали ли вы объ этомъ, Лакло?

— Насчетъ этого не безпокойтесь—немедленно же будутъ сдѣланы необходимыя распоряженія и какъ онъ, такъ и всѣ тѣ, кто показалъ сочувствіе словамъ его, окажутся *запертыми*. Я поручу надежнымъ людямъ слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и, въ случаѣ чего—пусть ужь себя винятъ, мы такъ или иначе обрѣжемъ имъ когти.

— Да, конечно, раздумчиво проговорилъ Орлеанскій,—съ такими людьми нечего церемониться, только все-же нужно дѣйствовать осторожнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Знаете ли, Лакло, что въ Парижѣ уже начинаютъ поговаривать объ изчезающихъ людяхъ?

Недалѣе еще какъ сегодня я слышалъ подобную исторію о какомъ-то Дешанѣ, который будто бы исчезъ при очень странныхъ обстоятельствахъ... Я прежде никогда не слыхалъ этого имени. Не знаете ли вы чего объ этомъ дѣлѣ?

— Немного знаю, спокойно, даже съ легкой улыбкой, проговорилъ Лакло, — Дешанъ былъ поопаснѣе Рено и отъ него необходимо было какъ можно скорѣе избавиться... Впрочемъ это самая обыкновенная исторія, въ которой нѣтъ ровно ничего таинственнаго: онъ, кажется, встрѣтился поздно ночью, за городомъ на берегу Сены, съ какимъ то человѣкомъ, съ которымъ крупно поспорилъ. Кончилось дракой. Дешанъ вѣдь могъ самъ поколотить этого человѣка; но оказалось, что онъ былъ хоть и ловкій парень, а тутъ то сплоховалъ — и выкупался въ Сенѣ съ камнемъ на шеѣ... Вольно же гулять поздно ночью...

— Однако вотъ я чуть было его не выпустилъ, оживленно прибавилъ онъ, замѣтивъ что Рено, въ сопровожденіи Сергѣя, быстро пробирается къ выходу изъ залы.

Лакло въ свою очередь, оставивъ герцога, устремился по тому же направленію и, подойдя сначала къ одному а потомъ къ другому изъ своихъ агентовъ. шепнулъ имъ, чтобы они слѣдили за Рено.

— Не выпускайте изъ виду также и спутника, вотъ этого красиваго молодаго человѣка, сказалъ онъ. Я не знаю кто онъ, я вижу его въ первый разъ—онъ никогда прежде здѣсь не бывалъ. Узнайте о немъ все подробнѣе и завтра же мнѣ сообщите...

Распорядившись такимъ образомъ, Лакло спокойно вернулся на свое прежнее мѣсто.

Рено съ Сергѣемъ быстро выходили изъ якобинскаго монастыря. Былъ уже глухой часъ ночи и хотя фонари, разставленные довольно рѣдко въ этой части города, горѣли тускло, но взошедшая полная луна обливала всѣ предметы яркимъ свѣтомъ.

— До свиданья мой другъ, сказалъ Рено, крѣпко сжимая руку Сергѣю,—не унывайте, не падайте духомъ. Теперь уже поздно, поспѣшите домой — маленькая фея вѣрно не спитъ, и дожидается васъ, и тревожится. Завтра утромъ я буду у васъ непремѣнно... и, не знаю, объ этомъ нужно хорошенько подумать... быть можетъ я такъ устроюсь со своими дѣлами, что совсѣмъ, по старому, переселюсь къ вамъ. Я и теперь бы отправился вмѣстѣ съ вами, да никакъ нельзя — хоть и поздно, но мнѣ необходимо видѣть одного человѣка.

— Такъ смотрите же, завтра я жду васъ! проговорилъ Сергѣй, но такимъ страннымъ, глухимъ голосомъ, что Рено тревожно всмотрѣлся въ лицо его.

Они разстались. Каждый пошелъ своей дорогой и ни тотъ, ни другой не замѣтили, что слѣдомъ за каждымъ изъ нихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, прячась въ тѣни, движется по темной фигурѣ.

XXIV.

Вызовъ.

Разставшись съ Рено Сергѣй направился домой. Временное оживленіе, которое онъ испыталъ было въ якобинскомъ клубѣ, теперь исчезло. Онъ вдругъ позабылъ все что видѣлъ сейчасъ и слышалъ, позабылъ Рено и снова сталъ думать о своей герцогинѣ, и снова тоска и отчаянье наполнили его.

„Рено говоритъ что вся жизнь впереди, что время все излечитъ! Онъ видитъ даже благополучіе для меня въ моемъ несчастьи... Да вѣдь такъ всегда успокоиваютъ люди, но развѣ когда нибудь этимъ можно успокоить? Пусть вся жизнь впереди, пусть излечитъ время, да вѣдь сегодня-то, сейчасъ... все это не сонъ, все это на яву случилось!.. Вѣдь это она говорила, вѣдь это она такъ невыносимо глядѣла

на меня!.. Она ждала итальянца и можетъ быть теперь онъ съ нею!“...

При этой мысли вся кровь бросилась въ голову Сергѣя. Онъ остановился, оглядѣлся во всѣ стороны, все же не замѣчая слѣдовавшаго за нимъ человѣка, который, увидя его движеніе, тоже остановился и притаился въ тѣни у крыльца высокаго дома.

«Домой, теперь домой идти!? подумалъ Сергѣй,— развѣ это возможно?.. Что я тамъ буду дѣлать?!»

Онъ сообразилъ дорогу и спѣшнымъ шагомъ направился къ отелю д'Ориньи. Темная фигура послѣдовала за нимъ не приближаясь, но и не отставая.

Во все время довольно долгаго пути до Сентъ-Жерменскаго предмѣстья Сергѣй находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Онъ уже безсильно поддавался охватившему его чувству жгучей ревности. Ему такъ невыносимо было сознаніе что герцогиня его уже не любитъ, что она ему измѣнила, ему было такъ страшно признать ее совсѣмъ не такой, какою она ему до сихъ поръ представлялась,—онъ невольно ухватился за итальянца и на него одного взвалилъ вину случившагося, и его одного ненавидѣлъ.

Теперь онъ долженъ былъ добыть его во чтобы то ни стало и сорвать съ него маску и уничтожить его, или быть имъ уничтоженнымъ. Это былъ единственный выходъ изъ того невыносимаго состоянія, въ которомъ онъ находился.

И онъ спѣшилъ къ отелю герцогини въ тяжеломъ предчувствіи, говорившемъ ему что тамъ, у этихъ знакомыхъ стѣнъ, онъ будетъ ближе къ этому ненавистному итальянцу чѣмъ гдѣ либо.

Вотъ и отель д'Ориньи. На улицѣ ни звука, ни души. Луна освѣщаетъ громады мрачныхъ и величественныхъ зданій. Сергѣй внимательно оглядѣлъ весь фасадъ, всѣ окна, но ничего подозрительнаго не могъ замѣтить, нигдѣ не было видно свѣту — казалось, всѣ спятъ въ отелѣ.

„Онъ здѣсь, онъ здѣсь!.. чуть громко не крикнулъ Сергѣй,—я чувствую, что онъ здѣсь!“.

Но ему не хотѣлось идти къ привратнику и стараться отъ него вывѣдать былъ ли кто нибудь послѣ него у герцогини. Конечно этотъ привратникъ долженъ все знать, помимо его невозможно проникнуть въ отель. Привратникъ — хитрый, жадный старикъ. Сергѣй не мало переплатилъ ему денегъ и своей щедростью, повидимому, заслужилъ его расположеніе—онъ конечно отъ него ничего не скроетъ.

Было даже мгновеніе когда Сергѣй уже направился къ воротамъ, но тотчасъ же и отошелъ—ему стало неловко, стыдно, невыносимо.

„Все же я не уйду отсюда, безумно шепталъ онъ,—и вѣдь въ такомъ случаѣ онъ меня навѣрное увидитъ; такъ свѣтло...“

Однако привратникъ вѣроятно только похвастался ревностнымъ исполненіемъ своей должности — онъ преспокойно спалъ въ каморкѣ у воротъ во дворѣ— и Сергѣй могъ быть на этотъ счетъ спокоенъ.

„Но вѣдь я могу войти въ отель, привратникъ меня впуститъ, а тамъ я знаю всѣ ходы —,мнѣ никого ненужно... я могу легко проникнуть до галлереи, до комнатъ Мари... и если только...

Ему представилась возможность застигнуть италь-

янца въ самомъ отелѣ и уничтожить его безъ всякихъ разсужденій.

Но по счастью онъ не долго останавливался на этой мысли, въ немъ заговорило чувство оскорбленаго достоинства.

„Я не переступлю больше порога этого дома если не убѣждусь, что его здѣсь нѣтъ“.

Ни надъ чѣмъ больше не задумываясь, онъ остановился на противоположной сторонѣ улицы, противъ отеля, увидѣлъ широкія ступени крыльца и поднявшись по этимъ ступенямъ, сѣлъ на камни, не замѣчая сырости и холода. Здѣсь онъ былъ въ тѣни и весь отель д'Ориньи, освѣщенный луною, былъ передъ нимъ какъ на ладони. Если кто нибудь выйдетъ оттуда, то откуда бы онъ ни вышелъ, Сергѣй тотчасъ же замѣтитъ.

И сидя на холодныхъ каменныхъ ступеняхъ старинаго широкаго крыльца, Сергѣй весь превратился въ слухъ и зрѣніе, боясь пропустить малѣйшій шорохъ.

Но такъ какъ все его вниманіе было сосредоточено на отелѣ д'Ориньи, то онъ и не могъ замѣтить что всякое движеніе его повторяется будто въ зеркалѣ другимъ человѣкомъ. Теперь этотъ человѣкъ, точно также какъ и онъ, сидѣлъ на ступеняхъ крыльца одного изъ сосѣднихъ домовъ и не спуская глазъ глядѣлъ на Сергѣя.

«Тутъ что-то странное! думалъ онъ,—ну что ему здѣсь надо и неужто онъ проторчитъ тамъ всю ночь?! Вѣдь такъ пожалуй онъ меня совсѣмъ заморозитъ!? Да дѣлать то нечего, если ужь взялся выслѣдить такъ и выслѣжу навѣрное!»

Прошло около часа, а Сергѣй все сидѣлъ неподвижно. И такъ-же неподвижно сидѣлъ слѣдящій за нимъ человѣкъ, положеніе котораго въ настоящемъ случаѣ было пожалуй еще хуже чѣмъ положеніе Сергѣя. Тотъ въ своемъ волненіи покрайней мѣрѣ не замѣчалъ ни времени, ни холода, а этотъ оставался спокойнымъ, считалъ каждую минуту, продрогъ совершенно и проклиналъ Сергѣя на чемъ свѣтъ стоитъ.

«Ну ужь, любезнѣйшій, удружу-же я тебѣ за это!—будешь другой разъ людей морозить!»—думалъ онъ, начиная серьезно ненавидѣть Сергѣя и искренно считать его причиной своихъ страданій.

Однако именно въ ту минуту когда терпѣніе его начинало окончательно истощаться, небольшая калитка у отеля д'Ориньи пріотворилась и пропустила мужскую фигуру. Сергѣй внимательно всмотрѣлся и чуть не крикнулъ отъ муки, бѣшенства и отчаянья. Никакихъ сомнѣній не оставалось—это былъ онъ, итальянецъ, графъ Монтелупо. Онъ выходилъ изъ отеля въ поздній часъ ночи, почти подъ утро!..

— Я зналъ что онъ тамъ... я зналъ! стуча зубами подумалъ Сергѣй.

Но нѣтъ, видно несмотря на всю свою увѣренность у него оставалась надежда, онъ все же считалъ возможнымъ обмануться, потому что теперь появленіе Монтелупо поразило его какъ громовой ударъ и онъ нѣсколько мгновеній не могъ собраться съ силами.

Наконецъ онъ очнулся, тихо сошелъ съ крыльца и направился слѣдомъ за Монтелупо.

И опять его движеніе было въ точности повторено

слѣдившимъ за нимъ человѣкомъ, лицо котораго выражало теперь большое изумленіе.

Три фигуры, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, двигались по улицѣ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. Монтелупо шелъ бодро и даже началъ насвистывать какую то пѣсню, не ожидая ничего для себя непріятнаго и не разсчитывая ни на какую встрѣчу.

А между тѣмъ Сергѣй былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

„Убить его!? бѣшено думалъ онъ, — онъ стоитъ того, чтобы его убить какъ собаку!“

Но не смотря на все свое бѣшенство и отчаяніе, Сергѣй, конечно, не былъ способенъ привести въ исполненіе подобную угрозу. Онъ рѣшился не выпустить этого ненавистнаго ему человѣка, но прежде всего необходимо было сорвать съ него маску, убѣдиться что Сильвія не ошиблась, что онъ дѣйствительно тотъ самый негодяй и шуллеръ, котораго она знала въ Болоньѣ. Сергѣй нашелъ въ себѣ силу сдержать свои чувства и, подойдя совсѣмъ близко къ итальянцу, онъ почти спокойнымъ голосомъ крикнулъ:

— Синьоръ Бринчини!

Этотъ возгласъ былъ до такой степени неожиданъ, что тотъ мгновенно остановился и, обернувшись, съ изумленіемъ воскликнулъ:

— А? Что такое?! Кто зоветъ меня?!

Но это было только одно мгновеніе. Луна все еще свѣтила и онъ узналъ Сергѣя.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ онъ, быстро оправляясь отъ своего смущенія,—

и зачѣмъ обратились вы ко мнѣ называя меня не моимъ именемъ? Если не ошибаюсь—я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ вами въ салонѣ герцогини д'Ориньи и насъ познакомили... Меня зовутъ графъ Монтелупо.

— Васъ зовутъ Бринчини, глухимъ голосомъ перебилъ его Сергѣй,—и вы сами признались въ этомъ, спросивъ кто васъ окликнулъ. Но еслибы вы и не отозвались на дѣйствительное ваше имя, это было бы рѣшительно все равно—какъ видите я васъ знаю и предо мною вамъ нечего играть комедію.

Итальянецъ опять смутился, но полумракъ все же скрывалъ яркую краску, выступившую на лицѣ его и къ тому же онъ очевидно привыкъ уже къ разнымъ непріятнымъ приключеніямъ и не терялъ присутствія духа.

— Вы меня не знаете, становясь передъ Сергѣемъ въ вызывающую позу сказалъ онъ, конечно, вы принимаете меня за другого и я буду просить васъ скорѣе объясниться.

— Я принимаю васъ именно за того, кто вы есть, уже теряя всякое спокойствіе, крикнулъ Сергѣй. Вы Бринчини изъ Болоньи!!

— Повторяю: вы обмануты какимъ нибудь ложнымъ свѣдѣніемъ. Но слова ваши во всякомъ случаѣ крайне оскорбительны и я вовсе не намѣренъ пропустить ихъ мимо ушей.

— Да это было бы для васъ довольно трудно. Я повторяю вамъ, что знаю васъ — вы самозванецъ и шарлатанъ... слышите ли? вы употребляете самые низкіе способы чтобы одурачить людей и втереться въ такое общество, которое можетъ быть вамъ по-

лезно. Вы обманываете легкомысленныхъ женщинъ и старыхъ дураковъ, но напрасно вы думаете, что не найдете людей, которые легко поймутъ ваше шарлатанство и вашъ наглый обманъ...

По мѣрѣ того, какъ Сергѣй все больше и больше терялъ власть надъ собой, итальянецъ наоборотъ дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе. При послѣднихъ словахъ Сергѣя онъ уже сталъ улыбаться и самымъ вызывающимъ тономъ проговорилъ:

— Ахъ, теперь я васъ понимаю, вы придираетесь ко мнѣ и оскорбляете меня изъ зависти къ моимъ успѣхамъ въ томъ обществѣ, въ которомъ, вѣроятно до моего появленія васъ лучше принимали. Ну чтожь, это очень понятно, молодой человѣкъ, и, дѣлать нечего, мнѣ придется переговорить съ вами... Я бы съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ это теперь же, не сходя съ мѣста, но только видите—при мнѣ нѣтъ оружія. Приходится пожалѣть о старой модѣ, при которой человѣку дана была возможность когда угодно отвѣчать на оскорбленіе... Къ тому же, вѣроятно, вы пожелаете обставить поединокъ всякой торжественностью, секундантами...

— Да, я буду драться съ вами! задыхаясь проговорилъ Сергѣй,—вотъ вамъ мой адресъ и завтра я пришлю вамъ моего секунданта. Я вамъ дѣлаю эту честь, хотя вы его не стоите...

— Вы бы хорошо сдѣлали, милостивый государь, если бы удержались отъ дальнѣйшихъ оскорбленій, внушительно перебилъ его итальянецъ,—вы должны знать что разъ поединокъ рѣшенъ, противники обязаны вѣжливо относиться одинъ къ другому.—Я, какъ видите, не отступаю отъ этого правила... Вотъ

вамъ мой адресъ, я до полудня буду ждать вашего секунданта.

Онъ учтиво поклонился и такъ какъ они находились на перекресткѣ двухъ улицъ, повернулъ въ одну изъ нихъ и пошелъ скорымъ шагомъ.

Сергѣй оставался совсѣмъ измученный, растерянный и обезсиленный. Онъ горячо желалъ такого исхода, желалъ или убить этого человѣка или быть имъ убитымъ. Но въ то же время ко всѣмъ его терзаніямъ примѣшивалось еще какое-то противное чувство неловкости, большого недовольства самимъ собою. Только конечно онъ не сталъ отдавать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ и, увидѣвъ проѣзжавшую извощичью коляску, сѣлъ въ нее и поѣхалъ къ церкви Магдалины.

Положеніе якобинскаго агента, слѣдившаго за нимъ до послѣдней минуты, повидимому, становилось теперь затруднительнымъ—онъ поневолѣ долженъ былъ потерять его изъ виду, такъ какъ другого экипажа на улицѣ не оказалось. Но агентъ нисколько не смутился, онъ оставилъ Сергѣя въ покоѣ и устремился вслѣдъ за итальянцемъ. Догнавъ его, безъ церемоніи хлопнулъ его по плечу и назвалъ именемъ Бринчини.

Итальянецъ оглянулся, всмотрѣлся и совсѣмъ успокоился.

— А, это вы, Ранси? сказалъ онъ,—какимъ образомъ вы сюда попали.

— А вотъ по порученію нашихъ выслѣживаю того молодчика, съ которымъ вы сейчасъ говорили. Право я очень радъ, что попалъ на васъ. Онъ чуть

меня не заморозилъ, такъ видно судьба наконецъ сжалилась надо мною... ну что еслибы не вы?! Надѣюсь, вы его хорошо знаете и можете сообщить о немъ достаточно свѣдѣній и если мнѣ не хотите разсказать, такъ все равно—сами навѣдайтесь къ гражданину Лакло—онъ будетъ вамъ очень благодаренъ за доставленныя вами подробности...

— Такъ онъ нашимъ нуженъ! проговорилъ итальянецъ,—я знаю его очень мало, но все, что о немъ знаю вы сейчасъ узнаете—мнѣ вовсе нѣтъ необходимости отъ васъ скрывать. Это богачъ, русскій князь, котораго я встрѣтилъ въ томъ домѣ, откуда теперь иду.

— Чей же это домъ?

— Помилуйте—вы еще спрашиваете! весь Парижъ знаетъ что это отель герцога д'Ориньи.

— Такъ вы теперь отъ герцога?

— Нѣтъ не отъ герцога—я съ нимъ еще не знакомъ а отъ герцогини, хвастливо отвѣтилъ итальянецъ.

— Вотъ какъ? впрочемъ я вѣдь и позабылъ, что вы теперь съ разными герцогинями и маркизами дѣла обдѣлываете... Молодецъ!... ну, да большому кораблю большое и плаваніе — намъ за вами не угнаться... Такъ какъ же насчетъ молодчика?

— А на счетъ молодчика это завтра рѣшено будетъ... если вы слѣдили за нимъ, то должны были слышать разговоръ нашъ...

— То-то и есть, что не разслышалъ: близко подойти я боялся—я могъ помѣшать вамъ.

— Я завтра буду съ нимъ драться и, если желаете, можете быть моимъ секундантомъ.

— Дуэль! проговорилъ Ранси,—еще бы! ну, совсѣмъ вы, значитъ, въ аристократы записались!... что же, я пожалуй буду вашимъ секундантомъ, только не знаю вотъ какъ это нашимъ понравится. Вѣдь Лакло нужно пока только узнать о немъ, а если онъ иностранецъ, да еще и богачъ въ придачу, такъ онъ пожалуй могъ бы и пригодиться—сами знаете—отъ иностранцевъ, отъ этихъ богатыхъ дураковъ, немало денегъ намъ перепадаетъ...

— Нѣтъ, это врядъ ли... не изъ такихъ кажется... отъ него не наживешься. Мои маркизы и герцогини въ этомъ отношеніи гораздо полезнѣе, а секунданта, такого какъ вы, мнѣ очень надо... вѣдь кто его знаетъ—какъ онъ справляется со шпагой?! не пропадать же въ самомъ дѣлѣ изъ за него! Еслибъ можно было это устроить здѣсь, на улицѣ, съ глазу на глазъ, тогда мнѣ не нужно бы было никакого свидѣтеля, а завтра... вы ловкій человѣкъ, Ранси, и сами понимаете—можетъ вѣдь и я пригожусь вамъ!... такъ ужь потрудитесь занять его секунданта, чтобы онъ не путался, да не очень пристально слѣдилъ за мною. И не бойтесь взять грѣхъ на душу—я вовсе не намѣренъ убивать его—хорошая царапина, вотъ все что мнѣ нужно... проучу—и довольно, въ другой разъ будетъ осмотрительнѣе, а тамъ... если онъ можетъ вамъ на что нибудь пригодиться—тѣмъ лучше.

— Въ такомъ случаѣ я охотно соглашаюсь, сказалъ Ранси,—а такъ какъ теперь уже поздно, то не

позволите ли мнѣ пойти съ вами... до дому то еще очень далеко, а у васъ вѣрно найдется мѣстечко, гдѣ бы я могъ прикурнуть. Тогда, какъ бы рано онъ ни прислалъ къ вамъ своего секунданта, я буду къ вашимъ услугамъ.

— Прекрасно любезный другъ,—идемте!

Итальянецъ пожалъ ему руку, и они скрылись во мглѣ пустой улицы.

XXV.

Передъ дуэлью.

Сергѣй вернулся домой на себя не похожій и Моська, который съ тоской и волненіемъ дожидался его, взглянувъ на него не могъ даже и слова вымолвить. Онъ провелъ его въ спальню и суетился, помогая ему раздѣваться. Сергѣй какъ-бы совсѣмъ даже не замѣчалъ его присутствія, но въ тоже время казался ему какъ-то особенно кроткимъ и жалкимъ.

Наконецъ, Моська не выдержалъ.

— Батюшка, сказалъ онъ,—али бѣда какая случилась—на тебѣ лица нѣту?.. не томи, родимый, силушки не хватаетъ глядѣть на тебя, такого.

Услыша этотъ ласковый, знакомый голосъ Сергѣй какъ-бы очнулся, но ему ужь не нужно было теперь Моськи, ему никого не было нужно.

— Не спрашивай, Стапанычъ, — если есть горе, то ему ты не поможешь! Усталъ я очень, потуши свѣчи и уходи.

— Да какъ я тебя оставлю!? Боленъ ты, что-ли?—такъ скажи, не таись?!

— Говорю тебѣ, что усталъ, досадливо перебилъ его Сергѣй,—я здоровъ и ничего не случилось... Ну и оставь меня—дай заснуть!

Но у Моськи слишкомъ накипѣло сердце за весь этотъ вечеръ, за всю эту ночь.

— Да убей ты меня! завизжалъ онъ, — право лучше будетъ, вотъ возьми и убей—и вся не долга.— А такого видѣть я, воля твоя, не могу! Ну гдѣ это ты, сударь мой, былъ, гдѣ пропадалъ? Вѣдь пойми ты, Сергѣй Борисычъ, не я тебя спрашиваю, я то, коли самъ мнѣ ты не скажешь, спросить тебя не посмѣю,—такъ тутъ не я—а княжна, Татьяна Владиміровна, съ нею-то ты что дѣлаешь?! Вѣдь ты вотъ ушелъ—и нѣтъ тебя, а я то, чай, тутъ остался и наглядѣлся на нее, сердечную... хорошо такъ что-ли?... хоть бы сказался!..

Не доставало еще этого! конечно, Моськѣ трудно было понять душевное состояніе Сергѣя, иначе онъ не сталъ бы говорить съ нимъ теперь въ такомъ тонѣ.

— Моська, убирайся вонъ! вдругъ раздражительно крикнулъ Сергѣй,—давно ли я не имѣю права сдѣлать шагу?!

— А коли такъ, то, конечно, уберусь! проворчалъ карликъ и съ глубокимъ вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй бросился на кровать. Его мысли путались, усталость, слабость какая-то охватила его и

онъ вдругъ заснулъ тяжелымъ сномъ, во время котораго ему грезились самыя невѣроятныя, самыя ужасныя сновидѣнія.

Но онъ все же спалъ и этимъ сномъ хоть нѣсколько освѣжилъ свои потрясенныя силы. Уснулъ и карликъ, всплакнувъ и помолясь Богу. Не спала одна Таня. Замѣтивъ, что Сергѣй скрылся изъ дому и долго не возвращается и увидя при этомъ смущенное и озабоченное выраженіе въ лицѣ Моськи, она поняла въ чемъ дѣло. Проходили часы—Сергѣй не возвращался, ждать его не оставалось никакой возможности — она и такъ уже поджидала его далеко за полночь. Она прошла къ себѣ въ спальню, раздѣлась, легла и стала думать.

«Конечно, онъ тамъ... съ той!.. Напрасно увѣрялъ Степанычъ, что съ моимъ пріѣздомъ все это будетъ кончено!.. да и какъ я могла поддаться словамъ его?! я должна была знать, что въ такомъ дѣлѣ возврата нѣтъ... Зачѣмъ были эти дни? что я здѣсь дѣлаю? какъ смѣю оставаться въ его домѣ?! Вѣдь теперь онъ имѣетъ полное право презирать меня; онъ достаточно показалъ мнѣ, что между нами все кончено... онъ знаетъ, что я все поняла—и вотъ я осталась у него, стѣсняю его, ради приличій онъ долженъ оказывать мнѣ вниманіе... А самъ, между тѣмъ, рвется туда, къ той женщинѣ, которую любитъ! и вотъ вырвался! не сказался, не простился, исчезъ тихомолкомъ!.. А я все здѣсь!..

«Пора же, наконецъ, кончить съ этимъ; нельзя ждать ни дня, ни часу... Завтра же уѣдемъ, а онъ пусть будетъ счастливъ!..»

Она тихонько заплакала.

«Милый, милый!» шептала она, вспоминая прежнее время, тѣ дни когда она жила увѣренностью въ любви его и знала, что онъ будетъ принадлежать ей на всю жизнь.

«Милый, милый!» — она не винила его, она все ему прощала, точно также какъ и онъ не винилъ и прощалъ герцогиню. Но все же въ ихъ чувствахъ была большая разница — Сергѣй, вспоминая свою любовь съ Мари, доходилъ до безумія, онъ забывалъ все и неудержимо, страстно желалъ только снова ея ласки, обладанія ею. Таня плакала и тосковала вспоминая «милаго»; но если-бы онъ сейчасъ явился передъ нею—она твердо сказала-бы ему, что между ними все кончено, что прошлое не вернется, что ей нужна только прежняя любовь его, которую онъ дать ей уже не можетъ. Малѣйшая же ласка его — была бы для нея теперь оскорбленіемъ, и, окончательно убѣдясь въ его любви къ другой, она могла только думать о томъ, чтобы скорѣе бѣжать дальше, дальше и оставить его на свободѣ.

И эта разница въ ихъ чувствахъ была понятна — въ Сергѣѣ говорила страсть, переживавшая свою знойную пору, говорила уже извѣданная жажда блаженства и муки, влекшая его къ соблазнительной женщинѣ; Таня не знала еще ничего подобнаго: она горячо любила Сергѣя,—но все же мечтательной, дѣвической любовью и потому-то, несмотря на всю горечь тяжелаго сознанія, на тоску и чувство обиды, могла разсуждать и принимать твердыя рѣшенія.

И она рѣшила, во что-бы то ни стало, завтра же выѣхать если не изъ Парижа, то, по крайней-мѣрѣ, изъ дома Сергѣя. Ей предстояло мучительное и горь-

кое объясненіе съ матерью; но она не думала объ этомъ объясненіи—она хоронила свои дѣвичьи грезы и обливала ихъ горючими слезами.

Наконецъ, наступило утро — такое печальное и блѣдное. Таня, измученная безсонной ночью, забылась легкимъ сномъ и не знала она, что въ это время подъ одной кровлей съ нею былъ человѣкъ, который искренно любилъ ее и страстно желалъ ее видѣть. Рено исполнилъ обѣщаніе, данное Сергѣю и спозаранку постучался въ двери его спальни.

Сергѣй отперъ ему уже одѣтый и, повидимому, готовый выйти изъ дому.

Рено взглянулъ на него—при свѣтѣ дня его изнеможенное, блѣдное лицо производило еще болѣе тяжелое впечатлѣніе.

— Ахъ какъ это хорошо, что вы пришли такъ рано, мой другъ,—проговорилъ Сергѣй глухимъ голосомъ, — еще нѣсколько минутъ и вы-бы меня не застали... а вы мнѣ нужны теперь болѣе чѣмъ когда либо!.. Вы не сказали мнѣ гдѣ живете и я не могъ расчитывать что найду васъ... Рено, съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами разстались, ночью сегодня, случилось новое обстоятельство, при которомъ вы можете очень помочь мнѣ.

— Что такое, Serge? говорите скорѣе!

— У меня сегодня поединокъ... до полудня мой противникъ ждетъ моего секунданта, а теперь уже восемь часовъ. Какъ только я рѣшилъ драться — я подумалъ о васъ; я знаю, увѣренъ, что вы мнѣ не откажете; но я не зналъ навѣрное придете-ли вы, когда придете, боялся, что какое нибудь дѣло, какая нибудь случайность задержатъ васъ. И вотъ, чтобы

не пропустить времени, рѣшился обратиться къ одному моему знакомому молодому человѣку, на вниманіе и благородство котораго я могу расчитывать. Я собрался теперь къ нему, а вамъ хотѣлъ оставить вотъ эту записку. Но вы здѣсь—и это лучшее, что могло случиться... Вѣдь да? вѣдь правда? вы не откажете мнѣ, будете моимъ секундантомъ?!

Рено стоялъ грустный и серьезный. Извѣстіе, сообщенное Сергѣемъ, произвело на него самое грустное впечатлѣніе.

„Еще этого недоставало! думалъ онъ, — дуэль... онъ будетъ убитъ пожалуй! навѣрное это изъ за той, изъ за его герцогини... и, конечно, предотвратить эту дуэль врядъ-ли возможно, съ нимъ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ нечего и заговаривать!.. все дѣло теперь въ томъ, какой человѣкъ его противникъ— можетъ быть съ той стороны можно будетъ что нибудь сдѣлать...“

— Съ кѣмъ же вы деретесь? спросилъ онъ.

— Съ человѣкомъ, котораго ненавижу всѣми силами! мрачно проговорилъ Сергѣй и въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ, вдругъ даже совсѣмъ забывъ о присутствіи Рено и только прислушиваясь къ бурѣ, клокотавшей въ его сердцѣ.

Рено выждалъ нѣсколько мгновеній.

— Однако, вѣдь это не отвѣтъ, Serge! я увѣренъ, что вы не можете любить вашего противника и должны его ненавидѣть теперь, за нѣсколько часовъ передъ поединкомъ, но мнѣ нужно знать его имя.

— Его имя?! разсѣянно отозвался Сергѣй. — Онъ называетъ себя графомъ Монтелупо.

— Я никогда не слыхалъ о немъ.

— Немудрено, потому что никакого графа Монтелупо и нѣтъ на свѣтѣ—это подложное имя, а въ дѣйствительности этого человѣка зовутъ Бринчини.

— Что такое? какъ вы сказали? Бринчини, итальянецъ Бринчини... красивый брюнетъ, среднихъ лѣтъ? —И онъ выдаетъ себя за графа Монтелупо... И вы навѣрное знаете что его зовутъ Бринчини?!

— Да, потому что онъ самъ отозвался на это имя.

Рено оживился.

— Serge, пожалуйста опишите мнѣ его подробнѣе... разскажите гдѣ и какъ вы съ нимъ встрѣтились.

Сергѣй исполнилъ его желаніе.

— Да, теперь я почти не сомнѣваюсь, что это онъ! проговорилъ Рено, — теперь многое становится яснымъ.

Такъ и вы его знаете—тѣмъ лучше... вотъ его адресъ, не будемъ терять ни минуты, мой экипажъ уже готовъ—поѣдемте, я подожду васъ въ каретѣ... вы только назначите ему удобное мѣсто въ Булоньскомъ лѣсу и попросите его не запоздать, а мы поѣдемъ туда прямо...

— Постойте, Serge, времени довольно—все успѣемъ еще сдѣлать, но позвольте прежде всего сказать вамъ, что этотъ графъ Монтелупо, этотъ шарлатанъ, обдѣлывающій свои дѣла въ великосвѣтскихъ салонахъ и ухаживающій за герцогинями и маркизами —въ то же время членъ якобинскаго клуба.

— Право?! изумленно воскликнулъ Сергѣй,— въ такомъ случаѣ мы уличаемъ его еще въ новомъ шарлатанствѣ!

— Да, это ловкій малый, перебилъ Рено, — онъ

мнѣ сразу показался подозрительнымъ и я теперь ясно вижу что онъ шпіонъ. Ему навѣрное поручено вывѣдать въ придворномъ кругу все, что только можно и ваши дамы не только позволили себя одурачить но и впустили къ себѣ опаснаго врага.

— Это ужасно, Рено! Но какъ мнѣ ни отвратительно пачкать руки объ эту гадину, я все же не раскаиваюсь что вызвалъ его — его нужно уничтожить:

Рено печально улыбнулся.

— Прежде всего, сказалъ онъ,—вы должны мнѣ доказать что не утратили своей ловкости. Гдѣ ваши рапиры?

— Благодарю, мой другъ, что напомнили, живо отвѣтилъ ему Сергѣй,—какъ это я самъ объ этомъ не подумалъ. Пойдемте, я сейчасъ достану рапиры... вотъ здѣсь намъ будетъ удобно.

Рено превосходно владѣлъ шпагой, хотя это и было трудно представить себѣ глядя на его угловатую фигуру. Онъ передалъ Сергѣю свое искусство въ совершенствѣ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ рапиры были ихъ любимымъ занятіемъ. Подъ конецъ ученикъ превзошелъ учителя. По вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ поединки ихъ окончились и Сергѣй не бралъ шпагу въ руки.

Они надѣли маски и встали другъ передъ другомъ.

Рено скоро убѣдился, что Сергѣй такъ-же ловокъ и изворотливъ какъ прежде.

— Прекрасно! сказалъ онъ,—теперь все дѣло въ твердости и хладнокровіи и я увѣренъ, что въ нужныя минуты онѣ васъ не покинутъ. Только помните,

что съ подобными людьми нужно быть очень осторожнымъ; конечно я буду, не спуская глазъ, слѣдить за вами и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ вмѣшаюсь въ дѣло... Ну, на сколько возможно, вы меня успокоили, теперь ѣдемъ — я посмотрю какъ то встрѣтитъ меня этотъ самозванный графъ — навѣрное ужь онъ не ожидаетъ, что я явлюсь вашимъ секундантомъ...

Рено совсѣмъ оживился. Онъ говорилъ бодро, почти даже весело. Но вся эта бодрость, веселость были конечно только напускными. Онъ понималъ что въ настоящихъ обстоятельствахъ самое важное — поддержать Сергѣя, не дать ему упасть духомъ, возбуждать его на сколько возможно. Но, начиная разыгрывать роль дѣятельнаго и бодраго секунданта, Рено въ глубинѣ своего сердца былъ далеко не спокоенъ.

„Что такое искуство и ловкость когда все дѣло въ случаѣ, въ мгновеніи, въ едва замѣтномъ поворотѣ, въ невольномъ движеніи руки и такъ далѣе!.. И при этомъ еще противникъ, на честность котораго нельзя положиться!“. Рено и такъ уже въ послѣднее время видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ. Ему просто начинало казаться что ничего хорошаго, счастливаго и быть не можетъ. Вотъ и теперь, неотвязно, какъ предчувствіе какое то, которому онъ не хотѣлъ поддаться, которое старался отогнать — и не могъ, у него явилась мысль что сегодняшній день долженъ плохо кончиться.

„Что это такое будетъ? Что будетъ съ княжною? la petite fée... она вѣрно спитъ еще и не подозрѣваетъ ничего!.. хоть-бы взглянуть на нее! но нѣтъ, теперь уже пора, нечего мѣшкать.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, мой другъ, крикнулъ онъ.

Они поспѣшно вышли изъ спальни.

Но только что шаги ихъ успѣли замолкнуть въ сосѣдней комнатѣ, какъ тяжелая портьера шевельнулась и на порогѣ спальни показалась фигурка карлика. Проснувшись и выйдя изъ своей кельи, онъ узналъ о томъ что въ домѣ Рено и что онъ прошелъ прямо къ Сергѣю Борисычу.

— Когда же онъ? Давно ли? зачѣмъ же мнѣ сейчасъ не сказали?! взволнованно спрашивалъ карликъ.

— Недавно, всего нѣсколько минутъ будетъ какъ пришелъ, отвѣчали ему.

И онъ успокоился и поспѣшилъ по направленію къ спальнѣ барина.

Но его подгоняла не радость свиданія съ французомъ, онъ готовъ былъ Богъ знаетъ что дать чтобы только никогда съ нимъ не встрѣчаться, онъ спѣшилъ въ извѣстный ему уголокъ, откуда можно было слышать каждое слово, произносившееся въ спальнѣ.

„Ну теперь авось узнаю въ чемъ дѣло, думалъ Моська,—охъ боюсь неладное что нибудь и нежданное стряслось надъ нимъ! Тутъ ужь не одна эта вѣдьма, тутъ пожалуй что нибудь другое—не даромъ трещотка поганая, Реношка затесался, опять объявился... видно и онъ тутъ руку прикладываетъ“.

Карликъ добился своего, онъ не проронилъ почти ни одного слова изъ разговора Сергѣя съ Рено и все понялъ. Выйти изъ своей засады и явиться передъ Сергѣемъ онъ не посмѣлъ. Онъ вѣрно сообразилъ, что помѣшать ничему не можетъ, что только раздражитъ Сергѣя и ничего больше. Онъ пришелъ

въ отчаяніе и ужасъ, зубы его стучали, ножонки тряслись. Выйдя изъ за портьеры онъ подбѣжалъ къ окну, вскарабкался на него и сталъ глядѣть на улицу. Вотъ къ крыльцу подъѣхала карета, Сергѣй и Рено сѣли въ нее, дверцы захлопнулись, лошади тронулись—еще нѣсколько мгновеній и карета мелькаетъ уже далеко и ее не воротишь.

— Да развѣ это возможно?! отчаянно крикнулъ карликъ,—Господи Боже мой! да вѣдь это что же такое?! Дите будетъ драться не на животъ а на смерть?!.. Дитю искалѣчатъ, убьютъ пожалуй! да какъ же это?! да чего же начальство-то смотритъ—али въ этомъ басурманскомъ городѣ убивать людей можно безъ запрета?!

Почти всегда благоразумный и разсудительный, Моська теперь совсѣмъ потерялъ голову. Возможность искалѣченія и смерти Сергѣя Борысыча представились ему съ такой ясностью, что онъ чувствовалъ одинъ ужасъ и ничего болѣе.

Какъ теперь быть, что дѣлать—онъ не зналъ. Бѣжать, звать на помощь... надо время остановить ихъ! Но куда бѣжать? кого звать?—Кто это скажетъ.

И онъ, какъ съумашедшій, побѣжалъ на половину дома занятую княгиней и Таней.

Княгиня была еще не одѣта и не выходила, но Таня уже вышла въ гостиную совсѣмъ готовая. Она хотѣла именно велѣть позвать Моську и черезъ него передать Сергѣю, что ей необходимо переговорить съ нимъ и что она ждетъ его въ гостиной. Она рѣшилась просить его сегодня же отыскать имъ приличное помѣщеніе до ихъ отъѣзда изъ Парижа. Увидя

испуганное, заплаканное лицо Моськи она остановилась, растерянная, и едва успѣла выговорить:

— Что такое?!

— Ахъ, матушка Татьяна Владиміровна, бѣда пришла, бѣда! запищалъ карликъ, — Сергѣй-то Борисычъ!!..

Таня вскрикнула и пошатнулась.

— Что съ нимъ?! Что?! Гдѣ онъ?! Боже мой, какъ ты смотришь! вѣдь онъ живъ?! вѣдь онъ не умеръ?!..

—Да говори же скорѣе?!

— Живъ еще, матушка, да что въ томъ проку то, когда можетъ черезъ часъ... черезъ два въ живыхъ не будетъ. Сейчасъ уѣхалъ съ французомъ... съ Рено... драться, вишь, будутъ на шпагахъ, на смерть...

Таня ничего не понимала.

— Какъ драться? съ Рено драться?! Развѣ они поссорились—да нѣтъ, этого быть не можетъ! Рено не станетъ съ нимъ драться!..

— Матушка, да не Рено, Рено то съ нимъ только вмѣстѣ поѣхалъ, а драться Сергѣй Борисычъ съ другимъ будетъ, съ итальянцемъ... слышь ты какимъ то.. какъ бишь они его называли... Шарта... номъ...

— Да гдѣ же дуэль будетъ?! хватаясь за голову проговорила Таня.

— Въ Булоньскомъ лѣсу.

— Ты знаешь, гдѣ онъ...

— Еще бы не знать... я матушка, тутъ все знаю.

— Ну такъ, Степанычъ, слушай — бѣги скорѣе, какъ можно скорѣе за экипажемъ, останови первую наемную карету — у васъ тутъ долго будутъ закладывать—а я вслѣдъ за тобою... поѣдемъ... вези ты

въ Булонскій лѣсъ... только скорѣе, голубчикъ, ради Бога скорѣе!..

— Ладно, золотая, ладно... вотъ это такъ... я мигомъ... выходи на крыльцо—карета ужь будетъ.

Онъ исчезъ. Таня поспѣшно одѣлась и, неуспѣвъ даже сказаться матери, пробѣжала длинный рядъ комнатъ и спустилась съ широкой лѣстницы на подъѣздъ.

Моська уже дожидался ее съ каретой.

XXVI.

Къ лучшему.

Свѣжее, ясное утро стояло надъ Булоньскимъ лѣсомъ. Деревья были еще голы, но уже кое-гдѣ показывались первые признаки приближавшейся весны. Мѣстями, изъ-за черной, сырой земли, покрытой сгнившей прошлогодней листвой, робко выглядывала свѣжая, блѣднозеленая трава. По временамъ, въ вышинѣ древесныхъ вѣтокъ, слышалось птичье щебетанье. Кругомъ все было тихо и пустынно—Булоньскій лѣсъ, и въ то время любимый парижскимъ людомъ, все же былъ совсѣмъ не то что теперь, когда въ немъ трудно найти уединеніе, когда онъ весь расчищенъ и насквозь прорѣзанъ широкими аллеями. Тогда въ этомъ лѣсу можно еще было встрѣтить густую чащу—аллей было немного.

Въ значительномъ разстояніи отъ опушки, на ма-

лѣзжанной дорогѣ, мелькала наемная карета, кучеръ то и дѣло стегалъ лошадей. Изъ окна кареты ежеминутно выглядывалъ Бринчини.

— Стой! наконецъ закричалъ онъ кучеру.

Карета остановилась. Итальянецъ вышелъ въ сопровожденіи Ранси и оглядѣлся.

— Должно быть здѣсь! сказалъ онъ своему спутнику. Да, конечно здѣсь, я это мѣсто хорошо знаю... вонъ и его экипажъ!... тутъ, за этими деревьями сейчасъ и лужайка, про которую говорилъ этотъ проклятый Рено... Кучеръ! ты будешь стоять здѣсь, черезъ полчаса мы вернемся, только смотри, чтобы мы застали тебя на этомъ же мѣстѣ!..

— Будьте покойны, куда я поѣду? да и лошадей такъ загнали, что они, коли ужь разъ остановились, такъ теперь ни съ мѣста... хоть цѣлый годъ гуляйте, пускай себѣ отдохнутъ.

Кучеръ слѣзъ съ козелъ и тотчасъ же вошелъ въ карету, собираясь подремать на досугѣ. Итальянецъ и Ранси двинулись въ сторону, пробираясь между деревьями и кустами.

— Чортъ возьми, говорилъ Бринчини,—проснулся я совсѣмъ спокойнымъ, а вотъ теперь и беретъ сомнѣніе — благополучно ли у насъ кончится?.. Ну могъ ли я ожидать, что секундантомъ его окажется этотъ Рено?!

— Признаюсь, вы меня даже изумили, гражданинъ Бринчини, перебилъ его Ранси,—вы такъ смутились при появленіи Рено, что васъ трудно было и узнать, а я васъ считалъ такимъ молодцомъ, который не въ состояніи смутиться даже при встрѣчѣ съ чортомъ.

— Чорта-то я не испугаюсь; но иногда бываютъ такія скверныя встрѣчи!.. Поймите вы, что если мы теперь не отдѣлаемся отъ этихъ господъ, то могутъ быть большія непріятности не только мнѣ, можетъ пострадать даже и наше дѣло... Рено знаетъ мою дѣятельность въ клубѣ, русскій знаетъ мою дѣятельность въ салонахъ... ну, однимъ словомъ, я попалъ въ скверную исторію... Вы вотъ вышли изъ комнаты, когда я объяснялся съ Рено и я не знаю гдѣ пропадали, вѣдь я едва васъ дозвался!.. Вы не слыхали какъ этотъ сумасшедшій меня отдѣлывалъ... я едва удержался, чтобы тутъ же, не говоря худаго слова, не угомонить его...

— Хорошо сдѣлали что удержались, потому что сами знаете: намъ пуще всего нужно избѣгать огласки... А если я замѣшкался, выйдя изъ вашей комнаты, то это потому, что у васъ въ передней меня встрѣтилъ человѣкъ, передавшій мнѣ вотъ эту записку... вотъ—прочтите!.. я нарочно отложилъ это до послѣдней минуты, чтобы васъ порадовать...

Бринчини схватилъ протянутую ему записку.

— Что же? знакомый почеркъ... а, нашъ общій пріятель Пти!.. «не выпускать Рено и избавиться отъ него тѣмъ или другимъ способомъ».. Что же вы мнѣ сейчасъ же не сказали?! Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего новаго—эта записка только подтверждаетъ то, что я сейчасъ говорилъ вамъ.

— Такъ, такъ! съ какой-то отвратительной улыбкой перебилъ его Ранси,- да для меня то она очень важна—она мнѣ развязываетъ руки... Вы постарайтесь управиться съ однимъ, а я не упущу другаго...

Они замолчали и быстро направились къ засвѣтившейся изъ-за деревьевъ лужайкѣ.

Между тѣмъ Сергѣй и Рено давно и съ нетерпѣніемъ поджидали ихъ въ этомъ условномъ мѣстѣ. Великолѣпныя лошади Сергѣя примчали ихъ сюда уже около часу. Дорогой Рено передалъ своему воспитаннику подробности переговоровъ съ мнимымъ графомъ Монтелупо. Горячій французъ, окончательно взбѣшенный и взволнованный, едва могъ удерживать свое негодованіе.

— Мнѣ тяжело, Serge, говорилъ онъ, — что вы связались съ этимъ мошенникомъ, онъ заслуживаетъ наказанія, но не въ честномъ поединкѣ съ порядочнымъ человѣкомъ, а наказанія по закону, самаго позорнаго наказанія... Да, но гдѣ же теперь законъ, теперь все перепуталось во Франціи, теперь торжество темной силы — болѣе чѣмъ когда либо!.. Когда вы назвали мнѣ его имя, мнѣ трудно было сомнѣваться, я сразу былъ почти увѣренъ, что это онъ,—но все же у меня оставалась хоть нѣкоторая доля сомнѣнія. Вѣдь знаете ли, еще недавно, когда я еще находился въ моемъ несчастномъ, дѣтскомъ, смѣшномъ заблужденіи, когда я на все глядѣлъ глазами моего воображенія, моихъ страстныхъ желаній и не видѣлъ печальной дѣйствительности,—я считалъ этого человѣка, этого Бринчини-Монтелупо искреннимъ и горячимъ демократомъ! Если бы вы знали какія пламенныя рѣчи произносилъ онъ въ клубѣ!?. Но я не въ немъ одномъ обманулся, не одинъ онъ провелъ меня — меня провели всѣ какъ послѣдняго дурака. Мнѣ страшно, стыдно въ этомъ сознаться... я самъ себѣ жалокъ... Однако простите меня, вамъ

конечно теперь не до моихъ признаній, — скажите мнѣ, мой другъ, откровенно: достаточно ли вы спокойны и тверды?!.

— Я самъ себѣ удивляюсь, Рено, отвѣчалъ ему Сергѣй,—вчера я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, я былъ такъ измученъ, такъ слабъ, что конечно изобразилъ бы очень печальную фигуру на поединкѣ. Но сегодня, съ самаго утра, со мною произошла странная перемѣна— я спокоенъ, и ничего не чувствую, ни о чемъ не думаю, я будто окаменѣлъ...

Рено тревожно глядѣлъ на него.

— Да, но это не хорошо! Это апатія, которой не должно быть въ нашемъ положеніи.

— Апатія! пожалуй, отвѣчалъ Сергѣй, — только не безпокойтесь — я вовсе не желаю, чтобы этотъ самозванецъ, этотъ негодяй убилъ меня; я намѣренъ защищаться изо всѣхъ силъ и чувствую, что какъ только его увижу — во мнѣ исчезнетъ моя апатія. Ужь при одной мысли о немъ, вотъ теперь, поднимается бѣшенство!..

— О! дайте мнѣ его скорѣе! почти проскрежеталъ онъ и глаза его засверкали,—уничтожить его, умертвить, надругаться надъ его трупомъ!.. я на все способенъ... Это можетъ быть отвратительно, недостойно человѣка, но я не могу иначе—никогда со мной не бывало ничего подобнаго и не будетъ, если я останусь въ живыхъ, но теперь я самъ себя не понимаю. Вотъ, я говорю вамъ — за минуту я былъ спокоенъ, а теперь цѣлый адъ во мнѣ!..

Рено всѣми мѣрами старался его успокоить. Они вышли изъ кареты, достигли назначенной лужайки

и стали дожидаться Бринчини. Они медленно бродили, взявшись подъ руку, какъ бывало въ Горбатовскомъ, и каждый думалъ свои думы.

Лицо Сергѣя опять приняло не то спокойное, не то какое-то застывшее и ко всему безучастное выраженіе.

Что касается до Рено, то онъ никакъ не могъ подавить въ себѣ тоски, которая наполняла его съ каждой минутой больше и больше. Глядя на Сергѣя, онъ вспоминалъ прежнее время, ихъ деревенскую жизнь, эти тихіе, спокойные годы, которые теперь онъ поневолѣ долженъ былъ считать чуть ли не самыми лучшими годами своей жизни. Какъ онъ любилъ тогда этого юношу, который развивался подъ его вліяніемъ, котораго онъ такъ тщательно вылѣпливалъ въ свою любимую форму. О какой свѣтлой, чудной будущности мечталъ онъ тогда для этого юноши!..

Конечно, эта будущность и теперь возможна, для него все открыто, все ему доступно,—но что-то будетъ сегодня?

Чѣмъ кончится это несчастное дѣло? Вѣдь вотъ я его успокоиваю, думалъ Рено,—ему толкую о хладнокровіи и твердости, а самъ то, нечего сказать, хорошъ! Да вздоръ, пустое, что за малодушіе!

Онъ подбодрялъ себя, но ничего не выходило — тоска не покидала его. И когда захрустѣли вблизи вѣтки, и сквозь деревья мелькнули двѣ мужскія фигуры, онъ вздрогнулъ и взглянулъ на Сергѣя грустно и испуганно.

А въ это время въ глубинѣ одной изъ аллей Булоньскаго лѣса показались двѣ бѣгущихъ фигуры,

это была Таня, за которою едва поспѣвалъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ карликъ.

Когда они выѣхали изъ дома, Моська ее нѣсколько успокоилъ, онъ разсказалъ ей все, что ему удалось подслушать и она убѣдилась что Сергѣй съ Рено отправились не прямо на мѣсто поединка, а должны еще заѣхать къ тому человѣку, съ которымъ Сергѣй будетъ драться.

— Степанычъ, мы пріѣдемъ раньше ихъ! почти радостно крикнула она,—нужно только будетъ намъ остановиться на такомъ мѣстѣ, мимо котораго они должны будутъ непремѣнно проѣхать. Знаешь ли ты такое мѣсто?

— А вотъ постой, матушка барышня, отвѣчалъ все еще тряшійся какъ въ лихорадкѣ Моська, — вотъ я сейчасъ переговорю съ кучеромъ. Въ лѣсъ то этотъ мы не разъ съ Сергѣемъ Борисычемъ ѣздили, дорогу я знаю, да вотъ поразспрошу хорошенько...

Онъ высунулся изъ окошка и сталъ на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ объясняться съ кучеромъ.

Тотъ увѣрилъ его, что дорога одна и что они никого не пропустятъ.

— Хорошо, ситойенъ, сказалъ Моська на увѣренія кучера, — ты останешься доволенъ, заплатимъ какъ еще никто не платилъ тебѣ... только, Бога ради, скорѣе! vite, vite!

Кучеръ утвердительно кивнулъ головой; карликъ закрылъ окошко, спустилъ ноги съ каретной подушки, на которую вскарабкался для переговоровъ, и началъ глядѣть на Таню.

Но у нея было такое страдальческое лицо, что онъ не могъ долго выдержать. Слезы то и дѣло застилали глаза его. Онъ отвернулся и началъ смотрѣть въ окошко, Таня глядѣла въ другое—такимъ образомъ имъ трудно было пропустить кого нибудь.

Они почти ужь выѣхали изъ города, когда мимо нихъ промчалась карета.

Моська всплеснулъ руками.

— Голубушка, да вѣдь это онъ, Сергѣй Борисычъ!.. карета то наша... и лошади!

— Не ошибся, Степанычъ? вѣрно это?'

— Вѣрно, вѣрно говорю! точно я не знаю—любимые вороные Сергѣя Борисыча, сущіе черти!. .разъ поѣхалъ съ нимъ, такъ они чуть въ дребезги не разбили... И нужно же было ему нынче на нихъ выѣхать—ну гдѣ намъ теперь за ними угнаться на эдакихъ клячахъ!..

-- Такъ какже мы? ради Бога, Степанычъ... что же это будетъ?! въ отчаяньи говорила Таня.

Она мгновеннымъ движеніемъ открыла окошко и крикнула кучеру, чтобы онъ догонялъ эту карету, не выпускалъ ее изъ виду, что онъ получитъ пять, десять луидоровъ если догонитъ.

Кучеръ сталъ изъ всѣхъ силъ хлестать лошадей, а самъ думалъ:

— Ну гдѣ же тамъ догнать! — десять луидоровъ не шутка, да не догонишь, а лошадей только зарѣжешь,—такъ тутъ и дороже десяти луидоровъ обойдется...

Однако все же мысль о такой крупной получкѣ была слишкомъ соблазнительна и онъ пустилъ своихъ лошадей во всю прыть!

Между тѣмъ дорога дѣлалась все хуже и хуже. Начались выбоины. Старую карету качало изъ стороны въ сторону и по временамъ даже раздавался подозрительный трескъ; но ни Таня ни Моська, въ своемъ волненіи, ничего не замѣчали. Они оба высунувшись изъ окошекъ, смотрѣли впередъ за мелькавшей вдали каретой Сергѣя.

Вотъ и Булоньскій лѣсъ начался. Вокругъ давно уже смолкло людское движеніе—ни души живой.

— Скорѣй, скорѣй! кричитъ Таня.

Кучеръ погоняетъ — и вдругъ раздался трескъ... карета пошатнулась на бокъ. Кучеръ едва сдержалъ лошадей.

— Боже мой, что такое?!

Таня распахнула дверцу, выскочила, за нею выкарабкался Моська. Карета на боку, ось сломана, дальше ѣхать нѣтъ никакой возможности.

Таня стояла блѣдная, отчаянно заломивъ руки и безсмысленно глядя передъ собою. Карета Сергѣя уже скрылась изъ виду, кругомъ лѣсная тишь. Кучеръ уныло осматриваетъ свой экипажъ и повторяетъ.

— Вотъ и догналъ! Что я теперь буду дѣлать?!

Таня бросила ему нѣсколько золотыхъ монетъ и какъ сумасшедшая кинулась бѣжать по дорогѣ. Моська за нею.

Вотъ перекрестокъ, дороги идутъ по всѣмъ направленіямъ. Ничего не слышно. Запыхавшійся карликъ остановился, сталъ оглядывать колеи, слѣды лошадиныхъ копытъ.

— И на право будто свѣжіе слѣды и на лѣво! Куда они проѣхали Богъ ихъ знаетъ?!

— Да что же мы стоимъ?! Боже мой! говорила Таня,—бѣжимъ, бѣжимъ, ради Бога!!

— Куда же, матушка, бѣжать то? отчаянно вопилъ Моська,—куда? я почемъ знаю?!.

— Господи, помоги намъ!!

И она опять побѣжала прямо передъ собою, хватаясь руками за сердце, которое будто хотѣло выскочить изъ груди ея. Моська долго не отставалъ отъ нея, наконецъ началъ выбиваться изъ силъ. Къ тому же время шло, они пробѣжали довольно значительное разстояніе никого не встрѣчая, останавливаясь и прислушиваясь и ничего не слыша.

Больше часу прошло въ этомъ невыносимомъ положеніи. Таня не чувствовала усталости, но карликъ едва волочилъ ноги. Наконецъ онъ споткнулся, упалъ и горько заплакалъ. Таня должна была остановиться, помочь ему подняться.

— Оставь меня, Степанычъ, пусти одну...

Но онъ не могъ этого. Онъ собралъ послѣднія силы и опять побѣжалъ за нею.

— Родная моя! едва ворочая сухимъ языкомъ, вдругъ взвизгнулъ карликъ,—глянь-ка сюда! тамъ вонъ... видишь, на поворотѣ... видишь, карета наша... лошади наши... бѣжимъ скорѣе!!

Она пустилась какъ стрѣла и скоро была у кареты. Моська не отставалъ отъ нея, цѣпляясь за ея платье.

Онъ еще издали изступленнымъ голосомъ кричалъ кучеру, спрашивая гдѣ Сергѣй Борисычъ, съ какой стороны искать его.

Кучеръ молча указалъ по направленію къ лужайкѣ.

Таня бѣжала, не видя подъ собой земли, натыкаясь на кусты, раздвигая ихъ руками, проникая въ лѣсную чащу. Острые, сухіе сучья зацѣпляли за ея платье, рвали его, но она ничего не видѣла.

Ей казалось что она летитъ, а на встрѣчу ей мчатся, удерживая ея полетъ, цѣлые полки черныхъ великановъ, сонмище лѣсныхъ духовъ, высланныхъ злобною, невѣдомой силой, чтобы помѣшать ей найти дорогаго человѣка.

И эти черныя, косматыя привидѣнія хлестали ее по лицу, царапали ее своими когтями. Но она не обращала на нихъ вниманія, она рвалась впередъ, впередъ, всматриваясь зоркими глазами, нѣтъ ли гдѣ просвѣта; ловя чуткимъ, напряженнымъ слухомъ малѣйшій шорохъ.

И вотъ ей что-то послышалось—будто человѣческіе голоса, потомъ какой-то другой звукъ — то лязгъ стали! Да, она ужь не сомнѣвалась въ этомъ. Она сдѣлала послѣднее усиліе и вырвалась изъ частаго кустарника на лужайку.

Но тутъ вдругъ ее оставили послѣднія силы, ноги подкашивались, дыханіе сдавило—она ухватилась за древесный стволъ и нѣсколько мгновеній стояла будто окаменѣлая, съ широко раскрытыми глазами, не въ силахъ сдѣлать малѣйшее движеніе.

Она видѣла: на противоположной сторонѣ довольно обширной лужайки—Сергѣй и Рено, и два неизвѣстныхъ ей человѣка. Сергѣй бьется со своимъ противникомъ... блестятъ ихъ шпаги... И вдругъ, мигъ одинъ... страшная, отчаянная боль схватила ее за сердце... Сергѣй опустилъ свою шпагу, пошатнулся... шпага выпала изъ рукъ его... Онъ ухва-

тился за грудь и медленно, какъ-то странно присѣлъ на землю... Рено бросился къ нему...

Таня наконецъ крикнула не своимъ голосомъ, силы вернулись къ ней, она побѣжала черезъ лужайку... но тутъ на ея глазахъ произошло что-то совсѣмъ непонятное: одинъ изъ двухъ неизвѣстныхъ людей, но не тотъ, который бился съ Сергѣмъ, быстро подбѣжалъ къ склонившемуся Рено и замахнулся на него какимъ-то блеснувшимъ оружіемъ...

Рено выпрямился, отскочилъ и уже готовъ былъ броситься на этого человѣка... но въ это самое мгновеніе передъ нимъ съ отчаяннымъ воплемъ появилась Таня, за нею, жалобно плача, поспѣвалъ карликъ.

Два неизвѣстныхъ человѣка, смущенные этимъ нежданнымъ появленіемъ,нѣсколько времени стояли неподвижно, потомъ, будто сговорившись, быстро повернулись и скрылись за кустами.

— Сережа, Сережа! шептала Таня, дрожа всѣмъ тѣломъ и падая на колѣни передъ раненымъ.—Кровь, кровь!... Сережа! онъ не слышитъ... да, нѣтъ, не можетъ быть этого... неужели они его убили?!..

Она трепещущими руками силилась разстегнуть на его груди пуговицы и никакъ не могла этого, она заглядывала въ его блѣдное лицо, прислушивалась къ его дыханію. Моська громко рыдалъ рядомъ съ нею.

Первый пришелъ въ себя Рено. Онъ быстро и твердой рукою сдѣлалъ то, чего не въ силахъ была сдѣлать Таня, онъ осмотрѣлъ рану Сергѣя и вздохнудъ свободнѣе.

— Княжна, дорогая моя, успокойтесь! произнесъ онъ и въ выраженіи его голоса было что-то такое,

что заставило Таню очнуться. — Успокойтесь, онъ живъ и я даже надѣюсь, что рана не черезчуръ опасна. Онъ въ обморокѣ, но это пройдетъ скоро и прежде всего помогите мнѣ перевязать рану...

Таня преобразилась, какъ это всегда бываетъ съ любящей женщиной въ подобныхъ обстоятельствахъ: Рено нашелъ въ ней искусную помощницу. Скоро Сергѣй открылъ глаза, изумленно и слабо улыбнулся Танѣ. Кое какъ имъ удалось довести или, вѣрнѣе, донести его до кареты. Въ ней оказалось достаточно мѣста для Рено и Тани. Моська, задыхаясь отъ рыданій, взобрался на козлы.....

Не пришлось Танѣ уѣхать изъ Парижа и она благодарила судьбу за то, что промедлила нѣсколько дней окончательнымъ рѣшеніемъ подъ вліяніемъ какого-то страннаго предчувствія. И вотъ значитъ все такъ и надо было, значитъ не даромъ она сюда пріѣхала. Теперь она забыла оскорбленіе, нанесенное ей Сергѣемъ, забыла все горе обманутой любви и всецѣло отдалась своимъ новымъ обязанностямъ сидѣлки у постели любимаго человѣка.

Когда Сергѣя привезли почти безчувственнаго домой, княгиня Пересвѣтова такъ перепугалась, что сама чуть не разболѣлась; но на другой же день, придя въ себя и видя Таню, всю поглощенную хлопотами, она горячо поцѣловала ее и сквозь слезы проговорила:

— Ахъ ты, мое бѣдное дитятко, опять въ сидѣлкахъ! Таня не удержалась—зарыдала.

— Матушка! шептала она,—знаешь-ли что доктора сказали?! вѣдь это опасно, и не рана тутъ... рану обѣщаютъ вылечить скоро, а за голову, за разумъ его опасаются—все то онъ бредитъ... неладно съ нимъ... Боже мой Господи!—неужели не выздоровѣетъ онъ?!..

— Успокойся, Танюша — своимъ новымъ, ласковымъ голосомъ перебила ее княгиня,—выздоровѣетъ онъ, вѣрно говорю тебѣ... ужь коли ты у него въ сидѣлкахъ—такъ выздоровѣетъ!

Княгиня дѣйствительно была увѣрена, что такъ оно и будетъ; но Танѣ она не могла передать этой увѣренности и много дней прошло въ тревогѣ, много ночей протянулось между страхомъ и надеждой.

Въ первые дни положеніе Сергѣя возбуждало серьезныя опасенія: леченье раны шло успѣшно, а между тѣмъ онъ почти не приходилъ въ себя, онъ то и дѣло бредилъ, борясь въ этомъ бреду съ призраками. Таня не покидала его почти ни на минуту; не покидалъ его и Рено, снова переселившійся въ домъ и бросившій всѣ свои дѣла, повидимому забывшій всю ту тревожную жизнь, которая въ послѣдніе мѣсяцы увлекла его отъ любимаго воспитанника, увлекла въ бурное море политическихъ страстей и борьбы. Его порывистая натура переживала новый кризисъ. Онъ убѣждался въ своихъ ошибкахъ, печальныхъ заблужденіяхъ и вдругъ ему отвратительно, невыносимо стало все, что еще недавно его увлекало.

Теперь у него было одно только чувство—любовь къ Сергѣю, страхъ за его жизнь, надежда на его выздоровленіе. Онъ не могъ оторваться отъ больно-

го, не могъ оторваться и отъ Тани, которую любилъ почти такъ же какъ и Сергѣя. Онъ приносилъ ей большую пользу—онъ поддерживалъ ее въ эти тревожные дни, возбуждалъ ея упавшій духъ искусно скрывая передъ нею свою тоску и сомнѣнія.

Долгіе часы у кровати Сергѣя сблизили ихъ окончательно, они передали другъ другу все что могли передать, между ними не было тайны, не было недомолвокъ. И вотъ, когда опасность наконецъ миновала, когда доктора объявили, что ручаются не только за жизнь, но и за разсудокъ больного, Рено замѣтилъ, что къ радости Тани стало примѣшиваться новое, мучительное чувство. Одинъ разъ она даже проговорилась.

— Слава Богу, сказала она, выйдя съ Рено изъ спальни Сергѣя и усаживаясь въ маленькой гостиной, въ уютномъ уголкѣ, который теперь они оба полюбили,—слава Богу, я сама начинаю видѣть, что онъ поправляется. Еще недѣля, другая—и онъ будетъ здоровъ. Мои услуги ему не будутъ нужны... Тогда скорѣй, скорѣй бѣжать отсюда!!.

— Да, бѣжать! грустно повторилъ Рено, — мнѣ кажется и я убѣгу вмѣстѣ со всѣми вами...

— Нѣтъ, я не убѣгу! вдругъ весь вспыхивая, почти крикнулъ онъ.—Какъ ни тяжела будетъ разлука съ вами—я все же долженъ здѣсь остаться... Здѣсь адъ, здѣсь отрава; но все равно, уйдя отсюда, я черезъ мѣсяцъ какой нибудь повѣшусь! Я французъ — и былъ бы измѣнникомъ, былъ бы недостоинъ называться франзузомъ, еслибы въ такое время убѣжалъ изъ Парижа!.. А вы спѣшите дальше, въ вашу тихую Россію.. Благодарите судьбу, что все это

для васъ чужое, а главное—будьте счастливы другъ съ другомъ!

— Другъ съ другомъ... тихо, тихо выговаривала Таня,—нѣтъ, Рено, я уѣду одна и постараюсь никогда не встрѣчаться съ нимъ въ жизни... Въ ту минуту какъ его болѣзнь пройдетъ совсѣмъ — моя обязанность будетъ исполнена и я прощусь съ нимъ...

Рено оживился. Добрая улыбка мелькнула на губахъ его.

— О, какъ вы заблуждаетесь, дорогая княжна! сказалъ онъ. — Неужели вы не вѣрите, что теперь, именно теперь вы съ нимъ не разстанетесь, онъ васъ не отпуститъ, онъ дня одного не проживетъ безъ васъ... и вы, конечно, не будете такъ жестоки, чтобы его бросить. Думая обо всемъ что случилось, я право начинаю вѣрить въ какой то рокъ, въ какую то добрую судьбу, которая дала вамъ смѣлость и рѣшимость сюда пріѣхать... Не будь васъ здѣсь— что бы такое было! Да и не съ однимъ Serge'мъ, а и со мною—вѣдь я обязанъ вамъ жизнью! не подоспѣй вы въ ту минуту—эти негодяи зарѣзали бы меня, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Serge былъ въ забытьи—онъ не могъ быть свидѣтелемъ... его нашли бы раненымъ, меня—убитымъ. Они, конечно, позаботились бы убить меня такимъ образомъ, чтобы не возбудить ничьихъ подозрѣній. Чтобы ни говорилъ потомъ Serge—его прежде всѣхъ стали бы считать моимъ убійцей. Но еще вопросъ—выздоровѣлъ ли бы онъ еслибъ мы съ вами не перевязали во время его раны, еслибъ не привезли его немедля

домой и не сдали бы на попеченіе лучшихъ докторовъ?!..

— Я благодарю Бога за мое присутствіе въ Парижѣ, сказала Таня. — Можетъ быть все, что вы говорите и вѣрно, въ такомъ случаѣ я счастлива и это сознаніе на всю жизнь останется лучшимъ моимъ сокровищемъ... Но что же изъ этого, Рено?! Или вы хотите навязать меня Serge'у изъ благодарности? это будетъ черезчуръ большая плата за мою случайную услугу и уже во всякомъ случаѣ я не приму такой платы...

— О, какъ мы самолюбивы и мнительны! съ улыбкою перебилъ ее Рено, беря и поднося къ губамъ ея нѣжную и въ то же время крѣпкую руку. — О, какъ мы самолюбивы и мнительны! повторилъ онъ, какая тутъ плата, какая благодарность! подождите нѣсколько дней, дайте ему встать на ноги и вы увидите какимъ онъ встанетъ! конечно не я буду говорить за него—онъ самъ васъ увѣритъ что любитъ васъ истинно, страстно и на всю жизнь—и вы ему повѣрите, потому что онъ будетъ говорить правду... Поймите, княжна, поймите!.. хоть вы еще черезчуръ молоды, хоть вы и не знаете жизни, но вы такъ умны, вы должны понять: вѣдь все это былъ только сонъ, тяжелый кошмаръ,, неизбѣжная гроза, которая изъ юноши должна превратить его въ зрѣлаго человѣка. Еслибы всего что случилось—не было, я бы еще усомнился пожалуй въ вашемъ семейномъ счастьи—теперь я въ немъ не сомнѣваюсь! Я давно знаю, что вы созданы другъ для друга, судьба привела васъ сюда, съ вашей помощью онъ избавился отъ душевшаго кошмара, онъ просыпается... а когда

проснется совсѣмъ—вы возьмете его какъ свою законную собственность!..

Таня сидѣла въ видимомъ возбужденіи. Глаза ея блестѣли, на щекахъ игралъ яркій румянецъ.

— Какой вы мечтатель, Рено, какой мечтатель! шептала она.

— Мечтатель!—нисколько. Я только прожилъ на свѣтѣ больше вашего, я только хорошо знаю Serge'a... и потомъ теперь, вотъ въ эти послѣдніе три дня я за нимъ наблюдаю, шпіоню, глазъ съ него не спускаю... ну, и я хорошо вижу какъ онъ глядитъ на васъ и знаю что онъ думаетъ — я привыкъ читать мысли на лицѣ его...

— Оставьте меня, Рено! сказала Таня опуская глаза. Мнѣ съ вами страшно—вы искуситель! то что вы говорите—такъ заманчиво, что я боюсь... я вамъ повѣрю пожалуй, а я не должна этому вѣрить...

Рено все улыбался. Онъ видѣлъ что цѣль его достигнута—искушеніе оказалось черезчуръ сильнымъ и съ этой минуты онъ сталъ подмѣчать, что за Сергѣемъ шпіонитъ ужь не онъ одинъ, а можетъ быть еще больше его шпіонитъ за нимъ Таня.

Только слабость, послѣдній остатокъ нервной болѣзни, перенесенной Сергѣемъ, заставляла его, по предписанію докторовъ, оставаться нѣсколько дней въ кровати. Не будь этой слабости—онъ чувствовалъ бы себя совсѣмъ здоровымъ, а главное — къ нему вернулось спокойствіе, не было прежней тоски, прежней сердечной муки. Онъ радостно смотрѣлъ на жизнь, онъ чувствовалъ что живетъ, что впереди еще много жизни и радовался этому.

Вотъ наконецъ ему позволено одѣться и выйти изъ

спальни. Онъ лежитъ на диванѣ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Рено неслышными шагами ходитъ по мягкому ковру, княгиня у окошка что-то вышиваетъ въ пяльцахъ. У самаго дивана, граціозно откинувшись на спинку кресла, сидитъ Таня и громко читаетъ только что принесенныя газеты.

Сергѣй смотритъ на нее не отрываясь.

Да развѣ Таня—эта высокая, стройная дѣвушка съ темно-голубыми задумчивыми глазами, строгимъ профилемъ, съ такимъ спокойнымъ и въ то же время грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ? развѣ Таня—эта чудная красавица, созданная для того чтобы останавливать на себѣ всеобщее вниманіе, чтобы возбуждать восторгъ мущинъ и зависть женщинъ?! Таня, прежняя Таня, эта круглая, румяная вострушка, эта милая дѣвочка съ довѣрчивой и наивной улыбкой—гдѣ она, куда она дѣвалась?!.

Но вотъ она читаетъ и Сергѣй вслушивается въ ея голосъ: да, это она, прежняя, милая Таня! такъ же точно, бывало, въ Горбатовскомъ, читала она вслухъ... та же манера, то же выраженіе, такъ же мило не выговариваетъ она букву р—и эта милая манера чтенія, эта буква р воскресила вдругъ передъ Сергѣемъ прежнюю Таню, и онъ продолжалъ глядѣть на нее не отрываясь, не подозрѣвая что съ каждой новой секундой глаза его начинаютъ свѣтиться все ласковѣй и счастливѣй.

Таня остановилась и взглянула на него. Быстро, быстро вспыхнула она румянцемъ и опустила глаза, опустила голову и нѣсколько минутъ не могла приняться снова за чтеніе—такъ шибко стучало ея сердце, такой приливъ счастья охватилъ ее.

Рено продолжалъ тихо расхаживать по ковру, по-временамъ взглядывая на нихъ и ласково улыбаясь.

Вотъ скрипнула дверь кабинета, шевельнулась портьера—показалась фигурка Моськи. Онъ бережно несъ большой пакетъ и передалъ его Сергѣю.

— Сергѣй Борисычъ, изъ посольства прислали!

Сергѣй распечаталъ пакетъ, проглядѣлъ бумаги. Въ ихъ числѣ была записка къ нему отъ Симолина, который освѣдомлялся объ его здоровьѣ и извѣщалъ его что въ самомъ непродолжительномъ времени русское посольство будетъ отозвано изъ Парижа.

Сергѣй передалъ это извѣстіе присутствовавшимъ.

— Слава тебѣ Господи! крикнулъ карликъ и перекрестился.—Давно пора! да и у насъ все готово къ отъѣзду... я то, признаться, ужь съ недѣлю какъ сталъ помаленьку собираться...

— Да кто же это велѣлъ тебѣ? почемъ ты зналъ что я уѣзжаю?

— А то какъ же?!,. вотъ вѣдь моя же правда вышла али и теперь мы, батюшка Сергѣй Борисычъ, все еще тутъ сидѣть будемъ? всѣ добрые люди изъ этаго тартара вырвутся, а мы останемся?!

Сергѣй улыбнулся.

— Успокойся, Степанычъ, сказалъ онъ, — коли посольство государыня отзываетъ, такъ и я, волей-неволей, а долженъ ѣхать...

И при этомъ онъ взглянулъ на Таню такъ ласково, съ такой любовью, что она не могла усомниться въ значеніи этаго взгляда. Она снова зардѣлась румянцемъ и даже счастливыя, благодатныя слезы сверкнули въ глазахъ ея.

Моська хорошо подмѣтилъ все это.

„Вѣдь вотъ же и на нашей улицѣ праздникъ! радостно думалъ онъ. — Вѣдь я говорилъ что самъ Богъ надоумилъ барышню нашу въ этотъ омутъ проклятый пріѣхать... только за что же муки-то столько мы всѣ натерпѣлись?! За что дитю-то чуть въ гробъ не уложили?!..“

„Эхъ, болтунъ пучеглазый! чуть громко не крикнулъ онъ, изъ подлобья посматривая на Рено, — много ты начудесилъ!.. По твоей милости все вышло... ты тянулъ къ этимъ разбойникамъ... ты отвратилъ дитю отъ Господа, ты натолкнулъ его на грѣхъ тяжкій!.. Ну чего шагаешь... ишь вѣдь... чай опять за нами потащишься?!..“

Онъ подошелъ къ Рено и заискивающимъ, ехидным голосомъ спросилъ его:

— Мусье Рено, а какже вы, развѣ не будете скучать у насъ по вашемъ Парижѣ?

— Я здѣсь останусь, я не ѣду съ вами... je vous fais ce plaisir, mon très-cher „Stepanisch“! отвѣтилъ французъ съ печальной улыбкой.

— Рено, что вы? неужели не шутите? неужели мы должны разстаться!? тревожно спрашивалъ Сергѣй.

— Да, мой другъ, я остаюсь и не будемъ больше говорить объ этомъ... эта разлука мнѣ тяжелѣе чѣмъ вамъ... я остаюсь одинъ, одинъ въ цѣломъ свѣтѣ... и остаюсь не на радость. Но я не смѣю и не могу отсюда теперь уѣхать... я почти ужь не вѣрю ни во что свѣтлое, у меня мало надежды... Наше наказаніе начинается, да, наказаніе, потому что мы хоть не совсѣмъ вольные, а все же преступники. Желая блага, мы оказались пособниками зла... Мечтатели, фантазеры, незнакомые съ народомъ —

мы начали наше дѣло во имя народа — и губимъ этотъ народъ, пробудивъ къ жизни его дикость, давъ силу только плесени, только отребью человѣческаго общества... Мы, какъ легкомысленный заклинатель, вызвали адскаго духа—и не въ силахъ съ нимъ справиться, и онъ готовится растерзать насъ... И намъ остается только честно погибнуть въ борьбѣ съ вызваннымъ нами же адскимъ духомъ.

Рено замолчалъ. Глубокое страданіе пробѣжало по лицу его.

Сергѣй и Таня грустно глядѣли на него; но имъ нечего было возразить ему и нечѣмъ было его успокоить...

КОНЕЦЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. О. ВОЛЬФА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Гостинный дворъ № 18.

200 –

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Solov□ev, Vsevolod Sergeevič,

Sergěj Gorbatov Istoričeskij roman konca XVIII věka, Vsevoloda Solov'eva. V dvuch častjach

Bd.: 2

1882

P.o.russ. 142 a-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680428-5